

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

Гришка против
ПУСТЫННОГО
ДЕМОНА

Жил себе барский сын Гришка — не тужил, пока с крыши не упал. И, вместо того чтобы шею сломать и преспокойно отправиться в мир иной, попал он на чужую землю. А там: тварей видимо-невидимо, пекло, как в аду, и смерть по пятам бегают. Хорошо хоть девушки красивые, но тоже с «изюмом».

Глава 1 Во всем виноват сапог!

Вольгино. Поместье рода Михайловских. Девятнадцатый век от рождества Христова. С раннего утра на всю округу слышен яростный медвежий рев — это сам генерал-лейтенант Степан Мефодьевич, владелец поместья и отец дарования по имени Григорий, ищет своего отпрыска, дабы научить его уму-разуму. Не далее, как пару минут назад прибыл гонец напрямиком из военного училища, где обучалось его чадо. Ох и нерадостные вести привез гусар...

— Гришка! — отец стоял на крыльце и обводил взглядом подворье. — Где ты, Гришка? А ну, вылезай! Вылезай, пока нагайку не нашел! По-хорошему прошу, щучий сын, прости Господи.

Гриша прятался за поленницей и, с упавшим в пятки сердцем, смотрел через щель между дровами. Известие о том, что гонец так скоро привез новости из училища, застало его врасплох.

— Григорий Степанович, вас батюшка кличет, — сзади подошел старик Василий и тронул его за плечо. Гриша от неожиданности едва не взвизгнул, чем выдал бы свое присутствие.

— Тише ты, дурень, — зашептал он, схватил Василия за рукав и потянул вниз. — Пусть сначала остынет, потом вылезу.

Отец еще немного потоптался на крыльце, покричал и скрылся в доме. Гриша шумно выдохнул и вытер рукавом пот со лба.

— Опять что-то натворили? — участливо спросил старик и с кряхтеньем поднялся на ноги.

— Не твое дело, — огрызнулся Гриша и отмахнулся от пчелы, — Что делать-то?

Вопрос он адресовал не старику Василию, а себе, но тот не преминул поучаствовать в судьбе молодого барина.

— Повинную голову и меч не сечет, — нравоучительно сказал Василий и поплелся ко двору.

Гриша на полусогнутых перебежал от поленницы до загона с овцами, затем к колодцу и, наконец, юркнул в открытую дверь кухни. По требованию молодой жены Степана Мефодьевича, Елизаветы, кухню построили за три десятка метров от усадьбы, дабы запахи вареной капусты и жареной рыбы не пропитывали ее роскошные платья.

— О, Григорий Степанович, чего изволите? — удивилась дородная повариха.

— Ничего не надо. Просто посижу здесь, отдохну, — махнул он рукой и погладил кота, вальяжно развалившегося на лавке у печки.

— Жарко тут, — предупредила она. — С утра до вечера печь не остывает. Все стряпаю.

— Ничего, я потерплю. А ты работай-работай, не отвлекайся. Представь, будто меня здесь нет.

— Не-ет, так нельзя. Хозяйский сын должен в почете ходить, аки отец. Может, кваску с ледника изволите?

Гришка смахнул кота на пол, сел на лавку и кивнул:

— А, давай. Неси свой квас и поешь что-нибудь.

Повариха принесла и поставила рядом с ним крынку с холодным квасом, тарелку с

вареным салом и отрезала ломоть пышного белого хлеба.

Через пару часов заявила дворовая девка Акулина. Молодая крестьянка, кровь с молоком, являлась украшением поместья. Работящая и безотказная девушка пользовалась успехом, как у гостей, так и у молодых парней, работавших при помещике.

— Господа ужинать желают, — объявила она и покосилась на Гришу оценивающе-подозрительным взглядом. — А вас, Григорий Степанович, велено разыскать.

— Зачем это? — он сам, подобно коту, растянулся на лавке и подмигнул Акулине, смутив ее тем самым. Не то, чтобы она интересовала его, среди господ не принято было заигрывать со служанками. Но на сеновал он бы не отказался с ней сходить темной ночью.

— За стол. Кушать, — тихо ответила она и залилась краской.

Девятнадцатилетний Гриша пользовался популярностью у женщин любого возраста. Белозубая открытая улыбка, пшеничного цвета волосы, веснушки, а еще ребячье озорство и хороший характер нравились всем без исключения. Даже Степан Мефодьевич в разлуке очень скучал по сыну и безмерно гордился им, хоть Гришины проделки не раз заставляли его краснеть от стыда или от злости.

Тут Акулина нагнулась к корзине с яблоками, и Гриша нервно сглотнул, увидев в вырезе сарафана налитую свежестью и молодостью грудь девушки.

«Какая же все-таки она аппетитная, — пронеслась в голове пьянящая мысль. — Надо бы вызваться проводить ее до дому. Может и разрешит утянуть на сеновал».

Акулина тем временем подошла к столу и принялась накладывать суп из кастрюли в фарфоровую супницу. Он словно впервые в жизни увидел ее обтянутые легкой тканью бедра и ягодицы. В его воспоминаниях тут же возникла жена учителя, но парень лишь досадливо поморщился. Уж слишком разные они были. Екатерина Андреевна — стройная, одухотворенная, высоконравственная особа с небольшой грудью и тонкими ножками. Акулина же полный ее антипод — крутобедрая, как отъевшаяся курочка, с простым крестьянским лицом, никогда не знавшим косметики и притираний, а также огромного от природы, молока и капусты, воистину крестьянского бюста размером с капустный кочан. В голове у Гриши тут же возникли пошлые, но горячие мыслишки.

— А в каком настроении батенька? Суров? — как бы, между прочим, спросил он, а сам не сводил с нее пристального взгляда. В отличие от молодых дворянок лицо Акулины не отличалось красотой, потому его глаза быстро ныряли ниже, в огромный вырез ее сарафана.

— Вроде нет. С Тузиком игрался, моток ниток ему бросал.

Гриша встал, заправил рубашку в брюки и кивнул:

— Значит, пора возвращаться.

Степан Мефодьевич рано похоронил жену и, чтобы сын не чувствовал себя обделенным, отдавал столько любви и нежности, сколько мог. Гриша знал, что отец хоть и вспыльчив, но, подобно спичке, долго гореть не может.

«Ну, поругает немного, ерунда. Выгнали и выгнали. С кем не бывает? Только бы Лизка не вмешалась», — думал он, подходя к крыльцу.

С мачехой Елизаветой отношения не заладились с первого дня совместной жизни. Он видел ее насквозь: двуличная, злая, завистливая и жадная. Она постоянно вмешивалась в ссоры и подогревала их.

Гриша зашел в дом и услышал залиvistый лай Тузика.

— Неси-неси... Молодец, Туз. Дай лапу, — отец сидел в высоком кресле и гладил пса по загривку. Елизавета сидела у окна и обмахивалась веером.

— Ты звал меня? — развязно спросил Гриша, подошел к столу и закинул в рот засахаренную клюкву.

Степан Мефодьевич сложил руки на груди и, сурово сдвинув кустистые брови, сказал:

— Тебя, оказывается, с военного училища выгнали. Опять. Это уже третий раз, как мне приходится краснеть за тебя и выслушивать... разное. Скоро о тебе легенды будут слагать. Что на этот раз натворил?

«Можно подумать, тебе в подробностях не доложили», — усмехнулся он, но вслух сказал:

— Подрался. Защищал девичью честь.

— Девичью честь, говоришь. Ну-ну, — Степан Мефодьевич глубоко вздохнул и продолжил. — Ты угробил мою честь, защитничек. Мою! Какого черта, ты полез к замужней даме, ирод?!

Он вскочил и двинулся на сына. Глаза метали молнии. В руках откуда ни возьмись появилась нагайка.

— Жену учителя совратил, мерзавец! У-у-у, сгною, щучий сын! В каменоломнях сгною!

— Так это... Это она меня совратила, — пролепетал Гриша, отступая назад. — Я не хотел, это все она. Она, батенька!

— Ах, ты еще и отпираешься, шельма!

Гриша развернулся и помчался к двери, чувствуя тылом неотвратимое наказание. Степан Мефодьевич бросился следом:

— Стой!

Свист рассекаемого воздуха раздался над самым ухом, но орудие возмездия едва чиркнуло Григория по заду.

Юноша выскочил на крыльцо, запрыгнул на перила и, подобно дикому коту, царапая и обдирая руки, в считанные секунды залез на крышу веранды. Отец, тяжело дыша, выбежал из дома и в замешательстве остановился.

— Куда ж ты исчез, паскуда? Гришка, а ну подь сюда!

Тут прямо над головой скрипнула доска.

— Опять на крышу взобрался. Ну-ну, сиди, коли так нравится. Филя!

Из-за дома показался широкоплечий бородатый кузнец Филя.

— Стереги его. Как только спустится, сразу ко мне.

Кузнец кивнул и уставился снизу вверх на Гришу хищным взглядом. В отличие от женщин, мужская половина недолюбливала развязного и ленивого барского сынка, который без зазрения совести заигрывал с любой попавшейся на глаза девушкой и даже лез целоваться. Будь Гришка рангом пониже, давно бы познал всю прелесть крепкого кулака ревнивого мужа.

— Подумаешь, я могу хоть сколько здесь просидеть, — надулся Гриша. — Уж и пошутить нельзя, сразу своего Цербера на меня натравливает.

Цепляясь за черепицу, он взобрался на самый верх крыши и сел возле теплой кирпичной трубы.

— Хоть всю ночь стой, меня не достанешь! — крикнул он Филе и посмотрел вдаль.

Солнце клонилось к закату, напоследок даря теплый желтый свет полям с пшеницей и деревеньке, в которой жили подчиненные помещику крепостные. Во дворе сновали повариха с Акулиной, готовя стол к ужину, старик Василий сидел возле скотного двора и плел корзину из бересты. Кузнец стоял неподвижно и смотрел на Гришу, словно часовой на посту.

Вдруг в лесу за усадьбой размеренно закуковала кукушка.

— Кукушка, а кукушка, сколько мне жить осталось? — весело крикнул Гриша и прислушался, но птица замолкла. Она то ли испугалась его крика, то ли отмеряла кому-то срок.

— Ну и ладно, — махнул он рукой и пригрозил. — Но на охоте на глаза мне не попадайся. Пристрелю.

Время шло, но кузнец стоял, не шелохнувшись, и пристально следил за молодым барином.

— Иди лучше работой займись. Иди, кому говорю, — зло процедил Гриша, но Филя был невозмутим.

Гриша снял сапог и, прицелившись в его голову, бросил. Кузнец легко поймал за голенище и аккуратно положил на землю.

— Прицепился, как репей. Вот погоди, помрет батюшка, я тебе все припомню! — пригрозил он кулаком.

«Ну, ничего-ничего, вот стемнеет и спущусь. Он же не волк, чтобы ночью видеть», — Гриша прислонился к трубе и окунулся в воспоминания.

Обучаясь в военном училище, куда его по знакомству пристроил отец, он положил глаз на жену учителя математики, Екатерину Андреевну. Невысокого роста, хрупкая и изящная, она сразу привлекла внимание сердцеда Гриши. Екатерина Андреевна тоже хотела стать учителем и приходила на уроки мужа, чтобы набраться опыта общения со студентами.

— Пожалуйста, молодой господин, не спите на уроке, — услышал Гриша ее шепот у самого уха. Оказывается, он заснул на последней парте после бессонной ночи. Он поднял голову и встретился с ней взглядом. Большие голубые глаза в одно мгновение забрали его сердце и душу. Легкие тайные прикосновения рук в коридоре и на уроке, через пару недель превратились в бурные интимные отношения в кладовке под лестницей. Там-то их и поймал директор училища генерал-майор Юсупов.

Екатерина Андреевна покаялась перед мужем, и тот ее простил, но Гришу с позором выгнали. Он приехал домой и соврал отцу, что за хорошую успеваемость его наградили каникулами. Однако не прошло и недели, как от Юсупова пришло письмо с гонцом, в котором генерал подробно описал жизнь, учебу и преступление студента.

Между тем, солнце скрылось, и в доме зажгли свечи. Гриша, блуждая в своих воспоминаниях, совсем забыл про Филю. В детстве он часто прятался от отца на крыше, поэтому знал наизусть каждый выступ и мог на ощупь спуститься.

— Подумаешь, училище. Толку от него никакого. Все равно придется жить в этой глуши, — прошептал он, встал и начал медленно сползать по черепицам, подбираясь к крыше веранды. Вдруг внизу хрустнула ветка и на светлом прямоугольнике от окна появилась черная фигура Фили.

Гриша вздрогнул от испуга, оперся на острый угол доски ногой без сапога, не удержался и кубарем покатился с крыши.

***

— Эй, ты, вставай, — его грубо потрясли за плечо. — Ты пьяный или больной?

Гриша с трудом разлепил глаза и увидел обеспокоенные чужие глаза. Женские глаза на темном загорелом лице.

— Очнулся, наконец-то. Я уже хотела убрать тебя с дороги. Ого-го! Какая шишка! Тебя

обчистили, что ли? Давай руку, — она поднялась с корточек и протянула ему крепкую мозолистую руку. Гриша только прикоснулся к ней, как тут же взлетел на ноги. Невероятной силы женщина одним рывком поставила на ноги совсем не маленького Гришу.

— Не пялся! — рывкнула она, увидев его ошарашенный взгляд, изучающий ее мускулистое тело, едва прикрытое топом и короткой юбкой. — Если хочешь пить, то пойдём в трактир. Угощаю.

Она развернулась и зашагала к низкому каменному строению с грязными окнами.

Гриша огляделся и присвистнул:

— Где это я?

Вокруг, насколько хватало глаз, была пустыня. Песчаные барханы походили на волны застывшего моря. Солнце висело над горизонтом и было непонятно: то ли закат, то ли рассвет. Горячий ветер дул в лицо, иссушая нос и горло. Небольшая речушка текла неподалеку окаймленная с двух сторон редкой чахлой травой. Гриша бросился к воде, но тут услышал резкий свист.

— Не пей! — прокричала женщина и махнула рукой. — Выше по течению падаль гниет! Пойдем в трактир.

— Но у меня нет денег.

— Знаю, проверила. Я же сказал: угощаю.

Гриша поплелся за ней, чувствуя, как боль в голове, колышется будто раскаленная лава.

«Та-ак. Надо подумать, как я сюда попал? Я же на крыше сидел. А-а-а, я упал...И что? А почему оба сапога на мне?»

Женщина ждала его у двери и в нетерпении дергала ручкой кинжала, прикрепленного к поясу.

— Какой же ты долгий, шевелись, — раздраженно сказала она, распахнула дверь и зашла в трактир. Гриша последовал за ней.

В нос ударила вонь перебродившей браги, и он невольно задержал дыхание, хотя понимал, что долго так не выдержит. После яркого солнечного света Грише показалось, что они очутились в кромешной тьме, но вскоре глаза привыкли и он смог рассмотреть, где очутился.

Прямо перед ним, в трех метрах, стояла барная стойка, за которой стоял хмурый бородач и с подозрением смотрел на него. Слева и справа находились грубо сколоченные столы и скамейки.

— Дайте воды юноше, — велела женщина. — Только чистой! А не той, что с гнилых болот течет. Там бегемот сдох. А мне чего-нибудь покрепче и лепешек.

Она прошла в дальний угол и опустилась на скамью. Гриша сел напротив.

— Я — Назифа. Наемница. А ты кто? Откуда? И куда?

Гриша потрогал шишку на затылке и сказал, еле ворочая пересохшим языком:

— Михайловский Григорий Степанович. Можно Гриша. Вообще-то я дома был. В нашем поместье в Вольгино. А как сюда попал, сам не знаю.

Он огляделся. Кроме них в противоположной стороне трактира, сидели двое в капюшонах. Они шумно хлебали из глубоких тарелок. Подошла полная женщина в грязном переднике и недовольным лицом грохнула об стол две глиняные кружки и тарелку со свежееиспеченными ароматными лепешками. Гриша мигом осушил свою кружку и с мольбой посмотрел на Назифу. Та кивнула и велела принести еще чистой воды.

— С такой шишкой немудрено забыть. Хорошо хоть имя свое помнишь.

— А где я вообще? Что это за место?

Назифа протянула одну лепешку Грише, а вторую посыпала солью и откусила.

— Мы сейчас ровно посередине между Эль-Каром и Кабарганом. Здесь редко кто останавливается, только те, кто идет пешком. Те, кто на колеснице или верхом, проезжают мимо. У меня нет коня, поэтому на дорогу до Эль-Кара уходит почти целый день.

Гриша откусил пресную лепешку и запил прохладной водой. То ли он долго голодал, но сам этого не заметил, то ли после удара что-то стало с языком, но ему показалось, что ничего вкуснее он не пробовал.

— Ты не знаешь, в какой стороне Российская империя? Может, дойду до границы пешком. А там уж помогут добраться до дому.

— В первый раз слышу. В наших краях нет такого государства, — пожала она плечами.

— Что же мне теперь делать? Куда податься? — боль в голове мешала сосредоточиться и обдумать свое положение. К тому же Назифа, которая сначала показалась ему взрослой женщиной, при ближайшем рассмотрении оказалась молодой и довольно красивой девушкой. Полные груди с упругими бугорками колыхались под легкой тканью короткой майки. Однако широкие плечи и мускулистые руки действовали отрезвляюще.

— Я иду в Эль-Кар. Наместник объявил охоту, и я хочу поучаствовать. Можешь пойти со мной, — равнодушно сказала Назифа, но пристальный взгляд говорил, что она этого очень хочет.

— Пойду с тобой. Все равно не знаю, что делать.

Вдруг дверь резко открылась, и с громкими возгласами ввалилась компания накаченных полураздетых мужиков.

Глава 2 Или кукушка накаркала?

— Эй, хозяин! Ты приготовил нам сдачу? Второй месяц пошел. Если не можешь, то так и скажи. Мы просто разнесем по кирпичикам твою харчевню, — сказал один из них и стукнул увесистым кулаком по стойке. Угрюмый толстяк, с подозрением глядевший на Гришу, сразу поменял выражение лица на заискивающе жалобное и, сложив молитвенно руки, запричитал:

— Пожалуйста, уходите. У меня и так прибыли нет. Одни убытки. Муку на последние деньги купил.

Мужчины в капюшонах положили ложки, встали и приблизились к компании. Качки развернулись к ним и начали выяснять, кто есть кто.

Гриша почувствовал, как Назифа вцепилась в его руку и обернулся.

— Уходим отсюда, — еле слышно прошептала она, испуганно глядя на бандитов. — Если они меня увидят, то случится непоправимое.

Грише передался ее страх и он, втянув голову в плечи, последовал за ней вдоль стены. Затаив дыхание и стараясь не шуметь, он не спускал с мужчин взгляда:

«Лишь бы не заметили. Мне с такими бугаями не справиться. А если, эти зверюги на лошадях? Ой-ё-ёй! Господи, не оставь раба своего Гришку. Помоги живым-здоровым выбраться!»

Они незамеченными дошли до двери.

— Ты мне про муку не жужжи. Знаю я, как ты ее достаешь. Дети твои, попрошайки несчастные, весь Кабарган заполонили. Отдай по-хорошему, а то..

Что будет с хозяином трактира, Гриша не услышал, так как вышел на улицу, вслед за Назифой.

— А теперь бежим! — она рванула, как заправский спринтер. Гриша вздохнул и, тяжело ступая, побежал за девушкой. Боль в голове плескалась в такт шагу, но он не мог позволить себе отстать от нее. Ведь тогда остался бы совсем один в незнакомом месте. Когда трактир остался позади лишь темным пятном, Назифа наконец-то остановилась. Гриша добежал до нее и изумленно уставился на задыхающуюся от дикого хохота девушку.

— Что случилось? — спросил он с трудом переводя дыхание. — У меня волосы стоят?

Он принялся приглаживать свою шевелюру, искоса поглядывая на нее. Назифа махала рукой, пытаясь что-то сказать, но гогот с повизгиванием продолжал разноситься по безбрежному песчаному морю.

— Не заметили. Я испугалась, что домой погонят, — наконец выдавила она, вытирая слезы.

— В смысле? — не понял Гриша.

— Это мои братья. Если бы они увидели меня, то обязательно отвели бы домой.

— Братья? Эти разбойники и вымогатели? — он не мог поверить своим ушам.

Первое, о чем он подумал, когда увидел ее испуганный затравленный взгляд, направленный на бандитов, что они могут сделать с ней что-то ужасное.

— Да, не ангелочки. Но других нет. Пошли, нам надо до темноты добраться до города.

Она бодро зашагала вдоль речушки, покачивая бедрами, отчего коротенькая юбочка колыхалась, открывая прелестный вид на крепкие накаченные ягодицы.

Гриша вскинул голову, выпрямился и пошел следом.

— Я что за охота намечается? — спросил он, когда догнал красавицу. — Я тоже могу поучаствовать. Стрелять умею и силки ставить.

— Отлично! Значит будешь в моей команде. Только учти, там не зверь, а демон.

— Что? Какой еще демон? — усмехнулся он.

Но Назифа строго посмотрела на него и кивнула:

— Самый настоящий. Подробности пока не знаю, но гонец с Эль-Кара уже не в первый раз приезжает в Кабарган и сулит вознаграждение в сто золотых за убийство демона.

— Не в первый раз? Желающих не находилось?

— Сначала желающих было много. Кто-то возвращался обратно, побывав в Эль-Каре и разузнав, что же там творится. А кто-то шел на охоту и пропадал бесследно. Судя по всему, город скоро опустеет. Горожане Эль-Кара расползлись во все стороны, спасаясь от демона.

Юноша не хотел показаться трусом, поэтому промолчал, хотя очень хотел задать вопрос: если все бегут, может, не надо туда идти? Но выбора у него не было и он, поджав губы, молча шагал рядом. Вскоре показались шпили обелисков и крыши храмов. Еще через час начали встречаться первые люди.

— Как жизнь в Эль-Каре? — обратилась Назифа к старику, нагружавшему руками глину с берега речушки.

— Хуже некуда, красавица, — горестно вздохнул он. — Все, кто мог убежали, забросив свои дома, сады и поля. Остались только старики и бедные люди, которым идти некуда. Из процветающего величественного города Эль-Кар превратился в Город мертвых. Только ветер свистит между домами и цикады трещат.

— Нам нужен наместник. Где его найти?

Старик посмотрел на солнце, плавно переплывшее небо и теперь светившее им в лицо, и обеспокоенно покачал головой:

— Скоро закат. Вам надо торопиться. Наместник Табит живет в двухэтажном доме, на главной площади. Торопитесь! Иначе он вас не пустит, как и остальные, и останетесь на улице.

Гриша и Назифа переглянулись, похоже, дело было серьезнее, чем оба думали. Они поблагодарили старика и побежали вдоль пожелтевших фруктовых деревьев, за которыми давно никто не ухаживал.

Как и сказал старик, людей в городе почти не было. Только два раза они издали видели силуэт в белой одежде, который сразу же куда-то пропадал. По узким улицам, мощеным булыжником, бродили тощие собаки в поисках съестного. С некогда пышущих зеленью балконов свисали высохшие стебли растений.

— Да-а, безрадостно здесь, — прошептал Гриша.

Ему не хотелось нарушать гнетущую тишину. Он еще в детстве заметил, как замирает все вокруг перед грозой. Притом, чем безжалостнее будет хлестать дождь и чем неистовее будет разрываться небо, тем тише природа. Будто каждый, от жука до лося, хочет напоследок насладиться счастьем и безмятежностью.

— Здесь все поменяется, когда я убью демона, — с вызовом сказала Назифа и тряхнула головой.

«Ну да, конечно. Никто не смог, а ты убьешь, — с сомнением подумал он и вновь невольно покосился на колышущуюся под легкой тканью грудь. — Хотя, куда бы ты не пошла, я пойду следом».

Он чувствовал себя лучше, хотя путь в полдня по солнцепеку вновь высушила горло, а

Назифа запрещала пить из реки:

— У меня мать так умерла. Отравилась гноем мертвого крокодила.

Он не стал с ней спорить, и теперь с нетерпением ждал возможности напиться вдоволь. На главной площади возвышался остроконечный обелиск, испещренный непонятными символами. Рядом белела статуя льва с раскрытой пастью, из которой когда-то текла вода.

— Вон тот дом, — кивнула Назифа.

Гриша согласно кивнул. Это был единственный дом, на балконе которого до сих пор росли цветы. Они подошли к воротам, и Назифа забарабанила по деревянной двери:

— Наместник! Наместник, открывай!

В окне второго этажа появилось светлое пятно лица, которое тут же исчезло, и через пол минуты дверь распахнулась. Перед ними стоял седой мужчина с осунувшимся лицом и темными кругами под глазами:

— Кто вы?

— Я — наемница Назифа, — громко сказала она и гордо вскинула подбородок. — Хочу убить демона и получить вознаграждение.

Опешивший мужчина не сразу нашелся, что ответить. Он глубоко вздохнул и переспросил:

— Хотите убить Пустынного демона?

— Ну вы же на него охоту объявили. Какая разница: Водяной, Солнечный или Пустынный? Я метко стреляю и быстро бегаю. Нет никого лучше меня. К тому же, от меня почти невозможно сбежать, — Гриша еле сдержался, чтобы не сделать ей замечание.

Человека с таким высоким самомнением он еще не встречал, хотя нередко сам этим грешил. Но всему же есть предел!!! Тем временем, она продолжала:

— Для начала пусти нас отдохнуть. Мы голодны и хотим пить. А это Гриша, мы вместе, — она вдруг испуганно посмотрела на него и принялась оправдываться. — Не в том смысле вместе, а в другом. То есть, он со мной. Но мы не вместе. И если когда-нибудь мы все-таки захотим...

— Я понял-понял, — торопливо закивал наместник и посторонился, пропуская гостей во двор. — Добро пожаловать в Эль-Кар, друзья.

***

«Кто бы мог подумать, что я буду мечтать об обычной воде, — думал Гриша, поливая себя ковшом из большого таза. — Все-таки, как я сюда попал? Я же на крыше сидел. Бросил в Филю сапог (хотя сапог-то на месте!), упал. Всё! Дальше: пустыня, Назифа, трактир и наместник».

Тут дверь купальни открылась и на пороге появилась Назифа. Гриша от неожиданности уронил металлический ковш на мраморный пол и прикрыл руками свое достоинство. Ковш попрыгал, дребезжа, и замолк. Наступила неловкая тишина.

— Да, ладно, — усмехнулась девушка. — Расслабься. Я здесь браслет забыла.

Она сняла с крючка тонкий браслет с зелеными камнями и надела на руку. Затем поцокала языком, бесстыже рассматривая покрасневшего Гришу:

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать. А что? — спросил он фальцетом, отчего еще сильнее покраснел.

Назифа взяла полотенце, лежащее на лавке, и вульгарно покачивая бедрами, подошла к нему вплотную.

— Хочешь прикрыться, бери.

Гриша не знал куда себя деть. Обычно девушки краснели и стеснялись, когда он затаскивал их на сеновал или за тяжелую портьеру на балу. А тут он сам оказался в такой ситуации. Юноша с опаской потянулся за полотенцем, но Назифа взмахнула рукой и полотенце улетело куда-то назад. Она порывисто выдохнула и впилась в него губами. Гриша хотел прижать ее к себе, но она тут же отпрянула, развернулась и вышла.

— Оставайся! — крикнул он ей вслед, но дверь со скрипом закрылась. — Могла бы и остаться.

Он быстро оделся и последовал за ней. В гостиной был накрыт стол и в животе призывно заурчало.

— Приглашаю отужинать со мной, — сказал Табит. — А я закроюсь и вернусь.

Гриша поймал насмешливый взгляд Назифы и поспешно сказал Табиту:

— Позвольте вам помочь.

— Да, так было бы гораздо быстрее, — кивнул он.

На всех окнах были толстые деревянные ставни, которые запирались на поперечную балку, а входные двери были укреплены железными листами.

— Я ничего не рассказал наемнице, чтобы не повторяться. Поэтому, пока вы будете кушать, я вам все подробно объясню, — сказал наместник, когда они заперли на три засова заднюю дверь, выходящую в сад.

Назифа встретила их с куриной голенью в зубах.

— Вы долго ходили. Я не удержалась, — пояснила она и потянулась за пышной белой булкой.

Гриша присоединился к Назифе, а Табит начал свой рассказ:

— Семь лет назад пропала девушка. Мы с городской стражей обшарили каждый дом и пригород, но найти ее не удалось. Через несколько дней пропала еще одна. А затем еще и еще. Весь город был в страхе. Девушек начали запирают в домах и не выпускали на улицу. Вот тогда начали пропадать и мужчины. Взрослые сильные мужчины пропадали без следа. Мы не могли понять, как такое возможно! — он горестно вздохнул и отпил из кружки. — Я перестал есть и спать. Поставил охрану на каждой улице. Жители начали собираться группами и дежурили по ночам. Тут-то мы и узнали, с кем имеем дело.

Табит замолчал и покачал головой. Гриша замер с набитый ртом, с волнением и страхом, ожидая продолжения.

— Не тяни! — рывкнула Назифа, отчего Гриша и Табит испуганно подпрыгнули.

— Он предстал перед нами в один из ночей. Пустынный демон. Он прилетел из тьмы, схватил толстого Отту за волосы и с легкостью взмыл вверх. Факелы осветили лишь его когтистые лапы и огромные крылья.

Гриша откинулся на стуле и посмотрел на застывшую Назифу.

«Даже не знаю, что самое позорное: сейчас признаться, что у меня кишка тонка идти охотиться на демона, или сбежать, когда дойдет дело до реальных подвигов? — подумал он и потер переносицу. — Надеюсь, она откажется».

— Нас двое, поэтому двести золотых монет. Договорились? — выпалила она и протянула руку.

— Ты что, не слушала?! — воскликнул Гриша. — Это же не олень, мирно пасущийся на поле. Это демон! Как ты собираешься его убить? Тем более в темноте.

— Но ведь где-то он живет! Найдем его логово и убьем. Делов-то, — пожалала она

плечами.

Табит с сомнением посмотрел на нее:

— Много охотников и следопытов пытались убить демона, но больше мы их не видели.

А демон возвращается каждую ночь.

Назифа недовольно сморщила нос и встряхнула протянутую руку с короткими ногтями.

Табит тяжело вздохнул и, решившись, крепко пожал ее.

— Согласен. Двести так двести. Выбора у меня нет. Желających сразиться с демоном уже не осталось. Если его не убить, то скоро от города останется одно название.

— Но это сумасшествие! — вскочил Гриша. — Чем ты собираешься его убить? Своим ножичком?

Тут что-то со свистом пролетело у его уха. Юноша медленно повернулся и увидел кинжал Назифы торчащий из стены.

— Я тебя немного подстригла, — с усмешкой сказала она и вальяжно развалилась на стуле.

Гриша смахнул клочок волос с плеча и кивнул:

— Ну, может, и получится.

После ужина Табит уложил их в большой комнате на втором этаже, а сам лег в соседней. Назифа грустно вздохнула и сказала:

— Не привыкла я спать с закрытым окном. Давай приоткроем немного?

Но Гриша не успел ответить, что-то ударилось о крышу, и послышались тяжелые шаги. В комнату забежал ошарашенный Табит и испуганно зашептал:

— Он сел на крышу.

— Слышим, — отозвалась Назифа.

Тут шаги пропали и раздался лязг и скрип, будто кто-то скреб ножом тарелку. Гриша прижался спиной к стене и вцепился в подушку, но глянув на спокойное лицо девушки, устыдился и положил подушку на место.

— Что он делает? — Назифа поднялась и прислушалась.

— Я не знаю, — шепотом ответил Табит. — Демон прилетал на мою крышу всего один раз, но быстро улетел обратно.

— Может, он нас чует? — подал голос Гриша и опять получилось фальцетом. Однако никто не обратил внимания. Все, задрав головы, прислушивались к возне на крыше. Через несколько минут демон еще раз прошелся по крыше и, оттолкнувшись, улетел.

— Судя по шагам, он большой, — сказала Назифа, прервав затянувшееся молчание. — Нам понадобится броня, мечи и еще несколько кинжалов.

— Все есть на складе городской стражи, — кивнул наместник.

— Точно! — вскочил Гриша. — Где стража? Почему они не убьют демона?

Табит тяжело вздохнул и, понуриив голову, ответил:

— Потому что демон убил их.

***

Остаток ночи прошел без происшествий. Гриша долго ворочался и прислушивался, но вскоре усталость взяла верх, и он заснул.

Утро началось с яркого солнечного света, бьющего в глаза. Наместник Табит открыл ставни и, пожелав доброго утра, спустился на первый этаж.

Гриша с трудом сел в кровати и потрогал шишку:

— Кажись уменьшилась. И голова уже не так сильно болит.

Назифа встала и потянулась, продемонстрировав идеальный пресс с квадратиками. Гриша тут же надел рубашку, потому что ему хвастаться было нечем.

Табит ждал их за столом, на котором стояли пиалы с медом и фруктовым сиропом, пышные булки и свежесваренный чай.

— Позавтракаем и пойдем выбирать вам броню и оружие. Возле дома нашел осколки черепицы, которую расковырял демон. Сейчас на улицу никто от заката до рассвета нос не кажет. Вот он и пытается нас выковырять.

У Гриши неприятно засосало под ложечкой: либо от голода, либо от страха. Куски черепицы, которые Табит нашел на улице, лежали в углу комнаты. Юноша подобрал один и внимательно изучил: широкие глубокие царапины испещряли толстый кусок обожжённой глины.

— М-да, его когти шире моего пальца. А животных он крадет?

— Да. Но только коров, овец и лошадей. Свиньи, собаки и кошки его не интересуют.

С улицы донесся грохот. Кто-то барабанил по воротам. Табит охнул, уронил ложку и выбежал из дому. Гриша и Назифа переглянулись и пошли следом.

— Унес! Унес! — вопила старая женщина, схватив наместника за накидку. — Вырвал ставни и унес!

Табит прижал к себе женщину и начал гладить по голове, тихо приговаривая:

— Успокойся, Зара. Успокойся. Расскажи, как это случилось.

Она отстранилась, вытерла слезы трясущимися руками и начала говорить:

— Мы уже легли спать. Я почти уснула, когда услышала, как демон начал прыгать на крыше. Спасибо моему отцу за крепкий дом, не одно поколение еще простоит. Вдруг грохот. Я забежала в комнату брата, а его нет! Демон вырвал ставни и унес моего бедного больного брата.

Она закрыла лицо руками и горько зарыдала. Гриша видел, как испуганно вздрогнул Табит, когда услышал, что демон вырвал ставни. То же могло случиться ночью и с ними. Наместник велел женщине поселиться в одном из заброшенных, но крепких домов.

— Сиди тише мыши. К нам пришли новые охотники. Они помогут, — он с мольбой посмотрел на Гришу и Назифу. Те быстро закивали.

— Спасите нас, — запричитала она и схватила Гришу за руку. — Больше нет сил бояться. Сколько людей демон убил — не счесть, а возмездия все нет. Когда он съест всех нас, то поселится в другом городе. Вы должны остановить это зло!

Она хотела поцеловать его руку, но Гриша вырвал и засунул ее в карман штанов. Табит еще немного поговорил с женщиной, успокоил, как мог, и выпроводил за ворота.

Глава 3 Это вам не домашние паучки...

После завтрака они пошли выбирать оружие. За высоким каменным забором было несколько строений: казарма, конюшня и склад.

— Эх, жаль коней нет, — с досадой сказал Гриша. — Пешком далеко не уйдешь.

Он прошелся по конюшне и поразился чистоте и порядку.

— А в нашу конюшню страшно заходить. От запаха запревшего навоза волосы дыбом встают.

— У тебя есть своя конюшня? — заинтересовалась Назифа. — Что у тебя еще есть?

«Наконец-то обратила на меня внимание», — подумал довольный юноша и принялся перечислять:

— В нашем табуне семьдесят лошадей. Еще есть коровник и свинарник. Несколько сотен гектаров земли, на которой выращиваем картошку, пшеницу, подсолнух, горох, рожь и бобы. А еще крепостные, аж четыреста пятьдесят душ.

Заинтересованность в глазах Назифы с каждым фактом все росла и росла.

— Ну и деньги, конечно. Урожай и мясо продаем. Пушным промыслом занимаемся. Короче, живем и не бедствуем.

— А где ты живешь? — промурлыкала Назифа и погладила его по плечу.

— В Вольгино.

Она задумчиво наморщила брови:

— А где это?

— Я же говорил: Российская империя.

— А-а-а, — махнула она рукой и тут же потеряла интерес. — В наших краях такого государства нет. Эй, наместник! Ты знаешь, где находится Российская империя?

Табит, шагающий впереди, оглянулся и замотал головой:

— В первый раз слышу. А что?

— Гриша с Российской империи к нам приехал.

Наместник озадачено уставился на Гришу, но подумав немного, вновь замотал головой:

— Нет у нас такого. Может ты из Сурамбика? Ты очень похож на сурамбичан. Хотя даже среди них нет таких светлых волос и белой кожи.

Он задумчиво оглядел юношу, задержав взгляд на сапогах, и предпринял еще одну попытку:

— Ты, похоже, из богатой семьи. Может, ты просто не хочешь, чтобы мы тебя домой отправили, поэтому врешь? Если так, то не бойся. У меня и без тебя полно хлопот.

Табит развернулся и торопливо зашагал к длинному кирпичному зданию, Назифа последовала за ним.

«Куда же я попал? А-а-а, это, наверное, Африка, — догадался он. — Тогда понятно, почему они слыхом не слыхивали про мою Родину. Эх, темный народец».

Гриша разочаровано выдохнул и поплелся за ними. Наместник подошел и отпер дверь оружейной. Слева, вдоль стены, на стеллажах лежали секиры, кинжалы, сабли и еще много чего. Справа висели щиты, шлемы, доспехи и разная защита.

— Ого-го! — воскликнул Гриша, схватил с полки изогнутый ятаган и принялся им крутить. — Я кое-чему научился в военном училище.

Он атаковал невидимого врага, нанося ему резкие удары сверху вниз по диагонали,

будто разрубал его надвое от плеча до противоположного бедра. Затем перехватывал оружие и делал молниеносные выпады в область сердца, живота, паха.

— Видала? Это тебе не ножичком кидаться, — похвалился юноша и раскрутил ятаган вокруг себя. Назифа улыбнулась и кивнула.

— Осторожнее! — воскликнул Табит. — Не поранься.

Но Гриша подмигнул ему, подбросил ятаган вверх и поймал за эфес у самого пола:

— Хорошая вещь. Беру!

Назифа тоже нашла орудие себе по душе. Им оказался кистень: шипастый металлический шар, прикрепленный цепью к деревянной рукояти. Она с такой силой раскрутила его, что тот засвистел.

— А я еще вот это возьму. И вот это, — юноша метался от стеллажа к стеллажу с восторгом примеряясь к оружию.

В конце концов он остановил свой выбор на сабле и кинжале.

— Жаль ружья нет или штуцера. Я хорошо стреляю. Батюшка с мальства меня на охоту брал. Я даже пару раз себе плечо прикладом выбивал, пока не научился. Эх, жаль, что вы такие отсталые.

Назифа грозно двинулась на него:

— Это кто отсталый? Я?

— Не-нет, — испуганно пролепетал он. — Ты...

Он задумался, не зная, как себя оправдать и не нашел лучше, чем сказать:

— Ты красивая. Очень.

Назифа тут же сменила гнев на милость и, тряхнув густыми волосами, собранными в хвост, сказала:

— Я рада, что ты заметил.

Гриша решил воспользоваться моментом и, «распустив хвост», начал осыпать ее теми словами, которые имел в запасе для неприступных барышень:

— У тебя самые красивые глаза — невозможно оторваться. А когда ты улыбаешься, то кажется, будто весь мир испарился и осталась только ты. Если бы ты знала, как тает мое сердце при виде тебя.

Она с блаженной улыбкой приближалась к нему, но тут вмешался Табит:

— Броню себе подберите. Пора возвращаться.

Магический мостик вожеления, который перекинулся между молодыми людьми тут же рухнул, и они раздосадованные разошлись в разные стороны.

«Не мог сходить погулять, — скорчив кислую мину, подумал он. — Я же ее почти заарканил».

Из доспехов они ничего не смогли подобрать: то было слишком тяжелое, то сковывало движения, то мало, то велико.

— Представляете, что будет со мной, если я надену этот железный костюм и выйду на улицу? — Гриша ткнул пальцем в доспехи, напоминающие рыцарские.

— Жареный цыпленок? — предположила девушка и громко рассмеялась.

***

На обратном пути они увидели мужичка в длинном белом одеянии, который бежал им навстречу со свитком в руке и кричал:

— Господин Табит! Господин Табит! Я кое-что узнал!

Гриша вопросительно посмотрел на наместника. Тот объяснил:

— Это наш библиотекарь Ур.

Мужичок пару раз споткнулся о булыжник, но сразу же вставал и, как ни в чем не бывало продолжал бежать.

— Не торопись, Ур! Я жду тебя, — сжалился Табит, но тот лишь ускорился.

Когда он, наконец, остановился возле них, то дышал так тяжело и часто, что не мог говорить.

— Успокойся, — наместник взял его под руку. — Отдышись и без спешки расскажи, что ты выяснил.

— Господин Табит, вы знаете, вот уже скоро семь лет, как я внимательно читаю все свитки и пергаменты, хранящиеся в нашей библиотеке, в надежде найти способ избавиться от проклятого демона. И я нашел! Я нашел! Мы победим его!

После этих слов наместник сам занервничал:

— Говори, не тяни!

Ур рухнул на землю, раскрыл свиток и начал читать:

— Пустынного демона невозможно убить...

— Ну вот, — разочаровано протянула Назифа. — Расходимся по домам.

Но библиотекарь не обратил на нее внимания и продолжал:

— Он часть нашего мироздания и тоже имеет свою цель.

— Как красиво написано. Наверное, умные люди писали, — вновь не удержалась девушка.

— Дай дослушать, — возмутился Гриша.

— Брехня все это. Не верю ни единому слову.

— А читать-то ты умеешь? — прыснул он, но встретившись с ее яростным взглядом, стушевался.

— Нет. И не собираюсь учиться, — сквозь зубы процедила она и отвернулась.

Ур подождал, пока перебранка закончится и продолжил:

— Однако есть способ заставить его вернуться туда, откуда он прибыл. Это лавовый металл. Если всадить в него лезвие из этого металла, то он больше не сможет находиться на земле и вернется в туда, откуда вышел.

Он замолчал, а Назифа снова не выдержала:

— Как я и говорила: брехня. Ни слова правды. Если один мой кинжал воткнется в его сердце, второй — в горло, а третий — в глаз, то в живых он точно не останется. А сверху я приложу его вот этим.

Она вытасила из-за пояса кистень и вновь раскрутила до свиста. Но тут голос подал Табит:

— Я не все вам рассказал.

Гриша напрягся. Затравленный взгляд наместника не сулил ничего хорошего.

«Сейчас будет откровение, которое лучше бы не знать», — подумал он.

— Пять лет назад мы устроили демону засаду, — тихо сказал Табит. — Мы сделали загон прямо на площади и пригнали туда оставшихся коров, а сами засели в соседних домах. Коровы чувствовали его приближение и принялись мычать. Мы выбежали и застали его в тот момент, когда он схватил корову за рога и поднимал наверх. Мечи, топоры, стрелы полетели в него со всех сторон. Но...

— Мы словно били по камню. Все от него отскакивало, — закончил за него Ур. —

Демон улетел, а в следующую ночь вернулся вновь.

Гриша присвистнул и почесал затылок. Мало того, что попал неизвестно куда. Так еще и пошел на охоту на демона, которого невозможно убить. Назифа поджала губы и повесила кистень за пояс. Наступила гнетущая тишина.

— А где взять этот лавовый металл? — несмело спросил юноша.

— Из лавы, — хмыкнула Назифа. — Только гор у нас нет.

— Есть! — воскликнул Ур. — Судя по карте, на северо-востоке есть горная гряда. Там берет свое начало Великая пустыня. Правда, это очень далеко.

Табит помог Уру подняться на ноги и, откашлявшись, сказал:

— Даю двести золотых каждому. Больше денег в казне нет. Только достаньте лавовый металл и избавьте город от демона.

Назифа не торопилась с ответом, а Гриша повернулся к Уру:

— Ты хорошо знаешь географию?

— Да, знаю. Несколько лет перерисовывал карты.

— Отлично! Тогда ты должен знать в какой стороне находится Российская империя, — горячо сказал он и хлопнул его по плечу. — Можешь подсказать, как туда добраться?

Однако Ур замотал головой:

— Нет такого государства. Есть: Варавия, Голомбо, Сурамбик...

— Как нет!!! — воскликнул Гриша и почесал затылок. — Куда же она подевалась? Или это я куда-то подевался?

Ур развел руками. Но тут голос подала Назифа:

— Я согласна. Только мне нужен провожатый, чтобы не потеряться в пути. Пусть Ур пойдет с нами.

Библиотекарь с готовностью согласился, и они пожали друг другу руки. Ур побежал домой собирать вещи, а Табит и Назифа побрели в сторону площади, обсуждая сколько золотых потребуется в дорогу. Гриша остался стоять на дороге, обиженно поджав губы.

— Эй, а меня спросить не хотите?! — наконец не выдержал он. — Может, я не собираюсь никуда идти!

Наместник и наемница остановились:

— А ты что, не пойдешь? — удивилась Назифа.

— Пойду! — выпалил Гриша и размашистым шагом догнал их. — Но можно было и спросить.

***

После обеда троица попрощалась с Табитом и зашагала в сторону реки.

— Через пару миль река станет шире, — сказал Ур. — До тех пор протолкаем плот шестами, а дальше поплывем аж до самой границы с Варавией.

Табит собрал им в дорогу съестное в мешок и дал три золотых монеты на расходы. Ур взял с собой карту и лечебные порошки. Как только Гриша узнал, что у них есть карта, тут же велел ее показать.

— Но это неправда! — воскликнул он, разглядывая кусок земли в центре моря, нарисованный на грубой травянистой бумаге. — Где материки и океаны? Это просто остров какой-то.

— Нет-нет, ты не прав, — возмутился Ур. — Больше земли нет. Это единственный кусок суши в безбрежном море. Многие осмеливались пускаться в путь, но возвращались с

пустыми руками.

— М-да, или я в очень далеком прошлом или вообще на другой планете, — задумчиво сказал Гриша.

Когда они взобрались на плот, сделанный из бамбука, и оттолкнулись от берега, библиотекарь встал рядом с Гришей и протянул ему длинный шест.

— У вас очень необычное имя. Откуда вы?

— Обычное имя, очень даже распространенное. Я с Вольгино. Российская империя.

— Хм, странно. Такого государства не существует. Может, это последствие вашей травмы?

Гриша раздраженно выдохнул и с трудом подавил желание отправить щуплого мужичка поплавать.

«Даже объяснять ничего не буду. Все равно этим туземцам не понять. Как же я хочу домой!»

Ур на время замолк, умело орудуя шестом, но вскоре не выдержал и снова робко спросил:

— Можете немного рассказать о своей жизни? Мне, как ученому человеку, очень интересно услышать о других государствах и...умственных отклонениях.

Юноша ошарашенно уставился на него и уже начал вытаскивать шест, чтобы огреть мужичка по спине, как закричала Назифа:

— Осторожно! Пороги!

Гриша обернулся и увидел, как маленькая речушка делает резкий изгиб и впадает в бурлящую реку, посреди которой торчат скалы. Они подняли шесты, присели и вцепились в веревки, которыми был скреплен плот.

Река подхватила их и закружила, словно кленовый лист в ручейке. Пару раз они чуть не разбились о скалы, но стихия воды вовремя уводила их в другую сторону. Растительность на берегах росла густо, кое-где даже мелькали фруктовые деревья и цветущие кусты.

— Сколько нам еще плыть?! — прокричала Назифа.

— До следующего притока! — ответил Ур и вытер лицо. На очередном пороге его окатило холодной водой с ног до головы.

Гриша встал в центр плота с шестом в руке и каждый раз, когда река несла их на очередную скалу, просто отталкивался от нее. Казалось, прошло не менее часа, прежде чем они увидели острый клин земли, разделяющий реку на две части.

— Направо давай! Направо! — закричал Ур и схватил шест, чтобы помочь Грише направить плот на узкую речушку.

Вдвоем они смогли повернуть плот в нужную сторону и с облегчением выдохнули, когда медленно поплыли по реке, уводящей вправо.

***

Они выбрались на берег, спрятали плот и отметили это место куском белой материи, которую Назифа бесцеремонно оторвала с подола Ура.

— Я против того, чтобы мужчины надевали платья, — ответила она на возмущения библиотекаря. — Мои братья носят только набедренные повязки или короткие штаны, а ты...

Он презрительно скривила губы и оглядела его с ног до головы. Ур сжался под ее бесцеремонным взглядом и еще сильнее ссутулился.

— А почему твои братья не пошли охотиться на демона? — подал голос Гриша. Он снял мокрые сапоги и шел босиком, постоянно натываясь на острую травинку или камешек.

«Надо было попросить сандалии, как у Ура».

— Они трусы, — твердо сказала она. — Только и могут, что трясти продавцов и трактирщиков. Там, где есть место героизму — их нет.

— А тебе это зачем? Неужели для молодой и красивой девушки не нашлось дел поважнее.

— Поважнее? — усмехнулась она. — И что же это? Выйти замуж и нарожать детишек? Не-ет, мирная жизнь не для меня. Во мне так и бурлит кровь! — девушка выхватила кинжал и бросила. В засохшие кусты замертво рухнула птица. — Вот и ужин.

Гриша похвалил ее и посмотрел вдаль на песчаное море. Растительность осталась на берегу, а впереди их ждала безжалостная суровая пустыня.

Они развели костер из сухих веток кустов и пожарили птицу. На вкус она была жесткая и пресная. Гриша с трудом осилил кусок мяса и закусил лепешкой. Из бурдюка выпили по кружке воды и решили дальше не идти, а заночевать здесь.

— Это моя вторая ночь в вашем мире, — юноша лежал на земле, подложив под голову бурдюк с водой и смотрел на черное небо с бесчисленным количеством звезд. — Интересно, как я сюда попал?

К нему подвинулся заинтересованный Ур:

— Я сразу понял, что вы не наш. Таких светлых волос ни у кого нет. Кожа белая, а не оливковая или черная, как у нас. И одеты вы странно.

— Мне нравится, как он одет, — вмешалась Назифа. — А вот балахоны сильно раздражают. У нас в Кабаргане так ходят лишь жрецы и судьи. Помню, когда в детстве приехала в Эль-Кар, то не могла определить: кто есть кто. Мне казалось, что мужчины и женщины не отличаются друг от друга.

Ур с ней не согласился и принялся перечислять превосходство балахонов над другой одеждой, но она даже слушать не стала, легла и отвернулась. Гриша не заметил, как уснул под монолог библиотекаря. Ему приснилось, будто стоит он на пригорке и смотрит на крепостных мужиков, которые косят траву. Раз-два, раз-два, машут они литовками, а он пристально за ними наблюдает и приговаривает:

— Работайте, работайте. У меня не забалуешь.

Вдруг рядом с ним появляется кузнец Филя и тычет острием литовки в ногу.

— Больно, ирод! Что ты делаешь?

А Филя все сильнее давит, вот-вот проткнет сапог. Гриша проснулся. Первые три секунды он лежал и пытался вспомнить, где находится. Когда память вернулась, он попытался повернуться на другой бок, но вдруг понял, что сон перетек в явь. Кто-то сильно тыкал в сапог.

Юноша поднял голову и в слабом свете звезд увидел огромного паука с острым хвостом и клешнями. Паук наскакивал на его ногу и резко вонзал острие хвоста в сапог.

— Что за хрень! — он вскочил и с силой пнул необычное насекомое. Затем огляделся и закричал, как ошпаренный:

— А-а-а! Вставайте! На нас напали!

Черные пауки вылезали из-под земли и, приведя хвосты в боевую готовность, приближались к ним со всех сторон. Назифа завизжала и заметалась по лагерю с криками:

— Скорпионы! Я их ненавижу! Убейте, убейте, убейте!!!

Ур схватил кистень Назифы и начал лупить по скорпионам, каждый раз вскрикивая, будто бьют его. Гриша махал саблей, срубая то хвост, то клешни. Назифа только и делала, что визжала и подпрыгивала. Вскоре насекомых стало так много, что звук щелкающих клешней превратился в гул, а желтый песок пропал под их черными телами.

Гриша начал уставать, руки ослабли, будто налились железом, пот струился по лицу и спине. Ур тоже прерывисто дышал, раз за разом поднимая тяжелый шар кистеня, чтобы убить мерзкое создание.

— С меня хватит! — взревел Гриша. — Живым я не сдамся!!!

Юноша схватил кинжал, лежащий рядом с бурдюком, и бросился в самую гущу тварей. Он их топтал, протыкал кинжалом, резал саблей, ловко уворачиваясь от острых жал и клешней, а потом запел:

— Из-за о-острова на стрежень, на про-остор речной волны. Ой, да выплыва-ают расписные...

В этот самый момент Гриша почувствовал, как внутри нарастает жар и с горестью подумал:

«Вот и все, ужалили. Не успел пожить, не успел детей нажать. Всё, кончилась моя песенка. Арэ вуар, бон вояж, ау фидерзейн. Матушка, встречай сыночка Гришку».

Он повернулся к притихшей Назифе и изумленному Уру. Они, будто замороженные, смотрели на него и даже не моргали.

— Прощайте, друзья! Не поминайте лихом, — юноша выронил кинжал и поднес руку к лицу, чтобы смахнуть невесть откуда появившиеся слезы.

— А-а-а! Горю!

Рука пылала. Но не желтым, а синим огнем. Гриша опустил голову и увидел, что он весь в огне, а скорпионы побежали, так быстро, что через пять секунд остались только черные трупки и отрубленные части.

Глава 4 Верблюжьих какашек тебе под ноги!

— Что это со мной такое, а? — Гриша провел рукой по лицу и телу, но не почувствовал жара. Только ком тепла трепетал где-то в области сердца.

— Похоже на «Священный огонь», — тихо сказал Ур, выронил кистень и подошел поближе. — Я читал об этом в древних письменах.

Гриша еще раз посмотрел на свою руку и увидел, что пламя уже не такое сильное. А ноги совсем перестали гореть.

— Удивительно, что одежда осталась целая, хотя жар я ощущаю даже отсюда, — Ур стоял в двух метрах и протягивал руки. — Не думал, что когда-нибудь увижу это своими глазами.

Между тем Назифа пришла в себя, опустилась на землю и шумно выдохнула:

— Фух. Как же я ненавижу этих тварей! Не знаю, как так получилось, но чувствую, что не зря ты очутился на моем пути. Даже думать не хочу о том, чтобы с нами было, если бы не ты и твой огонь.

— Да это не мой огонь! Со мной в первый раз такое.

Между тем, ком тепла пропал вместе с остатками пламени.

— «Священный огонь» даруется Богами. Видимо, пришло время. Не зря говорится: в каждой болезни есть свое лекарство.

Гриша подошел к бурдюку с водой, чтобы промочить горло и обнаружил, что вся вода вытекла. Скорпионы проткнули кожаный бурдюк клешнями или жалами.

— М-да, не жалеет нас удача, опять отвернулась, — сказал он и пнул пустой бурдюк.

К счастью, у них остался еще один, но Ур предупредил, что воды хватит только на два дня и то, если пить строго по времени и всего по несколько глотков.

За разговорами остаток ночи пролетел незаметно. Дар, который внезапно появился у Гриши не давал ему покоя:

— Давай, вспоминай, что еще было написано про «Священный огонь»?

— Да не помню я, — потряс руками Ур. — Сколько раз повторять?

— А ты не груби, — строго сказал юноша и гордо поднял голову. — Теперь я здесь главный.

От резкого удара по затылку он едва не клюнул носом в землю.

— Ага, размечтался, — грубо осадил Назифа. — Я — главная.

Она поднялась на ноги и кивнула на яркое зарево на горизонте.

— Солнце встает. Пора идти.

Они наскоро перекусили финиками и лепешками, попили воды и снова двинулись в путь.

— Помнишь женщину, которая прибежала в дом наместника? — спросил Гриша Назифу.

— Да. И что? — равнодушно откликнулась она

— Демон вырвал ставни и похитил ее брата. А вдруг, пока мы здесь, он съест оставшихся жителей? Тогда и спасать никого не надо.

В разговор вмешался Ур:

— Когда город опустеет, демон поселится в другом городе. Он бессмертен и если его не остановить, то съест всех.

Гриша задумался:

«Может, я сейчас лежу дома на своей кровати. Все вокруг меня суетятся. Доктор Рубинштейн трогает пульс и подносит зеркальце к носу. Батюшка сидит у изголовья и молится. А Лизка, паскуда, ждет не дождется, когда я помру и все батюшкино богатство ей достанется... А вдруг, они подумают, что я умер и похоронят. А я: оп! и проснусь. Проснусь в гробу!»

От таких мыслей стало не по себе, и чтобы переключиться, он начал насвистывать первую попавшуюся мелодию.

— Пой громче, — попросила Назифа, и Гриша загорланил:

— Во поле бере-еза стоя-ла. Во поле кудрявая стоя-ла. Лю-ли, лю-ли, стоя-ла...

Вдруг Ур ахнул и энергично замахал в сторону поднимающегося солнца.

— Смотрите, караван!

Гриша приложил руку ко лбу и увидел вереницу темных силуэтов. Караван шел в том же направлении, что и они.

— Давайте догоним их. С ними безопаснее, — предложила Назифа.

Гриша и Ур согласно кивнули, и они побежали наперерез к плавнодвигающимся верблюдам.

***

— Кто такие? — сверху на них взирал толстый мужик в чалме. — Что вам надо?

Он сидел в паланкине, толстыми веревками прикрепленного к верблюду. А троицу окружала вооруженная стража.

— Мы идем к горам за лавовым металлом, чтобы убить Пустынного демона. Он поселился в Эль-Каре и ворует горожан, — громко сказал Назифа и цыкнула на стражника, бессовестно плящущегося на ее груди. — Я — наемница Назифа, а это мои помощники: Гриша и Ур.

«Помощники, — недовольно сморщился юноша. — Вообще-то мы все равны».

Он решил, что сейчас не время выяснять отношения, поэтому лишь приветственно кивнул.

— Наемница? — заинтересовался толстяк. — И сколько же человек ты убила?

— Много, — гордо сказала она и уперла руки в бока.

— Ты что, считать не умеешь? — серьезно спросил он.

Гриша хмыкнул, но получил такой гневный взгляд от раскрасневшейся Назифы, что невольно попятился.

— Караван-баши, — вперед вышел Ур, молитвенно сложил руки и поклонился. — Позволь нам примкнуть к твоему каравану. Путь долгий и опасный. А мы будем развлекать тебя.

— Да? — толстяк кивнул на Назифу и облизал губы. — Она будет развлекать?

Ур поспешно замотал головой:

— Нет-нет, Гриша.

— ЧТО?! — взревел Гриша и схватил библиотекаря за плечо. — Ты что несешь, дурень?

От такого напора Ур на время потерял дар речи, но через пару секунд овладел эмоциями и пролепетал:

— Песни. Гриша хорошо поет.

Толстяк поджал губы, пристально разглядывая каждого, и кивнул:

— Ну хорошо. Присоединяйтесь. Только на еду даже не надейтесь, на вас я не рассчитывал.

— Нам нужна вода, — твердо сказала Назифа.

— Воду получите. Все! Поехали! Нам нельзя опаздывать!

Стража разошлась вдоль каравана, а троица зашагала рядом с навьюченными верблюдами, связанными друг с другом веревкой.

— Что они везут? — спросил Гриша и пощупал огромный мешок, висящий между горбами верблюда.

— Эй-эй-эй!!! — закричал стражник, взмахнул плеткой и ударил его по руке.

Гриша охнул и схватился за правое предплечье. Рубашка порвалась и из длинной раны лопнувшей кожи потекла кровь. Назифа яростно взревела, выхватила кинжал и метким броском вогнала стражнику между глаз. Тот беззвучно рухнул на спину, уставившись безжизненными глазами на солнце.

Остальные стражники, оголив ятаганы, вмиг окружили их. Из-под густых насупленных бровей на троицу глядели одиннадцать пар гневных глаз. Смерть одного из них, не могла остаться безнаказанной, но они были на службе, поэтому ждали приказа каравана-баша.

— Э, вы что сделали?! — крикнул толстяк, когда его верблюда подвели к убитому стражнику. — Я задаток ему уже дал, а отрабатывать кто будет?

Назифа подошла к мертвецу, наклонилась и вытащила кинжал из его головы. Темно-красная кровь хлынула, покрывая его лицо, и закапала на песок. Девушка брезгливо поморщилась, рассматривая кинжал, и вытерла кровь о его одежду. Все, молча, наблюдали за ее действиями, пока Гриша не вышел вперед. Он шумно выдохнул и громко сказал:

— Меня ударил твой человек. Назифа всего лишь защитила меня. Что ты хочешь за своего стражника?

— Да что ты можешь, цыпленок? — надменно сказал он. — У тебя нет ни денег, ни здоровья. А вот с девушкой можно что-то порешать.

Он бесстыдно вытянул свои жирные губы и послал ей воздушный поцелуй. Гриша увидел, как сжались кулаки Назифы и поспешил ответить:

— У нас есть три золотых!

— Ха, три золотых. На эти деньги даже корову не купить, не то, что бойца. Взять их! — последнюю фразу он выкрикнул и махнул стражникам.

Те пошли в наступление. Гриша вынул саблю и понял, насколько он бесполезен, ведь правая рука была ранена, а левой он сражаться не умел. Назифа вытащила кистень и завертела им, хищно глядя на мужчин.

Вдруг сзади заверещал Ур. Один из стражников подошел к нему сзади и приставил нож к горлу.

— Сдавайтесь или я его зарежу, — зашипел стражник и воткнул острие ножа в челюсть Ура. Тот испугано вскрикнул и по лезвию потекла капля крови.

Гриша с Назифой переглянулись. Сдаваться без боя не хотелось, но жизнь Ура была дороже, поэтому сабля и кистень полетели на землю.

— Вот и хорошо, — довольный караван-баша почесал огромный живот и велел. — Скрутить им руки и привязать к моему верблюду!

***

— Кто тебя просил трогать мешок? — зло зашипела Назифа и толкнула плечом

Гришу. — Какая тебе разница, что там?

Юноша зыркнул на нее из-под насупленных бровей и виновато пробурчал:

— Пословицу знаешь: кабы знал, где упадешь, то соломку бы подстелил. Я, между прочим, больше всех пострадал.

Он кивнул на руку с запекшейся кровью. Ур уговорил каравана-баши разрешить посыпать рану лечебным порошком, чтобы не началась горячка. Толстяк хоть и был зол, но разрешил. Рана тут же покрылась коркой и перестала пульсировать болью.

Троицу стражники привязали к верблюду каравана-баши и теперь они плелись за вонючим животным, которое испражнялось прямо им под ноги.

— Мне показалось, что он пошевелился, — зашептал Гриша.

— Кто? — непоняла Назифа.

— Кто-кто, мешок.

— Пф-ф, перегрелся ты, что ли? — усмехнулась она.

— Не хочешь — не верь, — надулся он. — Только внутри там что-то твердое и одновременно мягкое. И это что-то еле слышно ойкнуло.

Ур, который прислушивался к их разговору, тронул Назифу за руку. Та, повернувшись и кивнула. Гриша понял, что они знают, что в мешке.

— И что там? Говорите, я видел, как вы переглянулись, — возмутился он.

Но тут затрубил рог и караван остановился. Погонщик, который вел верблюда толстяка, прикрикнул и хлестнул животное плетью по ногам. Верблюд повинился и опустился. Вслед за ним легли остальные верблюды.

— Наконец-то, — караван-баши сполз с паланкина и потянулся. — Как же мне все это надоело. Все! Больше не пойду. Вот продадим груз в Самуранде и сразу домой.

На время отдыха троицу отвязали от верблюда, и они сели подальше от дурно пахнущих животных и злобно глядящих стражников. Назифа достала их скромный провиант и разложила на еще одном куске материи от балахона Ура, укоротив тем самым одеяние до колен.

Три погонщика и стражники расстелили на земле покрывала и выложили на большие блюда еду: фрукты, лепешки, вяленое мясо, сладости и воду. Гриша заметил, как один из погонщиков — сгорбленный старичок, насыпал в подол сушеные сливы и груши. Затем, опасаясь, как бы его не заметили, подошел к верблюдам и стал накладывать горстями сухофрукты в мешки.

— Эй, Ур, — тихо позвал Гриша. — Что же там в мешках?

— Лирры. Они продают лирров, — Ур оглянулся, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает и продолжил. — На них запрещено охотиться, ловить и продавать. Но такие нечестивцы, как этот баши, не боятся возмездия, поэтому творят, что хотят.

— Это животное?

— Не совсем. Они, в отличие от обычных животных, умеют говорить и строят себе дома из глины, смешанной с прочной прибрежной травой.

— Многие животные строят себе гнезда, норы или плотины. И все разговаривают, только на своем языке: кто-то щебечет, кто-то мычит или квакает, — отмахнулся Гриша и с трудом откусил кусок от зачерствевшей лепешки.

В разговор вмешалась Назифа.

— Неправильно ты объясняешь, — она налила из бурдюка остатки воды в глиняную кружку и протянула Грише. — Лирры говорят на нашем языке и умеют колдовать.

— Пф-ф! — прыснул юноша. — Ага, так я и поверил! Говорящие хорьки-колдуны.

Но Ур без тени улыбки подтвердил слова Назифы.

— И что же они колдуют? — недоверчиво спросил Гриша.

— Насколько я знаю, большинство из них умеют предвидеть будущее, — прошептал Ур, оглянувшись на загоготавших стражников. — Некоторые указывают, где находится золото. Ради золота их обычно и крадут. Только мало кто знает, что если с ними плохо обращаться, то вместо золота получишь беду. Старые люди говорили: «обиженный лирр в доме — начало всех бед». Караван-баши знает об этом, поэтому просто крадет и продает, а не ищет золото сам.

Назифа встала, взяла бурдюк и пошла к развалившемуся на подушках толстяку.

— У нас закончилась вода, — твердо сказала она и встряхнула пустым кожаным мешком. — Ты обещал дать.

Толстяк приоткрыл один глаз и ухмыльнулся, обнажив гнилые пеньки зубов.

— Это было до того, как вы напали на моего бойца. С тех пор договоренность немного изменилась.

— Да? — она удивленно приподняла бровь, будто забыла об инциденте. — И что же ты хочешь за воду? Монеты?

Толстяк с кряхтением сел, почесал заросшую щеку и выпалил:

— Тебя! Будешь моей — получишь воду.

Назифа смерила его презрительным взглядом. Гриша, напряженно вслушивающийся в их разговор, вскочил на ноги и подбежал к девушке. Однако та жестом остановила его и кивнула.

— Хорошо. Ночью. А сейчас вели налить нам полный бурдюк воды и дать еще один про запас.

Караван-баши махнул рукой и к ним подошел один из погонщиков.

— Дай им воды.

Пока пожилой погонщик наливал в бурдюки воду из глиняных кувшинов, висящих на верблюде, Гриша шепотом спросил Назифу:

— Ты хочешь провести с ним ночь?

— А что делать, если ты не обращаешь на меня внимания? — обижено надув губы, пробубнила она. — Мне же хочется тепла, нежности, ласки.

Гриша изумленно уставился на нее, не в силах сказать ни слова.

«Вот я дурень! Веду себя, как целомудренная монашка. Что со мной происходит? Дома такую красотку я в первый же вечер затащил бы в баньку или на сеновал. Надо срочно исправляться! Уверен, будет довольна, когда я покажу все свои умения...Ой, похоже я слишком размечтался».

Он отвернулся от девушки и бочком, прикрываясь бурдюком, заспешил к Уру. Когда Назифа приволокла еще один бурдюк с водой, Гриша вновь вернулся к прерванному разговору:

— Так ты пойдешь к нему?

— Конечно, пойду, — равнодушно пожала она плечами, чем вызвала новый приступ ревности и обиды.

— Он же мерзкий, толстый, старый и вонючий. Как ты можешь?! — воскликнул юноша и повернулся к Уру в поисках поддержки. — Ну скажи ей! Не надо ради нас так жертвовать собой.

— Я думаю, Назифа знает, что делает. Нам не надо вмешиваться.

Гриша еле сдержался, чтобы не стукнуть библиотекаря, который (как ему показалось) думает только о себе. Вскоре караван-баши объявил, что привал окончен и поплелся к своему паланкину.

Пленников вновь привязали к верблюду и караван двинулся. Гриша, терзаемый чувством вины и бессилия, решил выместить зло на своем сопернике:

— Эй, баши, что ты собираешься с нами сделать?

— Продам. Таких, как вы, в Самуранде с руками оторвут. Особенно ее, — ткнул он пальцем в Назифу. — Хотя я могу и передумать продавать красотку. Все будет зависеть от того, как пройдет эта ночь.

Толстяк подмигнул Назифе. Та, призывно облизала губы и выпятила грудь. Гриша разочаровано выдохнул и посмотрел вдаль, на потемневшее солнце, зависшее над пустыней.

***

— Что творится в твоём мире? Есть ли войны? — спросил Ур и отмахнулся от мух, которыми был облеплен весь зад верблюда.

— Есть. Живем в девятнадцатом веке, а до сих пор не научились договариваться.

— Такова человеческая природа. Девятнадцатый век? Откуда начинается ваше летоисчисление?

— О Рождества Христова, конечно. А у вас?

— У нас считают по-другому. Каждые сто лет звезды выстраиваются в млечный путь «Начала Начал» и начинается новый отсчет. Сейчас идет восемьдесят девятый год.

— Сколько столетий вы ведете счет?

— Двадцать одно столетие прошло с тех пор, как Великий Хекет основал старинный город Груфу. Этот город стоит на пути к горам, поэтому я надеялся там побывать. Жаль, что не удастся.

— Двадцать одно столетие?! Ты уверен, что ничего не путаешь?

Ур отрицательно замотал головой, но тут верблюд поднял хвост, и тройца отпрянула так далеко, насколько позволяла веревка, которой они были связаны.

— Бе-е-е, гадость, — Назифа едва не угодила ногой в свежий кал, которым животное щедро удобряло безжизненную пустыню. — Вы бы лучше разобрались, как включается «Священный огонь». Этот подарок Богов здорово упростит нам жизнь.

— Инструкция мне на глаза не попадалась, — торопливо ответил Ур.

— Я пробовал пару раз включить, не получается. Может, для этого надо быть в панике или на грани жизни и смерти?

Ему никто не ответил. Каждый погрузился в свои мысли, стараясь не обращать внимания на сальные шуточки, которыми щедро одаривали стражники Назифу, и грубые тычки, которые получали Гриша и Ур.

Через несколько часов караван остановился на ночевку. Погонщики сняли тяжелые мешки со спин верблюдов, чтобы дать им отдохнуть. Стражники развели костер из дров, которые везли с собой и поставили большой котел на огонь. Вскоре в лагере вкусно запахло мясной кашей.

Гриша и Ур с завистью поглядывали на стражников, с аппетитом уплетающих куски мяса и густую похлебку. Назифа невозмутимо жевала сухую сливу.

— Что будем делать, когда прибудем в Самуранд? — подал голос Гриша.

— Нам не надо в Самуранд. Мы идем к горам, — ответила девушки и вытянулась на земле.

— Точно! — прошептал юноша. — Давайте сбежим? Тогда тебе не надо будет идти к этому жирдяю.

— Почему это? — удивилась Назифа. — Я хочу.

— Хватит! Это уже не смешно! — воскликнул Гриша и на них покосились стражники.

— А я и не смеюсь, — она приподнялась и многозначительно посмотрела на юношу. — Я очень хочу остаться с караваном-баши наедине.

Только теперь Гриша понял, что затеяла Назифа, и счастливо улыбнулся. Грубая, властная, непреступная — на такую он бы и внимания не обратил в своем мире, но здесь было все по-другому. Он понял, что с девушками можно не только заигрывать и проводить ночи, но и дружить. Назифа стала для него первой женщиной-другом.

Как только все поели и легли спать, девушка поднялась, поправила волосы и прошептала:

— Соберите вещи и будьте готовы. Как только я вернусь, надо будет удирать со всех ног. На ночь обязательно оставят часового, ваша задача сделать так, чтобы он не поднял крик.

Глава 5 И мне не надо мармелада, а только маленьких детей

Гриша, скрепя сердце, смотрел, как Назифа подошла к сидящему у костра каравану-баши и поманила его за собой.

— Что она все-таки собирается делать? — зашептал он на ухо Уру.

— Даже не знаю. Но думаю, что ничего хорошего его не ждет. Вспомни стражника.

Тем временем, толстяк с трудом встал, схватил бутылку, лежащую рядом, и прижал Назифу к себе. Та кокетливо захихикала, проворно вывернулась и потянула его к паланкину, который погонщики сняли с верблюда и поставили на землю.

Они взобрались на носилки и задернули шторы. По лагерю разнесся счастливый девичий смех, а за ним послышалось тяжелое сопение баши. Стражники сначала завистливо прислушивались, но вскоре им это надоело и они, завернувшись в бежевые плащи, заснули. Как и говорила Назифа, часовой медленно слонялся между верблюдами и людьми, пытаясь отогнать сон.

— Как она может? — не выдержал Гриша и зажал уши руками. — Мне противно об этом даже думать!

— Она делает свое дело, — тихо сказал Ур и кивнул на стражника, пинающего один из мешков. Оттуда доносилось повизгивание. — Пора и нам выполнить свою часть работы.

Они встали и разошлись в разные стороны. Стражник моментально отвернулся от мешка и, выставив копые, прикрикнул на них:

— На место! На место!

— Да мы отлить! Неприлично срать там, где спишь, согласишься, — возмутился Гриша.

Стражник немного подумал, недоверчиво переводя взгляд с одного на другого, и кивнул:

— Быстро. И на место!

Гриша и Ур торопливо скрылись во тьме, туда, куда не падал свет от костра. Стражник вновь начал прохаживаться вдоль верблюдов, изредка бросая взгляд на паланкин, в котором слышалась возня.

Тем временем Гриша обошел лагерь, на карачках подполз к мешкам и спрятался за ними. Когда стражник неспешно добрал до мешков, впереди появился встревоженный Ур и, энергично жестикулируя, ринулся к нему.

— Что случилось? — напрягся стражник. — Говори яснее!

Воспользовавшись тем, что стражник отвлекся, Гриша незамеченным вышел из укрытия, подошел сбоку и, чтобы привлечь внимание, еле слышно сказал:

— Ку-ку.

Стражник повернулся, удивленно уставился на юношу, но не успел ничего сказать, потому как получил мощный удар в челюсть. Его голова неестественно дернулась и изо рта брызнула кровь. Он охнул и упал на колени. Гриша навалился на часового, заломил ему руки назад и перевязал своим ремнем. В это же время Ур вытащил из-за пазухи кляп, скомканный из куска своего балахона, и засунул в рот изумленному мужчине. Вдвоем они оттащили мычащего стражника за фыркающих и кряхтящих верблюдов и с облегчением выдохнули. Вдруг один из погонщиков приподнял голову и прислушался. Гриша и Ур замерли, не сводя с

него испуганного взгляда. Погонщик обвел взглядом лагерь, но, не обнаружив ничего подозрительного, громко зевнул, повернулся на другой бок и вскоре захрапел.

— Долго еще она там будет развлекаться? — недовольно прошептал Гриша, когда они забрали свои вещи и спрятались во тьме.

Ур пожал плечами. Вдруг в мешке, который лежал недалеко от них, послышалось тихое пение писклявым голоском. Слов было не разобрать, но мелодия очень напоминала колыбельную.

— Надо выпустить зверьков, — решил юноша, на карачках подполз и развязал толстую бечевку. Белые пушистые зверьки с большими блестящими глазами посыпались на землю. Они едва доходили Грише до колен и смешно дергали заостренными ушами.

— Убегайте, убегайте, — замахал он, но они обступили и с интересом рассматривали его.

Тем временем, Ур развязал оставшиеся мешки. Однако зверьки даже не думали спасаться бегством, наоборот, разбрелись по лагерю, внимательно изучая верблюдов, спящих стражников и паланкин, в котором наконец-то наступила тишина.

— Что за глупые создания, — всплеснул руками Гриша и смахнул лирра, который взбирался по его штанине.

Ур хлопнул его по плечу и показал на паланкин. Одна занавеска чуть приоткрылась, и показалась голова Назифы. Она махнула Грише с Уром, вылезла из носилок и пропала во тьме. Друзья бросились за ней следом. Отбежав на безопасное расстояние, девушка остановилась.

— Молодцы, что убрали часового, — похвалила она. — Я боялась, что ничего не получится. Библиотекарь, куда нам теперь?

Ур задумался, что-то высчитывая в уме:

— Та-ак, мы почти целый день прошли в сторону Самуранда. Он намного левее Груфу. Значит нам надо туда.

Он поправил ляжку бурдюка с водой, висящего за спиной, и зашагал вперед. Гриша и Назифа пошли за ним. Им хотелось поговорить, высказаться, но никто не осмеливался первым начать разговор.

«Как она могла отдаться эту мерзкому типу? У нее что, никаких принципов нет? Никакого уважения к себе? Или ко мне. Хотя, кто я ей? Так, попутчик или, скорее, подчиненный. Она ведь у нас главная! Притом, никто ей этого права не давал».

— Ничего не было, — глухо сказала Назифа.

— О чем ты? — равнодушно отозвался Гриша, хотя внутри весь напрягся.

— Как только занавески закрылись, я приставила кинжал к его горлу и велела пыхтеть и погромче. Чтобы все слышали, как ему хорошо, — она усмехнулась. — Я сделала вид, будто хочу выковырять его глаз, так он наложил в штаны. Едва не задохнулась: даже дохлый бегемот не так смердел.

У Гриши на сердце отлегло и настроение сразу улучшилось.

— Что ты с ним сделала? Убила?

— Нет, хотя надо было. Вырубила. Думаю, раньше утра не проснется.

Ур остановился, дождался их и зашагал рядом, прислушиваясь к разговору. Бесчисленные яркие звезды дарили мало света, но желтый песок был хорошо виден.

— Ур, а где луна? — Гриша остановился, как вкопанный.

— Что за луна такая? — не понял библиотекарь.

— Ну, а как же? На небе кроме звезд еще и луна должна быть. Яркая, круглая, как ваша лепешка.

Ур пожал плечами:

— Я не знаю, о чем ты говоришь. У нас на небе только Отец-солнце и дети-звезды.

Никаких лепешек нет.

— Значит, я не на Земле, — догадался юноша.

***

Когда небо посветлело, путники остановились на отдых. Они решили, что ушли достаточно далеко от каравана и опасность им уже не грозит.

— Ур, твой лечебный порошок отлично работает! — похвалил Гриша. — Рана начала заживать и не воспалилась. Спасибо тебе!

Ур что-то смущенно пробормотал, снял с плеча тяжелый бурдюк и с кряхтеньем размял спину. Назифа тем временем вытащила остатки еды и недовольно сказала:

— Могли бы из еды что-нибудь прихватить. У нас только засохшие лепешки, сухие сливы и вода. Завтра нам нечего будет есть.

— Через два дня мы должны быть в Груфу, — сказал Ур. — Надо будет растянуть запасы. Хорошо хоть вода в достатке.

Он развязал горлышко бурдюка и наклонил над глиняной кружкой. Однако вода не полилась.

— Что за...

Библиотекарь замер на полуслове, увидев длинную прорезь на кожаном мешке. Он засунул пальцы, расширил дыру и разочаровано выдохнул:

— Только вас не хватало.

Он вытряхнул мешок и на землю высыпались три белых пушистых зверька. Они поднялись на задние лапы и с любопытством уставились на людей большими блестящими глазами.

— Кыш отсюда! Кыш, кыш, кыш! Пошли вон! — замахал руками библиотекарь, но те лишь хлопали черными ресницами и наклоняли головы из стороны в сторону.

Гриша присел рядом с лиррами и взял одного на руки. Зверек схватил опешившего юношу за лицо и потерся мокрым носом о его подбородок.

— Похоже, ты ему понравился, — улыбнулась Назифа.

— Нельзя с ними, как с детьми, — взмолился Ур. — Они приносят беду, а нам и так не везет. Пусть уходят. Кыш-кыш-брысь! Идите домой, вы свободны.

Тут лирр, который сидел на руках Гриши, заговорил тоненьким голоском:

— Дом далеко. Мы не дойдем.

Ур и Назифа недоуменно переглянулись, а Гриша нежно погладил зверька по голове и сказал:

— Конечно не дойдете. У вас такие маленькие ножки.

— Вот она магия лирров, — усмехнулся Ур.

— Ты о чем? — Гриша смотрел на зверька с нежностью матери и целовал заостренное ухо.

Назифа подошла, взяла лирра за шкурку и бросила на землю. Тот мягко упал и отбежал к своим братьям.

— Зачем ты это сделала?! — закричал Гриша. — Он мог стукнуться или подвернуть ножку.

Вместо ответа Назифа вlepила ему пощечину, взяла за плечи и потрясла:

— Приди в себя! Ты не их мама, они тебя заколдовали!

Юноша замотал головой, чувствуя, как всепоглощающая любовь к лирру постепенно стихает и приходит досада.

— А-а, — выдохнул он и схватился за пылающую щеку. — Больно же! Не могла помягче как-то?

Назифа чмокнула его в лоб и отпустила:

— Мягче не могла. Еще чуть-чуть и ты бы превратился в курицу-наседку.

Тем временем Ур посадил наглых лирров обратно в бурдюк и перевязал так, чтобы они не пролезли через дыру. Второй бурдюк был полон воды, но напиться вдоволь путники не могли себе позволить: неизвестно еще, как скоро они дойдут до источника.

Гриша снял сапоги и лег на горячий песок. Он чувствовал себя так, будто накануне переборщил с вином из отцовских запасов: раскальвалась голова и подташнивало.

— Не пойму, что со мной. Перегрелся, что ли? — подал он голос. — Слабость какая-то и голова кружится.

— Пройдет. Это «дурман лирров», — ответил Ур и кивнул на шевелящийся бурдюк. — Эти милашки многое умеют. Особенно обглаживать кости.

— В смысле? Они мясо едят?

— Еще как! Мне отец рассказывал, как отбивался от лирров, когда работал пастухом. Они набрасывались на корову и через час от нее оставался лишь скелет. Прожорливые, хуже крокодилов.

— А на людей они бросаются? — испуганно прошептал юноша и покосился на повизгивающий мешок.

— Не-ет, — махнул рукой библиотекарь. — По крайней мере, я об этом не слышал.

Вскоре они продолжили путь. Ур отказался нести лирров, поэтому пришлось Грише взвалить на себя тяжелый бурдюк. Он несколько раз порывался оставить их на песке, но каждый раз включалась совесть с маминой интонацией: «Они же погибнут. Не бери грех на душу».

Назифа шла впереди. Влажная от пота ткань юбки прилипла к ягодицам, отчего казалось, будто ее совсем нет. Гриша и Ур, словно замороженные, следовали за девушкой, не обращая внимания на то, что творится вокруг. Вдруг она остановилась и показал вперед:

— Мне мерещится или там что-то есть?

Гриша приставил ладонь ко лбу и увидел небольшие темные строения.

— Да, я тоже вижу. Похоже на деревню.

Ур снял свой мешок с плеча, вытащил карту и покачал головой:

— Нет-нет, здесь не должно быть никакой деревни. Есть пару деревень возле Груфу, но это не они. Мы еще очень далеко от города.

— Значит, врут твои карты, — Гриша подошел к Назифе, шлепнул по упругой попке и хотел поцеловать, но получил такой мощный удар в грудь, что задохнулся.

Он хватал ртом воздух, но вздохнуть не мог. Назифа сурово смотрела на него, поигрывая желваками.

— Мне тоже захотелось тебя шлепнуть, — процедила она сквозь зубы. — Понравилось?

Наконец дыхание восстановилось, Гриша замотал головой и хрипло сказал:

— Ты же меня поцеловала. Я думал, что мы уже...

— Неправильно думал, — осадил ее. — Я могу к тебе прикасаться, а ты ко мне —

нет.

— Но это несправедливо! Я, может...

Договорить он не успел, девушка сделала шаг вперед и впилась в него мягкими влажными губами. Боясь получить очередную взбучку, Гриша не посмел обнять ее. Хотя мысленно уже срывал легкий топ и юбку.

Библиотекарь отвел завистливый взгляд от парочки, свернул карту и зашагал в сторону деревни. Назифа отстранилась от юноши, подмигнула и поскакала за Уром. Гриша разочаровано выдохнул, опустил голову и поплелся следом.

«Ну и дикарка! Придется немало сил приложить, чтобы обуздать ее норы. Хотя, зачем мне это? Тоже мне: Я могу к тебе прикасаться, а ты ко мне — нет... Мы еще посмотрим кто кого!»

Вскоре они подошли к деревне. Маленькие домики, замазанные глиной, стояли по кругу. В центре горел костер, возле которого сидели худые чернокожие мужчины и женщины и жарили живность, похожую на ящериц. Справа тонкой струйкой текла речушка посреди высохшего русла с потрескавшейся землей.

— Приветствую вас, — поклонился библиотекарь.

Люди испуганно обернулись и повскакивали с мест. Мужчины выставили палки с живностью, наподобие копья, а женщины прижали руки к голым обвисшим грудям.

— Не бойтесь, — спокойным голосом сказал Ур и поднял руки. — Мы не сделаем вам ничего плохого. С кем мы можем поговорить?

Навстречу им вышел старик с пышными курчавыми волосами. Он с подозрением посмотрел на кистень, торчащий из-за пояса Назифы, затем брезгливо поморщился, глядя на светлые волосы Гриши и, наконец, ответил Уру:

— Говори, я слушаю.

— Мы немного заплутали и у нас заканчивается вода. Я вижу, засуха отразилась и на вас, речка совсем высохла.

— Меня зовут Вайра. Я староста. Ты прав, чужеземец, такого зноя я не припомню. Куда вы идете?

— Нам нужен древний город Груфу. Ты знаешь, в какой стороне он находится?

— Хм, — Вайра задумчиво запустил руку в шевелюру, выловил в ней кого-то, раздавил и ответил, — мы кочуем и пару лет назад пришли с юга. Такого города не встречали.

— Кочуют, поэтому их нет на карте, — пояснил Ур, притихшим Грише и Назифе. Затем вновь обратился к старику:

— Мы наберем воды и пойдем дальше.

Но Вайра замахал рукой, растянул в улыбке беззубый рот и добродушно предложил:

— Оставайтесь и отдохните. Мы с вами поделимся нашими скудными запасами, а вы расскажите нам о себе. Завтра поутру продолжите путь с новыми силами.

Гриша снял с плеча бурдюк с лиррами и устало опустил на землю:

— Давайте отдохнем. Всю ночь не спали, еле ноги держат.

Назифа подозрительно обвела взглядом тощих мужчин в набедренных повязках и кивнула:

— Только если нам выделят один из этих домов. Хочется хоть ненадолго спрятаться от солнца.

Вайра дал поручение двум женщинам, и вскоре глиняный дом был начисто подметен. А мужчины принесли свежие копна соломы, заменяющие кровати. Гриша выпустил зверьков

из мешка и те разбрелись по поселению, вызывая дикий восторг у женщин. Гостеприимные кочевники предложили им полакомиться жареными ящерицами, но троица отказалась. Только одну Гриша выпросил для лирров, которые с урчанием ее съели не более, чем за минуту.

Ур набрал воды из речушки в бурдюк и вернулся в дом, в котором отдыхали Гриша и Назифа:

— Похоже, я ошибся и надо взять немного влево. Все-таки я первый раз ушел так далеко от дома...

— Мы не виним тебя, — отозвалась Назифа. Она уже успела помыться и сполоснуть свою одежду, поэтому теперь ходила в накидке, которую предложили местные женщины.

Гриша снял сапоги, посмотрел на мозоли и недовольно пробурчал:

— Эх, мне бы мягкие портянки. Или домашние тапочки. Такие, как мой батюшка носит, из овчины, — он закатал рукав и осмотрел рубец, который затянулся и заживал. — Интересно, как там караван? Дальше пошли в Самуранду?

— Не думаю, — усмехнулся Ур. — Лирры вряд ли позволили себя второй раз пленить. Я так и вижу, как толстый караван-баши посадил лирров на свой паланкин и везет их домой. И сюсюкается, как и ты.

Назифа рассмеялась, а Гриша надулся:

— Я тут не при чем. Меня заколдовали. Кстати, где они?

— Женщины их на руках носят на манер детей. А довольные зверьки доедают оставшиеся запасы ящериц. Надеюсь, этим людям будет, что поесть после таких обжор.

Гриша посыпал лечебный порошок на мозоли и откинулся на солому. Затем почесал заросшую щетиной щеку и спросил:

— А вот детей-то у них нет. Как думаешь, почему?

Ур пожал плечами и расположился рядом с входом:

— Может, болезнь унесла их жизни, а может, эти люди понимают, что обрекут их на страдания, поэтому сознательно не рожают. Если хочешь знать, спроси.

Гриша встал и аккуратно, стараясь не наступить голой пяткой на острые камушки вышел из дома. Мужчины бродили вдоль речушки, в поисках съестного, а женщины ругались за право нянчить лирров:

— Теперь моя очередь! Отдай!

— Не отдам!!! Он меня уже полюбил и считает мамой.

— Он и меня считает мамой. Посмотри на его глаза, он сейчас заплачет, потому что ты ему больно делаешь!

Тут в спор вмешалась старуха, которую Вайра представил троице, как свою жену.

— Если так любите детей, то зачем своих съели? А? Надо было и дальше нянчить, а не мясное рагу варить. «Маленькие, вкусные» — говорили вы, а теперь деретесь из-за лирров!

Огорошенный юноша попятился к дому, стараясь остаться незамеченным. Однако он зря боялся, лирры полностью завладели вниманием женщин.

— Они их съели, — зашептал он, переводя испуганный взгляд с Назифы на Ура и обратно. — Своих детей съели!

— У тебя голова болит? — обеспокоено спросила девушка, подошла и потрогала лоб. — Жара вроде нет.

— Я только что слышал, как старуха сказал, что они съели своих детей. Надо бежать отсюда.

Ур выглянул, не подслушивает ли кто, и кивнул:

— Я мельком видел в одном из домов алтарь с черепами. Похоже, мы попали к людоедам.

Наступила тягостная тишина. Гриша схватил сапоги и начал их натягивать, морщась от боли. Ур убрал порошки в мешок и повесил его за спину.

— Переночуем здесь, — безапелляционно заявила Назифа.

— Ты с ума сошла! — воскликнул Гриша. — Ты вообще слышала, о чем мы только что разговаривали?

— Во-первых, я устала и хочу выспаться. Во-вторых, посмотри на них. Из оружия у этих дикарей только палки. Даже Ур сможет дать им отпор.

Библиотекарь надулся, но ничего не сказал. Тем временем Назифа продолжала:

— Будем дежурить по очереди. Мне достаточно один раз раскрутить кистень, чтобы раскидать все их племя.

Глава 6 Око за око, зуб за зуб

С тех пор, как они узнали, что находятся в гостях у людоедов, желание общаться с туземцами пропало. Староста Вайра пригласил их на ужин у костра, но все тактично отказались, сославшись на усталость.

— Я теперь смотреть на них спокойно не могу. Меня всего передергивает, — пожаловался Гриша, интенсивно пережевывая сушенную сливу. — Съесть собственных детей! В голове не укладывается. Если уж совсем приперло, то надо было съесть стариков. Они же скоро вымрут без потомства, как мамонты!

— Вот и хорошо, — отозвалась Назифа. — Такие и жить не должны.

На горячем песке ее одежда быстро высохла, и девушка уже переоделась. Грише удалось одним глазком подглядеть за ней, поэтому пришлось срочно отворачиваться к стене, чтобы никто не заметил, как он соскучился по женскому «вниманию».

Вскоре в проеме двери показались лирры. Они напевали песенку и качали головами.

— Может, оставим их здесь? — предложил Ур.

Гриша согласился, но Назифа была против:

— Нет, возьмем с собой, а то их съедят.

— И пусть. Я больше их не понесу, — Ур зевнул и повернулся на бок. — Разбудите, когда придет моя очередь дежурить.

Лирры легли у ног Назифы и свернулись в комочки. Гриша вышел на улицу и посмотрел на чужое звездное небо. Здесь не было ни Большой Медведицы, ни Малой Медведицы, ни Ориона — ничего родного и знакомого. Миллионы мерцающий глаз взирали сверху безразличным взглядом.

— Как же попасть домой? — прошептал он и грустно вздохнул.

В деревне царила тишина, только легкий ветерок шелестел засохшими ветками кустарников на берегу речки. Юноша вернулся на солому и в первый раз, с тех пор как попал сюда, вспомнил о своей возлюбленной Екатерине Андреевне. Плутовка знала, как заинтересовать пышущего юным жаром Гришу. Бывало, проходя мимо его парты, роняла перо и изящно нагибалась за ним, выпятив и без того упругий зад. Или томно вздыхала, когда забирала листок с заданием. Или шептала расписание, прикасаясь губами его шеи и мочки уха. При воспоминании об этом, по спине побежали мурашки. Однажды они случайно встретились в коридоре училища. Гриша шел отрабатывать очередной прогул, а Екатерина Андреевна задержалась, потому что проверяла контрольные.

— Здравствуйте, Григорий, — поздоровалась она и стрельнула глазками. — Вы почему до сих пор здесь?

— Здравствуйте, Екатерина Андреевна, — он подошел вплотную, наклонился и прошептал так же, как делала она, с придыханием. — Иду писать работу за опоздание. Проспал ненароком после ночного кутежа.

Она зарделась и затрепетала, словно зяблик, попавший в силки.

— Ну, так идите же скорее. Нехорошо опаздывать, когда ждут, — еле слышно проговорила девушка, но даже на пядь не отодвинулась. У Гриши от аромата ее духов и близости к телу сорвало крышу. Сам не понимая, как так получилось, он подхватил учительскую жену на руки и потащил в каморку под лестницей. Если бы в этот момент кто-нибудь проходил мимо, то подумал бы, что через время доносятся отголоски Бородинского

сражения: крики, стоны, пыхтение, скрип и лязг. С того самого дня Екатерина Андреевна начала активно помогать преподавательскому составу с проверкой тетрадей, мытьем колб и уборкой классов по вечерам. И все это для того, чтобы встречаться с юным страстным и богатым любовником.

Гриша закрыл глаза, чтобы четче воссоздать в памяти ее миленькое личико и белое нежное тело. Через несколько минут образ поплыл, и он провалился в сон.

Снилось ему, будто сидит он на коне и смотрит, как крепостные жнут серпами пшеницу. Мужики в шароварах и рубахах, а бабы в пышных юбках. Серпы в их руках мелькают так быстро, что кажется, еще чуть-чуть и они взлетят, как стрекозы. Шуршание падающих колосьев, перемешалось с уханьем, и вдруг стало трудно дышать. Он схватился за горло, но его никто не душил, однако воздуха не хватало, сколько бы он не пытался вдохнуть. Наконец Гриша проснулся и резко сел.

Первое, что он увидел, языки пламени, врывающиеся в дверь. Черный дым заполнил все пространство вокруг:

— Пожар! — закричал он и пополз к Уру и Назифе. — Кхе-кхе. Вставайте! Пожар!

Назифа проснулась и взвизгнула, как раз в этот момент сноп искр ворвался в дом, будто кто-то снаружи разворошил большой костер.

Они в ужасе шарили руками и стучали по стене в надежде найти спасительный выход. Однако в доме даже окон не было, а в двери полыхал жаркий огонь.

— Они нас хотят поджарить, как куру в горшке! — закричал Ур и припал к земле. Остальные последовали его примеру. Черный дым разъедал глаза и не давал вдохнуть.

— Что же делать?! — воскликнул Назифа, и Гриша впервые увидел ее испуганной и уязвимой. Словно слетела маска и показалось настоящее лицо. Красивое лицо девушки, нуждающейся в помощи.

Между тем, гул, который доносился снаружи, усилился и превратился в монотонную мелодию.

— Они еще и песни поют! Черти! — закричал Гриша и ринулся к двери, но сильный жар тут же прошелся по нему, подпалив волосы и ресницы.

— Где бурдюк с водой? — заметалась Назифа, но Ур обреченным голосом ответил:

— Бесполезно, не поможет. Вот и наступил конец. Бесславный конец в логове людоедов.

Они обнялись, задыхаясь в дыму и молясь, чтобы поскорее все закончилось.

— А-а-а, о-о-о, ла-ла-лами, — слышалась песня совсем рядом.

Они обернулись и увидели лирров. Они пели и качали головами из стороны в сторону.

— Огонь! Посмотрите на огонь, — сказал изумленный Ур.

Пламя закачалось из стороны в сторону, постоянно уменьшаясь. Гул, который доносился снаружи, стих и в дверь полетели сухая трава и ветки. Людоеды махали руками и набедренными повязками, чтобы пламя разгорелось с новой силой, но тщетно. Огонь все уменьшался и уменьшался, пока не остались тлеющие угольки. Изнеможенные лирры повалились на землю.

— Ну все, — процедила сквозь зубы Назифа, схватила кистень и бросилась наружу. Гриша и Ур выбежали следом.

Тяжелый шипастый шар лупил всех без разбору. Кровь, зубы, мясо летели во все стороны, а истошный крик разносился по пустыне, отражаясь эхом. Кто-то успел убежать и скрыться в темноте, но большинство остались лежать на земле, истекая кровью. Назифа

склонилась над старостой, держащегося за вытекший глаз и разодранную щеку, и тихо сказала:

— Вот и все. Тебя постигла заслуженная кара. Передай привет своим внукам, которых ты съел.

С этими словами она вонзила кинжал в его сердце. Старик охнул и замер. В его безжизненных глазах отражались звезды.

***

— Ну вот, снова без сна, — пробурчал Ур и покашлял. Они шли по ночной пустыне, подальше от черных трупов и запаха гари.

— Да уж, — откликнулся Гриша. — На рассвете поспим. Как-то беспокойно мне в темноте, несколько людоедов успели убежать. А вдруг они идут за нами и ждут, когда мы остановимся?

— Это вряд ли, но лучше перестраховаться, — Назифа бодро шагала впереди, держа кистень наизготовку. — Здорово я их, правда?

Гриша неприятно поежился. Наемница так легко убивала, словно человеческая жизнь ничего не стоила.

«Нет, они все заслужили. И стражник, который ударил меня. И людоеды, которые хотели поджарить нас живьем. Но», — он не сумел продолжить мысль, хотя чувствовал, что наказание было слишком суровым.

Назифа будто прочитала его мысли и обернулась:

— На тебе лица нет. Что случилось?

— Ничего не случилось, — он равнодушно пожал плечами и отвел взгляд, но женскую интуицию не так легко обмануть.

— Я чувствую, что ты чем-то опечален. Тебе жалко людоедов? Этих тварей, жрущих собственных детей? Эту падаль из рода человеческого? Этих...

— Нет, не жалко, — прервал ее Гриша и почесал шею. — Этих не жалко! А вот стражника ты зря убила. Он выполнял свою работу. Не надо было мне трогать мешок.

— Вот именно! Не надо было Тебе трогать мешок. Я всего лишь защитила... Тебя — с нажимом сказала она и ускорила шаг, чтобы быть впереди.

Лирры за спиной мирно посапывали. Перед тем, как посадить их в мешок, Гриша, Ур и Назифа горячо поблагодарили своих спасителей. Теперь зверьки уже не казались бесполезной ношей, которую так и хочется где-то забыть или потерять.

Вскоре забрезжил свет справа на горизонте, и друзья остановились на привал. Они доели оставшиеся сухари из лепешек и запили водой со вкусом тины.

— Надеюсь, я правильно определил направление, и мы не пройдем мимо города, — Ур развернул карту и склонился над ней. — Сразу за Груфу начинается Великая пустыня, которая простирается на много-много шагов, за год не пройти. И там нет ни одного поселения. Великая пустыня безжизненна и беспощадна.

— Ты уж постарайся, — откликнулся Гриша. Он снял сапоги и порадовался тому, что мозоли тоже успешно заживали. — Какой хороший порошок. Из чего ты его сделал?

Ур сделал вид, что не услышал вопроса и начал копать в своем мешке. Гриша вопросительно уставился на него и тому пришлось сдаться:

— Тебе лучше не знать.

— Э-э, теперь-то ты точно не отвертишься. Говори!

Ур поправил балахон, который теперь едва прикрывал его трусы, опустил голову и

пробурчал:

— Ничего такого. Чуть-чуть этого, чуть-чуть того, шепотку одного, шепотку другого.

Гриша слишком устал, чтобы пытаться его дальше, поэтому махнул рукой и лег, подложив под голову сапоги:

— Кстати, почему здесь нет тех страшных пауков?

— Это скорпионы-падальщики. Они живут колониями и только в определенных местах.

Хотя даже я не знаю, как они выбирают это место.

— Падальщики? Тогда почему на нас напали?

Ур убрал карту и лег рядом, обняв одного из лирров:

— После нашей смерти, они бы подождали, когда мы начнем гнить и только тогда съели. У них нет зубов, поэтому мясо должно быть мягкое.

— Фу-у-у, — брезгливо поморщилась Назифа. — Можно без мерзких подробностей? Давайте лучше спать. Надо до темноты дойти до города.

Гриша закрыл глаза и почувствовал, как усталость навалилась пуховым одеялом, но мысли беспрестанно крутились в голове. Особенно его мучил вопрос о «Священном огне», который, по заверению Ура, ему подарили боги.

«Как включается этот огонь?»

Он вытянул руку и тихо сказал:

— Огонь, я приказываю тебе загореться, — ничего не произошло. — Я хочу, включить тебя, Огонь. Пылай!

Назифа зашевелилась, повернулась на спину и захрапела.

«Может, надо испугаться? Хотя, сидя в горящем доме, я сильно испугался. Думал, сожрут нелюди, а череп на память оставят».

Вскоре он уснул, так и не заставив «Священный огонь» пробудиться.

***

Гриша проснулся от толчка.

— Вставай, пора идти. Уже полдень, — Ур протягивал ему кружку с водой.

Назифа упражнялась в метании кинжала, лирры с интересом рассматривали раскрытую карту библиотекаря.

Друзья съели по одной сушеной сливе, запили водой и начали собираться. Гриша провел рукой по лицу и горестно вздохнул: обгоревшая на солнце кожа на носу и щеках начала слезать. В отличие от него, Назифа и Ур не получили ожогов, только чуть больше потемнели. Лирры попили воды и сами взобрались в кожаный мешок, бывший когда-то бурдюком.

— Похоже, они уже считают его своим домом, — усмехнулся Ур. — Надеюсь, мы когда-нибудь сможем отнести их к сородичам.

— Что они еще умеют? — спросил Гриша.

— Не знаю. Особо не интересовался. Не думал, что смогу увидеть их живьем.

Они шли по раскаленной пустыне, обдуваемые легким, но иссушивающим ветром. Песок стал мягче и идти стало тяжелее, будто бредешь по неглубокому снегу. Палящее солнце, золотистый песок и тишина — вот, что их окружало.

От зноя пересыхали горло и нос, поэтому постоянно хотелось пить. Вода, набранная из речушки у деревни людоедов, испортилась и завоняла. Другой воды у них не было.

— Я уже не могу пить эту гадость, — пожаловалась Назифа. — Так и отравиться

недолго.

— А ты делай, как я, — сказал Гриша. — Задержи дыхание и глотай, не держи во рту.

Вскоре лирры тоже заняли:

— Пить. Пить. Хочу пить.

Гриша налил в кружку мутную зеленоватую жидкость и дал им по глоточку.

— Плохо, что здесь даже высохшего дерева нет. Я бы взобралась и посмотрела, не виден ли город.

Гриша хмыкнул и пошутил:

— А чем я не дерево. Лезь на меня, — он-то думал, что девушка откажется, но Назифа кивнула, подошла и велела:

— Присядь немного, я встану на твое колено и поднимусь на плечи. Ур, иди Гришу поддержи.

Юноша не успел возразить, через секунду на него взгромоздилась тяжелая мускулистая Назифа. Он с трудом проглотил ком, который встал поперек горла, когда увидел мощные ляжки по обе стороны своей шеи.

«Она же легко может задушить или шею сломать».

— В этой стороне ничего нет, кроме песка. Повернись! — она пнула Гришу в бок, и тот дал себе зарок, что будет лучше обращаться с лошадьми. Он развернулся. Назифа приставила ладонь ко лбу и всмотрелась вдаль:

— А вот там что-то есть. Я вижу деревья и, вроде, дома. Очень далеко, не могу разглядеть.

Гриша присел, и девушка ловко спрыгнула на землю. Ур развернул карту:

— Может, это и есть деревенька у Груфу? Похоже, мы сильно влево дали.

— Что гадать? — юноша разминал затекшую шею и разболевшуюся поясницу. — Пойдем и разведаем. Заодно воду наберем.

Они торопливо зашагали в ту сторону, куда показала Назифа. Только к вечеру путники увидели верхушки пальм.

— Даже если нет воды, попьем кокосовое молоко, — обрадовался Ур.

Вскоре перед ними раскрылся оазис. На берегу овального озера густо росла растительность. Маленькие птички чирикали в кустах. Насекомые жужжали, перелетая с цветка на цветок. Троица бросилась к воде, бросая на ходу вещи.

— М-м-м, блаженство, — Назифа раз за разом набирала в ладошки воду и с наслаждением пила.

Гриша разделся догола и с разбегу нырнул в чистую прохладную воду. Лучи отражались от водной глади и неровными бликами играли на разноцветных камушка на дне. Юноша все плыл и плыл, пока не закончился воздух в легких.

— Ура-а-а! — закричал он. Эхо вернуло только: А-а-а-а-а, но как-то слишком долго оно звучало.

Ур собрал камни побольше и бросал в кокосовые орехи, висящие на пальмах, пытаюсь их сбить. Назифа сидела на берегу и болтала ногами в воде. Гриша вылез из озера и бросился к кустам. После палящего солнца, вода казалась холодной, поэтому тело среагировало и кое-что сморщилось. Кусты были сплошь усеяны крупными синими ягодами.

— Ур, эти ягоды можно есть? — крикнул он.

Библиотекарь снова промахнулся и со злостью пнул дерево, отчего хрустнул большой палец на ноге.

— Ешь! — кивнул он и, хромая, побрел к Назифе. — Это желеница. Здесь ее много, наверное ветром семена занесло.

— Желеница? В первый раз слышу.

Ягоды были сладкие и тягучие, словно кисель. По вкусу отдалено напоминали крыжовник. Наевшись, Гриша снова нырнул в воду и подплыл к тому месту, где оставил одежду.

Тем временем, Назифа ловко метала кинжал в орехи, а Ур пытался ловить, чтобы они не разбились. Один орех угодил ему по лбу, отчего прямо на глазах выросла шишка. Гриша оделся и выпустил лирров из бурдюка. Те забежали в траву в поисках чего-нибудь съестного. Вскоре один из них уже хрустел жирным кузнечиком.

— Эх, хорошо, — Гриша лег на мягкую траву и положил руки за голову. Они поели мякоть орехов, ягоды и напились свежей чистой воды. — Никуда отсюда бы не уходил. Ур, а на карте оазисы отмечены?

— Нет, — ответил он и еле слышно пробормотал. — Будем надеяться, что найдем дорогу до Груфу.

Они решили заночевать у аозиса, а утром снова пуститься в путь.

— Иногда мне кажется, что мы просто путешествуем, — признался Гриша. — Подчас даже забываю, куда и зачем мы идем.

— Очень надеюсь, что мы не заблудимся и вернемся обратно в Эль-Кар с лавовым кинжалом, — с жаром ответила Назифа. — И прогоним Пустынного Демона.

***

Солнце клонилось к закату, на потемневшем небе стали появляться звезды. Птицы и насекомые смолкли, наступила тишина.

— Вы, как хотите, но на траве я спать не буду, — сказал Гриша и схватил сапоги, которые служили ему подушкой. — В детстве жук в ухо забрался, когда я на сеновале спал, с тех пор на траве не сплю. А в сеновал заглядываю только для того, чтобы...

Он не стал пояснять, чем же он занимается на сеновале.

— Я с тобой, — Назифа прихватила кистень и пошла за ним.

«Ого! Похоже, она созрела. Хорошо, что я помылся».

Но девушка будто прочитала его мысли, подняла увесистый кулак и строго сказала:

— Мы будем рядом, а не вместе... Я тоже жуков недолюбливаю.

Ур решил, что лучше держаться вместе и расположился на песке рядом с ними. Лирры наелись насекомых и, мурлыча под нос песенку, свернулись калачиками у ног Назифы.

— Ты скучаешь по дому? — тихо спросила девушка, глядя на звезды.

— Нет, не скучаю. Мне кажется, будто это сон, и скоро я проснусь в своей комнате на мягкой пуховой перине.

Девушка вытянула руку и больно ущипнула его за сосок.

— Ай! Да, не сон.

Глава 7 Еще один?!

Гриша проснулся от шороха. Впереди чернели стволы пальм, водная гладь отражала звезды. Шуршание усилилось и стало ясно, что звук идет от оазиса. Он натянул сапоги, взял саблю и медленно двинулся к берегу, поросшему кустами и травой.

Вдруг озеро колыхнулось и из воды на берег поползли толстые черные щупальца. Гриша хотел разбудить друзей, но крик застрял в горле, когда он увидел, как вода расступилась и показалась огромная голова с желтыми глазами и продольными зрачками. Существо все росло, а камушки, устилавшие дно озера, с шорохом сыпались с него. Охваченный ужасом Гриша медленно попятился, пока не наступил на ногу Уру.

— Ты чего? всю ногу отдавил, — пожаловался библиотекарь, но, когда увидел, куда смотрит юноша, испуганно взвизгнул и вскочил. Между тем, огромная тварь уже поднялась до уровня пальм и жадно обшаривала щупальцами берег.

— Нас ищет, — послышался сзади голос Назифы.

Наемница стояла с кинжалом в одной руке и с кистенем в другой. На ее лице не было страха, только хищный прищур, будто это она охотник, а не добыча. Тварь издала тихий рык и потянулась к пальмам, обшаривая каждый сантиметр.

— Голодная. Не зря я обратила внимание, что птицы улетели с оазиса, как только стало темнеть.

— Так ты не насекомых боишься? — шепотом спросил Гриша и размял онемевшие пальцы, которыми сжимал рукоять сабли.

Она не стала отвечать, а крадучись пошла к оазису.

— Вернись! Что ты делаешь? — Ур хотел схватить ее за руку, но та ловко увернулась и на полусогнутых побежала к ближайшей пальме.

— Иногда так и хочется дать ей подзатыльник, — пожаловался он.

Гриша немного поколебался, но делать нечего, побежал вслед за ней.

— Вы сумасшедшие! — воскликнул Ур, поднял кинжал Гриши, лежащий на земле, и нехотя пошел за ними.

Существо, казалось, ничего не видит и смотрит только в одну точку. Назифа подняла кистень над головой и со всей силы ударила по щупальце, которая приблизилась к ее ноге. Густая черная кровь брызнула на траву, тварь завyla и повернулась в их сторону. Черные зрачки расширились и открылся огромный рот с несколькими рядами острых зубов. Недолго думая, девушка взмахнула рукой и кинжал стрелой устремился в желтый глаз. Существо издало пронзительный крик и забилося в озере, отчего вода забурлила. Но в эту же самую секунду другая щупальца схватила ее за ногу, резко дернула и потянула к воде.

Назифа взвизгнула и начала судорожно хвататься за кусты и траву, но существо было сильнее. Гриша пару секунд стоял в оцепенении, затем подскочил к черной щупальце и принялся рубить ее саблей. Между тем, тварь редела, а из его глаза текла черная жидкость.

Уже у самой воды разрубленная местами плоть больше не смогла удерживать Назифу и выпустила. Гриша схватил ее за руку и оттащил подальше от озера.

Ур быстро осмотрел девушку и обнаружил несколько ссадин, пару глубоких царапин и потемневшие круги на ноге от присосок на щупальцах. Тварь в это время билась в конвульсиях и горланила, высунув длинный ярко-красный язык.

— Надо добить, — решил Гриша и побежал вокруг озера к тому месту, где до твари

было ближе.

— Стой! Оставь его, он и так не жилец! — Ур, спотыкаясь, бросился следом. — Блин, угораздило же связаться с сумасшедшими.

Юноша пригнулся за кусты и подошел к существу вплотную.

— Что ты хочешь сделать? До сердца не достать, далеко, — прошептал Ур ему на ухо.

— Я не знаю, где его сердце, но мозг должен быть в голове, — Гриша выпрямился и со всего размаху запустил саблю в огромную голову. Сабля пару раз крутанулась и легко вошла в мягкую голову чудовища. Оно забилась сильнее, щупальца неистово шлепали по воде, а из раны фонтаном била черная жижа.

Через пару минут, издав протяжный вой, тварь рухнула в воду и наступила тишина.

Напряжение спало, страх ушел и стало намного легче. Они вернулись на то место, где ночевали и с облегчением опустились на теплый песок. Первые лучи солнца осветили небо.

— Представляю, сколько путников сожрала эта нечисть, — сказала Назифа, пока Ур посыпал порошком ее раны. — Мой отец участвовал в «Битве Светлых». Мы с братьями слушали перед сном его рассказы о тех временах.

— Что еще за «Битва Светлых»? — спросил Гриша.

— Было время, когда тварей стало так много, что люди перестали чувствовать себя хозяевами, — сказал Ур. — Правители собрали отряды опытных и отважных бойцов и отправили их очищать землю.

— Мой отец был в одном из таких отрядов. Вот он удивится, когда узнает, что не всех они убили, — сказала довольная Назифа.

— Пять лет, шаг за шагом они освобождали города и селения. Многие погибли, а те, кто выжил, до самой смерти ходят у нас в почете.

— Да, это правда, — закивала Назифа. — Отцу подарили большой дом, землю и скот. А потом появились мы, его дети.

Грише тоже захотелось похвастаться, и он выпалил:

— А мой батюшка с Наполеоновской армией бился. Они от нас бежали так, что только пятки сверкали. Эх, нет водочки! Выпили бы за наших храбрых вояк.

Остальные согласно закивали. Правда, потом Ур поинтересовался, что за водочка такая?

Назифа поблагодарила Ура за заботу, встала и присвистнула:

— Надеюсь, кто-нибудь из вас догадался набрать чистой воды.

Тварь, казавшаяся черной, на самом деле была темно-сиреневой. Вода в озере смешалась с ее кровью и тоже стала сиреневого цвета. Ур показал на пустой бурдюк и виновато сказал:

— Я вчера вымыл и вывернул высушить. Хотел перед дорогой чистой воды набрать.

— М-да, — почесал затылок Гриша. — Час от часу не легче.

Юноша разделся и залез в воду, чтобы достать свою саблю и кинжал Назифы. От трупа поднималась мерзкая вонь, которая щекотала в носу и заставляла чихать.

— Апчхи, — он выбрался на берег. — Откуда только они берутся? Апчхи-и!

— Никто не знает, — пожал плечами Ур. — Испокон веков боремся с демонами и тварями, но они появляются вновь. Есть поверье, что Боги прокляли нашу землю из-за предателя, который продал душу в обмен на сладкую жизнь.

Гриша оделся и начал собирать желеницу, а Ур и Назифа сбивали кокосовые орехи.

— Ур, надеюсь ты нас в правильном направлении ведешь. Не хотел бы я умереть от жажды и голода.

— Я тоже на это надеюсь, — тихо ответил он.

Путники поели, покормили ягодами лирров, которые постоянно порывались попробовать на вкус щупальца твари, и засобирались в дорогу. Гриша нагрузился кокосовыми орехами, а Ур нес бурдюк с лиррами.

— Какие еще существа у вас здесь попадают? — спросил Гриша.

— В реке у Эль-Кара жила змея с лапами. Она воровала скот и детей. А по суше бегала так же быстро, как и плавала в воде.

— И что с ней случилось?

— Заманили в ловушку и убили копьями.

— А почему с Пустынным демоном до сих пор не справились?

— Такого опасного противника не было на нашей земле последние сотни лет. Много смельчаков пытались прикончить его, но никто не вернулся. Если бы я раньше нашел свиток о том, как его прогнать, то стольких людей бы от смерти спас, — он горестно вздохнул. — Про Пустынного демона знают все с детства. У нас даже сказки про него есть и песни. Нигде не говорилось, что обычное оружие перед ним бессильно. А вычитал я о лавовом лезвии в работе одного лекаря, живущего несколько сотен лет тому назад.

— Лекарь убил демона? — усмехнулась Назифа. — Как-то слабо верится.

— Нет, он не убивал. Он только описал с пометкой «Для жизни наших детей». Может, они тоже много натерпелись от демона, прежде чем нашли на него управу.

После полудня друзья остановились на привал, распили несколько кокосовых орехов и поели их сладкую мякоть. Лирры отказались, но попросили достать им хотя бы скорпиона.

— Не-ет, больше не надо нам никаких скорпионов, — замахал рукой Гриша. — Мне одной встречи с ними на всю жизнь хватило. Эх, вот бы сюда Акулину с холодным квасом! Как же я соскучился по нормальной еде: запеченному осетру, тушеным куропаткам, пирогам с творогом и брусникой, по говяжьему языку и моченым яблокам. Вот вернусь домой и закачу пир. Всех соседей приглашу. Поиграем в карты, сходим на охоту, потанцуем с городскими девицами.

— Ты знаешь, как вернуться? — насторожилась Назифа.

— Пока нет, но чувствую, что обязательно вернусь домой.

***

Они немного отдохнули и снова пустились в путь. Ур постоянно с беспокойством озирался и пару раз просился взобраться Грише на шею, чтобы посмотреть округу. Но юноша неизменно отказывался.

— Еще чего не хватало! Никогда ни один мужик не будет на мне сидеть! — грозно закричал юноша, когда библиотекарь снова попросился. Ур что-то обиженно пробурчал и дальше пошел молча.

Через некоторое время Назифа, снова вырвавшаяся вперед, радостно замахала руками:

— Я вижу шпили! Это город!

Гриша и Ур вмиг взбодрились и быстро зашагали за ней. Вскоре они тоже увидели шпили с развевающимися флагами, а затем и купола.

— Это он, — с благоговейным шепотом сказал Ур. — Древний город Груфу.

Груфу поражал своим величием и красотой даже издали. Огромный дворец возвышался над крепостной стеной. Башни, храмы, обелиски были украшены витиеватыми объемными узорами, а купола дворцовых башен блестели золотом.

Вскоре им стали попадаться люди, которые спешно удалялись от главных ворот. В город же, кроме них, никто не шел.

— Уважаемый, — обратился Ур к старику, тянувшему пустую тележку. — Не подскажите, куда все так спешат?

— Как куда? — удивился тот. — Домой. Надо успеть добраться до темноты. Путь не близкий, поэтому все торопятся.

Старик кивнул и ускорил шаг. Колеса тележки жалобно заскрипели. Троица продолжила путь и скоро они остановились у моста, который был перекинут через глубокий ров. Гриша посмотрел вниз и увидел колья, торчащие острием из воды. Возле распахнутых настежь ворот стояли двое стражников и обеспокоено смотрели на небо.

— Приветствую вас, доблестные воины, — поклонился Ур. — Мы путешественники, идем к горам. Разрешите ли нам зайти в город?

Стражник с густой бородой подозрительно оглядел Гришу. Он сильно отличался от остальных цветом кожи, одеждой и светлыми глазами.

— Осталось не больше часа до темноты. Вам надо успеть найти себе убежище. Лучше сразу идите к гостиним домам, — он указал на большие трехэтажные дома, стоящие в ряд.

— А что такое? Почему мы должны «успеть найти себе убежище»? — заинтересовалась Назифа.

— Вы что, не знаете? — удивленно поднял он брови. — Пустынный демон поселился в наших краях.

Троица переглянулась. Ур поблагодарил стражников, и они зашагали к серым домам с заколоченными окнами.

— Вот черт! — воскликнул Гриша. — И здесь он!

— Не думаю, что это один и тот же, — замотал головой Ур. — Демон боится солнечного света и прячется в своей норе. Только ночью выходит на охоту.

Величественный город вблизи оказался серым и грязным. По мощенным дорогам текли смердящие ручейки. Возле домов громоздились кучи зловонного мусора. Некогда красивые дома с удивительной архитектурой имели удручающий облезлый вид. Люди, попадавшие на пути, не обращали на них никакого внимания и быстро шагали по своим делам.

Они подошли к первому гостиному дому и Ур постучал. Дверь сразу же распахнулась, и полная женщина с отвисшими щеками и двойным подбородком с интересом уставилась на путников.

— Нам нужна комната, а лучше две, — сказал библиотекарь.

Женщина улыбнулась и закивала:

— Заходите-заходите, у нас есть свободные комнаты... Очень много свободных комнат.

— А поесть и попить у вас можно? — несмело спросил Гриша и женщина вновь закивала:

— У нас все можно. Все, что хотите, то и можно.

Назифа не удержала и расхохоталась:

— Неужели так плохо с постояльцами?

Тут женщина, видимо державшаяся из последних сил, закрыла лицо руками и разрыдалась. Опешившие путники не знали, как себя вести, то ли начать утешать, то ли подождать пока сама успокоится. Но тут возник пожилой мужчина и погладил женщину по спине:

— Муна, детка, иди отдохни. Я сам займусь нашими гостями.

Женщина с именем Муна кивнула и исчезла за дверью слева.

— Здравствуйте, друзья! Меня зовут Фенуку. Я хозяин этого великолепия, — он раскинул руки и обвел взглядом помещение с низким потолком, потемневшими стенами и заколоченными окнами. — Когда-то здесь собирались богатеи нашего славного города и играли в кости. Каждый вечер мы кормили наших постояльцев вкусным ужином и укладывали спать на мягкие постели, а в дни отдыха проводили вечеринки с циркачами и певцами.

— Что же случилось? — Гриша смахнул старую пыльную паутину, висящую над головой.

— Демон, — грустно вздохнул он. — Пустынный демон поселился в нашем городе. Все, кто мог — сбежали, а остальные выходят на улицу только днем и то, стараются не отходить далеко от дома. Радость и веселье покинули нас. Остались только грусть, печаль и безысходность.

— Как давно он у вас появился?

— Два года прошло с того дня, как он появился на Главной площади и вырвал девуцу прямо из рук ее жениха. А вы зачем прибыли в Груфу в это нелегкое время?

— Мы мимо проходили, — уклончиво ответил Ур. — Зашли в город чтобы отдохнуть и поесть. В горы идем.

— В горы? — ужаснулся Фенуку. — Мы думаем, что в горах он и живет. Больше нигде. Воины обшарили всю округу.

Повисло молчание. Гриша снял бурдюк с лиррами и сел за деревянный стол, Назифа с интересом рассматривала картину, на которой была изображена женщина в роскошном платье и в драгоценностях. Ур почесал щеку и сказал:

— Мы подумаем об этом. А сейчас нам надо поесть и отдохнуть. Мы уже несколько дней в пути.

Однако Фенуку подозрительно сощурился и осторожно спросил:

— А деньги у вас есть? Поймите меня правильно: доходы наши очень сильно упали, поэтому бесплатно никого не кормим.

Гриша вынул из кармана брюк золотую монету и показал мужчине:

— Сколько мы на это сможем прожить?

— О! — воскликнул Фенуку, жадно пожирая глазами золото. — Целую неделю, не меньше. И кормить мы вас будем трижды в день!

Гриша бросил ему монету, и хозяин гостиного дома побежал на кухню.

— Что будем делать? — спросил юноша, когда они расселись вокруг круглого стола в ожидании съестного.

— Надо сходить к наместнику Груфу и рассказать куда и зачем мы идем, — предложил Ур. — Думаю, как только он узнает, что мы хотим убить Пустынного демона, то постарается нам помочь.

— Не убить, а отправить обратно, — отозвалась Назифа, все еще бросая завистливый взгляд на портрет. — Ты же сам говорил, что убить его нельзя.

— Ну, — замылся Ур. — Вообще-то я не уверен, что и люди умирают. Тело — да, а вот душа — нет. Мне кажется, что душа гуляет по мирам и останавливается там, где ей понравится. Вот и Гриша у нас остановился.

— Нет-нет, я у вас не останавливался! — запротестовал он. — Мое тело при мне. И вообще, я домой хочу. Сыт по горло вашими демонами, тварями и людоедами. Хочу в

Вольгино, в мою тихую мирную деревушку. Хочу к девкам и барышням. Хочу с Филей на охоту ходить. Раньше думал, что никогда не останусь жить в глуши, а теперь лишь о ней и мечтаю.

Тут дверь кухни распахнулась и Фенуку с Муной вышли с подносами, на которых дымились горшки. От запаха съестного заверещали лирры в мешке. Гриша попросил принести сырого мяса и выпустил зверьков. Голодные пушистики порывались засунуть носы в глиняные горшки, но, обжегшись, отступали. Вскоре Фенуку появился с двумя тушками куриц, убитых только что. У одной до сих пор дергалась лапка. Лирры схватили мужчину за штанину и принялись трясти, как яблоню, с криками:

— Дай! Дай! Дай!

Тот испугано выронил куриц, и зверьки набросились на еду. Пух и перья полетели в разные стороны, а лирры блаженно замурчали, обгладывая кости.

— Кто это такие? — спросил он, с изумлением наблюдая за пиршеством.

— Это лирры. Мы их отобрали у бандитов, — ответил Ур с набитым ртом.

— А они моего кота не съедят? — Фенуку подобрал с пола скелеты куриц и озадачено уставился на развалившихся на полу лирров.

— Не знаю. Но кота к ним лучше не пускать.

Глава 8 Ни секунды покоя...

После сытного ужина, когда хозяин запер все двери, они поднялись на второй этаж. Муна приготовила им две комнаты. Назифа юркнула в одну из них и заперла за собой дверь.

Гриша, Ур и лирры заняли вторую. Юноша тут же скинул сапоги, снял брюки и упал на кровать.

— Боже, как мне этого не хватало, — он вытянулся до хруста в костях и подбросил вверх подушку. — Как думаешь, может, нам и у здешнего заместника денег взять?

— За что? — спросил Ур и выглянул в щель между досками на окне.

— Как «за что»? Когда мы сделаем лавовый кинжал, то сначала убьем их демона. Заодно проверим.

— Хорошая идея, — воодушевился библиотекарь. — А еще попросим дать кого-нибудь в помощники. Сильные воины нам пригодятся.

— Сильные воины? — Гриша задумался. В щуплом плешивом библиотекаре он не видел конкурента, а вот воины вполне могли понизить его авторитет. И, возможно, кто-нибудь из них мог понравиться Назифе.

«Не-ет, так не годится. Она хоть и не моя, но делиться я ни с кем не собираюсь».

— Думаю, что никого в помощь просить не надо. Во-первых, придется золото с ними делить. Во-вторых, я не могу положиться на чужих людей. Мы втроем уже многое прошли и никогда в беде друг друга не бросали. А вдруг они, наоборот, помешают нам или испугаются? Нет, никого брать не будем. Давай лучше подумаем насчет денег. Если мы с маленького городка Эль-Кара попросили двести золотых, то с такого, как Груфу, можно все четыреста. Как думаешь?

Сонный Ур кивнул, обнял одного из лирров и вскоре захрапел. Однако к Грише сон не шел. Слишком много всего происходило в последние дни, а времени, чтобы все хорошенько обдумать — не было.

«И как я сюда попал? Волшебство, прям, как в сказках. Только вместо Ивана-царевича, Гришка-дворянин. Хорошо хоть не Гришка-дурачок! Значит так: я полез на крышу. Вдруг — Филя. И я лечу вниз... М-да, не срабатывает. Все равно не понятно, как я сюда попал. Если предположить, что батюшка решил надо мной пошутить и вывез в Африку, то куда подевалась луна? Опять же, твари и людоеды. Они откуда взялись? Блин, опять одни вопросы и ни одного ответа. Так и блаженным недолго стать».

Тут ему в голову пришла шальная мысль наведаться к Назифе. Он на цыпочках вышел в коридор и приблизился к ее комнате.

«Надо было хоть цветочек где-нибудь раздобыть. Ну да ладно. Успею еще подарить».

Он прислушался, но вокруг царил тишина.

«Интересно, она сразу меня выбросит или сначала поставит пару фингалов? Эх, была не была!»

Гриша поднял руку, чтобы постучать, но замер в нерешительности:

«Может, она уже спит?»

Вдруг раздался истошный крик, полный ужаса и отчаяния. Кричали за окном, недалеко от дома, в котором остановилась троица. Гриша забежал в свою комнату и прильнул к щели между досками, но в темноте ничего не было видно. Через несколько секунд крик раздался вновь, но уже где-то над головой. Юноша натянул штаны, выскочил из комнаты и чуть не

столкнулся с Назифой.

— Ты слышал? — испугано прошептала она.

— Да. Прямо за окном. Пойдем вниз, посмотрим.

На первом этаже в длинной белой сорочке стояла Муна. В ее трясущейся руке полыхала свечка.

— Что случилось? — Назифа подбежала и забрала свечку, пока та не уронила ее на пол. — Кто так кричал?

Муна прижала руку к груди и, срывающимся голосом, проговорила:

— Я не знаю, но похоже на Амизи.

— А кто эта Амизи?

— Соседка. Живет напротив, — женщина всхлипнула и ткнула пальцем в сторону двери. — У нее трое детей.

Гриша побежал вверх, надел сапоги, схватил саблю и вновь спустился:

— Откройте дверь. Пойду проверю.

— Не-ет! Нет! — истошно завопила она, раскинула руки и прижалась спиной к двери. — А вдруг он здесь? А вдруг он ворвется сюда? Я боюсь! Боюсь!

На ее крик прибежал сонный Фенуку и застыл от увиденного. Гриша с саблей наизготовку стоял напротив испуганной Муны.

— Эй, парень, ты чего? — осторожно сказал он и встал возле жены. — Остынь. Что она такого сделала?

Тут все поняли, как выглядит эта сцена для человека, который только что появился, и бросились ему объяснять. Через минуту Фенуку обнял плачущую жену и сказал:

— Она права, нельзя выходить. Если это и впрямь была Амизи, то ей уже не помочь. На рассвете все выяснится. А пока предлагаю чего-нибудь выпить и лечь спать.

Муна принесла прохладный сладкий напиток, лепешки и вяленое мясо. Говорить не хотелось, поэтому они молча поели и разошлись по комнатам. Гриша уснул, как только голова коснулась подушки. Ему снилась темнота и пронзительный женский крик.

***

— Гриша, вставай, — услышал он сквозь сон.

— Вася, иди к черту, — пробурчал Гриша и зарылся под подушку, но тут его потрясли за плечо.

— На завтрак уже позвали. Вставай.

Юноша сел и разочарованно выдохнул. Вместо спальни с коврами и печью с изразцами, он проснулся в комнате с двумя кроватями, столом и стулом в гостинном доме.

— М-да, не приснилось.

Ур в нетерпении топтался у двери, поторапливая Гришу.

— Иди, я приду. И лирров не забудь покормить.

Зверьки согласно закивали, спрыгнули с кровати библиотекаря и побежали за ним, семеня короткими лапами. Гриша оделся, умылся и, зевая во весь рот, спустился на первый этаж. Хозяйка Муна сидела за столом и тихонько плакала, глядя на троих детей уплетающих кашу. Назифа стояла у раскрытой двери и смотрела на улицу.

— Это была соседка Амизи? — шепотом спросил у нее Гриша.

— Да, не успела добежать до дому. Почти у самого порога демон схватил ее. Дети остались сиротами.

Заплаканные малыши орудовали ложками, стараясь не запачкаться, и с интересом разглядывали лирров.

— Что же теперь с ними будет? — от сострадания к детям у Гриша сжалось сердце. Он сам рано потерял мать и понимал, какое это горе.

— Муна хочет оставить их у себя, пока кто-нибудь из родственников не заберет.

Гриша сглотнул ком, застрявший в горле, и кивнул:

— Кажется, она — хорошая женщина и не будет их обижать.

Юноша сел напротив Ура, медленно потягивающего горячий отвар из глиняной кружки, и принялся за еду. Каша совсем не была похожа на ту, что готовила повариха в Вольгино. Пресная жижка с мелкой крупой не выдерживала никакого сравнения со сладкой молочной кашей с желтым пятном сливочного масла, которую подавали дома.

После завтрака Гриша посоветовался с Назифой, взял оставшиеся деньги и подошел к Муне:

— Нам надо идти в горы. На обратном пути мы снова у вас поселимся. А пока возьмите эти монеты, — он положил на ее ладонь два золотых. — Детей надо кормить и одевать.

Муна снова залилась слезами и крепко обняла Гришу:

— Спасибо вам! Спасибо. Пусть удача будет на вашей стороне. Не знаю, зачем вам в горы, но чувствую, что ради благого дела.

Троица попрощалась с хозяевами и зашагала к дворцу, в котором, по заверению Фенуку, живет наместник.

— Ур, а почему такой огромный и величественный дворец принадлежит наместнику, а не императору или падишаху?

— Раньше Груфу был столицей и здесь жил правитель. Но после череды междоусобиц решили поделить все земли между городами и посадить в каждом по наместнику.

— Междоусобиц? А что не устраивало людей?

— Как что? — удивился он. — Несправедливость. Все богатства стягивались сюда, а тем, кто жил подальше, как Эль-Кар или Кабарган, доставались крохи. Люди устали от бедности. А еще эти твари начали невесть откуда появляться. После раздела наступил мир и покой. Каждый довольствуется тем, что имеет. А если чего-то не хватает, но можно купить у соседей. Вот демонов победим и снова заживем так же хорошо, как и раньше.

— Да, я помню, как жили в Эль-Каре, — подала голос Назифа. — Город гудел от смеха и песен. На ярмарках детей угощали сладостями, а мужчин и женщин — выпивкой. Не было злобы и страха. С появлением Пустынного демона изменилась жизнь не только Эль-Кара, но и моего родного Кабаргана. Будто люди, которые к нам прибежали, принесли с собой горе и тоску.

Они шли вверх по улице к возвышающемуся над городом дворцу. Горожане, которые попадались на пути, их совсем не замечали. Они были погружены в свои мысли и лишь изредка опасно задирали головы вверх.

Во многих домах были заколочены не только окна, но и двери. Обшарпанные стены и облупившаяся краска выглядели удручающе. Фенуку рассказал, раньше было столько людей, что приходилось проталкиваться ко дворцу или рынку, орудуя локтями. Сейчас же больше трех человек одновременно и не встретишь.

На окнах дворца стояли решетки из толстых прутьев, а массивная двустворчатая дверь была настежь открыта. Они поднялись на широкое крыльцо, медленно зашли в зал и огляделись. По периметру помещения стояли мраморные статуи, изображающие гордо

стоящих людей в красивых одеяниях и с мечом в руках. Яркие красочные рисунки украшали стены, высокий сводный потолок блестел золотыми звездами.

— Такое ощущение, будто здесь никого нет, — прошептал Гриша. — Даже воздух нежилой.

— А вдруг наместника демон уже съел? — заволновался Ур и прошел вперед, вглядываясь в полутьму между статуями.

Гриша сложил ладони в виде рупора и закричал:

— Эй! Здесь есть кто-нибудь?!

Эхо подхватило его крик и прокатило по высокому потолку и стенам.

— Есть! — послышался бас и юноша испуганно вздрогнул.

Из-за крайней правой статуи вышел высокий седовласый мужчина с золотым обручем на голове, украшенной объемной звездой. Он сощурился, пытаясь рассмотреть непрошенных гостей. Гриша заметил, что правый глаз у него светлый, будто без зрачка.

«Бельмо», — догадался он. Точно также ослеп его дед Мефодий. Маленький Гриша часто помогал ему найти упавшую ложку или мундштук.

— Кто вы и что вам здесь надо? — сурово спросил наместник и уставился на Гришу. Тот поежился от неприязненного взгляда, не сулящего радушного гостеприимства.

— Приветствую тебя, наместник, — Ур подошел и поклонился. — Меня зовут Ур. Я библиотекарь с Эль-Кара. А это наемница Назифа и ее помощник Гриша. Мы идем к горам.

— Зачем вам понадобились горы?

— За лавой. В Эль-Каре несколько лет назад появился Пустынный демон. В древних письменах я нашел способ от него избавиться.

— Да? — всю напыщенность и высокомерие наместника словно ветром сдуло. Он бросился к Уру, схватил его за руку и, заметно волнуясь, спросил:

— Как? Как это сделать?

Ур снял мешок с плеч, достал потемневший от времени свиток, развернул и принялся читать:

— «Проклятого Пустынного демона невозможно убить, но можно отправить обратно в Сторонний мир. Кинжал с лавовым лезвием лишит его сил и заставит уйти». Дальше описывается, как изготовить такое лезвие.

Наместник хлопнул в ладоши и радостно рассмеялся:

— Друзья мои, вас привели к нам Боги! Меня зовут Оаз. Вы знаете, что и здесь поселился демон? Я лишился сна, не зная, как от него избавиться. Кстати, вы голодны? Я могу распорядиться и вас покормят.

— Нет-нет, — замахал рукой Гриша. — Мы пришли в город вчера и успели отдохнуть и поесть. В Эль-Каре нам обещали двести золотых за изгнание демона. Сколько заплатите вы?

Наместник опешил от такой дерзости, но тут же спохватился и закивал:

— Сколько скажете! Мне ничего не жалко. Мы так устали бояться и прятаться, что отдадим последнее, лишь бы избавиться от него.

— Четыреста, — выпалил Гриша и выжидающе уставился на него.

Мужчина задумался, что-то высчитывая в уме, и кивнул:

— Наберу. Если не хватит, то пойду с протянутой рукой по людям. Думаю, никто не откажет.

— Отлично! В какой стороне горы?

Наместник нахмурился и замотал головой:

— До темноты вы не успеете. Мы думаем, что в горах он и поселился. Демон застанет вас по дороге.

Гриша, Назифа и Ур переглянулись. Об этом они не подумали.

— Вам лучше делать так, как делали мы во время «Битвы Светлых», — подал голос наместник Оаз.

— И как же? — спросила Назифа.

— Мы прятались в ямах, накрытых сверху плотными плащами. Плащи желтые, как песок, поэтому твари нас не замечали. Правда, были случаи, когда они ненароком наступали и проваливались, но копыта и кинжалы делали свою работу.

— Где же нам достать такие плащи?

— Я дам, пойдемте, — он зашагал за колонну, из-за которой вышел.

Путники пошли следом. За колонной была дверь, через которую они попали в длинный темный прохладный коридор, освещенный лишь парой факелов.

— Раньше этот путь использовали редко, но теперь здесь безопаснее всего.

Они свернули за угол и вышли из коридора в другой зал, поменьше. Гриша зажмурился от ослепительно сияния. Когда глаза немного привыкли, он вытер слезы и огляделся. Яркое солнце светило прямо над головой, а весь пол устилала несметное количество осколков стекла. Посреди зала лежал большой камень.

— Демон пробил стеклянную крышу камнем, когда пытался добраться до меня. Он умный. Не стоит его недооценивать.

Грише стало не по себе. Демон, обладающий немереной силой и умом, был очень опасным противником. Его утешало одно — Назифа. Только на нее была надежда.

Между тем, они прошли сверкающий зал и очутились в еще одном темном коридоре, который оказался в два раза короче, чем предыдущий.

— Вот и пришли, — сказал Оаз и открыл неприметную дверь.

Это было пахнущее пылью помещение с низким потолком. Здесь стояли столы и стулья, нагромождённые друг на друга. Разноцветные кувшины с узкими горлышками выстроились ровными рядами, занимая половину комнаты. В углу лежали скрученные ковры, мешки и сундуки. А у дальней стены в беспорядке валялись доспехи и оружие.

Наместник начал рыться, переворачивая мешки и коробки, и вскоре удовлетворено крикнул и достал несколько желтых плащей.

— Вот! Хорошо, что я их сохранил. Хотя сомневался, что они когда-нибудь снова пригодятся.

Он раскрыл один из плащей и постелил на полу. Ткань местами была изъедена жучками и пятна засохшей грязи темнели на светло-желтой ткани.

— Так даже лучше, — похвалил Ур. — Новенький чистенький плащ бросался бы в глаза.

Между тем, Назифа подошла к оружию и принялась с интересом рассматривать.

— Возьмите все, что хотите, — с готовностью кивнул наместник и горестно вздохнул. — Только избавьте нас от демона. Столько воинов пытались его поймать и убить, но демон никого не пощадил. Ни один не вернулся. Даже мой сын Охра — великий воин, победивший на играх, пропал без вести. Я желаю вам удачи! Но, вы уж простите, не верю, что сможете с ним справиться. Он очень силен и неуязвим.

Тем временем, Назифа достала из кучи металла пояс с кинжалами, какие-то доспехи и спряталась за угол. Гриша туго скрутил плащи и привязал к бурдюку, в котором сидели лирры.

— Полгода назад я подкараулил его на крыше с арбалетом. Пять стрел попали, но отскочили, будто я кидался кочерыжками. Мне удалось убежать и закрыться в одном из коридоров, но с тех пор он начал на меня охоту. Теперь я сам, словно загнанный зверь, сижу в норе и боюсь высунуть нос.

— Надеюсь, лавовое лезвие поможет, — кивнул Ур. — Мы знаем про двоих демонов, а если их больше? С тех пор, как города поделились, новости не так быстро расходятся.

Вскоре из-за угла вышла Назифа и покрутилась перед мужчинами. На ней был черный лиф с металлическими чашечками, плащ и защитные накладки на локтях и коленях. Выглядела она так притягательно, что Гриша не удержался и присвистнул:

— Ого-го! Вот это да! Это ты самое ценное спрятала?

Он потянулся к ней, но получил сильный удар по рукам, а в ее глазах появился тот самый хищный прищур, который не предвещал ничего хорошего.

— Конечно! А ты бы что первым делом спрятал? Голову свою бедовую или, — она многозначительно посмотрела на его ширинку.

— Или! — юноша быстро отвернулся, чтобы спрятать вспыхнувшие щеки.

«Наглая какая! Еще смотрит. Никогда таких распущенных девиц не встречал».

***

— Я бы хотел пойти с вами, но боюсь, что демон учует меня. Не хочу рисковать вашими жизнями. Друзья мои, вы — наша единственная надежда. Пусть Боги подарят удачу и силу!

Наместник Оаз пожал руку Уру, поцеловал в щеку Назифу, крепко обнял Гришу и сказал ему:

— Ты напоминаешь мне сыночка Охру. Только он был выше и сильнее тебя. И волосы у него были черные. И кожа потемнее. Да и глаза не такого небесного цвета. Ну, а в остальном — похож... Чуть-чуть.

Гриша вырвался из его объятий и побежал вслед за развеселившимися друзьями.

— Ничего смешного. У человека горе, а вы насмехаетесь, — пробубнил он, — Лучше бы думали о том, как мы Пустынного убивать будем. Сделать лезвие — это полдела. Надо еще суметь его применить.

Они шли по улице, спускающейся под небольшим наклоном вниз к воротам. Вдруг издали донесся голос Озаза:

— Не забудьте, как только последний луч солнца пропадет и заблестят звезды, появится Пустынный демон!

Он стоял на крыльце дворца и махал им на прощание рукой.

Глава 9 Летучие пираньи:-о

Друзья подошли к воротам. Вчерашние стражники поздоровались с ними, как со старыми знакомыми:

— Как вам город? Успели что-нибудь посмотреть?

— Мы не на отдыхе. Некогда нам осмотрами заниматься, — сухо ответил Гриша. — Ночью демон унес женщину по имени Амизи. Слышали об этом?

— Слышали, — грустно кивнул стражник с бородой. — Не ее одну. Еще пекаря Бура. Сегодня, во время утреннего обхода, гляжу, сидит на крыльце дома пекарская жена и плачет. Она и рассказала о том, что произошло ночью: Бур услышал, как коровы мычат, взял копье и вышел на улицу. Жена его больше не видела, как и коров.

— Надеюсь, скоро придет конец вашим страданиям, и демон будет наказан.

— А-а, — махнул он рукой. — Кто ж его накажет? Надо убираться из города. Все равно он жизни нам не даст.

Путники попрощались, перешли мост и двинулась в сторону гор. Скоро Назифа начала жаловаться на то, что поторопилась переодеться:

— Жесткое и трет. Скоро вся кожа слезет.

— Ну так сними! Зачем так мучиться? — предложил Гриша и подмигнул. Девушка фыркнула, гордо вскинула голову, и пошла вперед. Сзади развевался черный плащ, скрывая ее аппетитные формы.

После полудня они остановились на отдых. Муна положила им с собой вяленого мяса, лепешек, сладостей и налила в бурдюк свежей воды. Лирры с удовольствием полакомились мясом и снова забрались в полюбившийся им кожаный мешок, спасаясь от солнца.

— Посмотрите, — Назифа ткнула пальцем. — Мне мерещится или там гора?

Гриша прищурился и увидел остроконечную верхушку горы в голубой дымке облаков.

— Гора, но еще очень далеко, — подтвердил Ур и смахнул крошки с балахона. — Озас правильно сказал: не успеем до ночи добраться до гор. Придется заранее позаботиться о ночлеге.

Они быстро собрались и снова двинулись в путь, проваливаясь в мягком песку по щиколотки. По дороге то тут, то там стали попадаться большие камни. Через пару часов перед ними раскинулась горная гряда. Бесконечное множество гор с острыми верхушками и крутыми обрывами в несколько рядов парили над горячей пустыней.

— М-да, не так себе я это представлял, — сказал Гриша и почесал затылок.

— Надо готовиться к ночлегу. Скоро закат, — подал голос Ур и устало опустил на землю.

Мужчины начали готовить ямы. Сухой песок, который они отгребали руками, вновь засыпал углубление. Юноша от усталости и раздражения несколько раз порывался бросить это бесполезное дело, но к счастью, они вскоре обнаружили, что под слоем песка глубиной с локоть, находится плотная глиняная порода, которая хорошо держит форму.

— Эх, не думал я, что по собственной воле в могилу лягу, — Гриша залез в углубление и свернулся калачиком. — Здесь даже можно вдвоем поместиться. Назифа, может со мной спать ляжешь?

Он приподнялся и подмигнул девушке, но та лишь презрительно скривила губы и продолжила гладить лирра.

— Я могу лечь с тобой, а Назифе мою яму уступлю. Не надо будет еще одну копать, — предложил Ур.

— Еще чего! Думаешь, что говоришь! — воскликнул Гриша. — Давай Назифе копать, а то скоро солнце спрячется.

Вскоре они накрыли все три ямы плащами, натянули и засыпали края песком.

— Готово! Надо будет аккуратно подлезть с одного угла. И не забудьте поправить, — предупредил библиотекарь.

Солнце скрылось за горизонтом, и начали зажигаться звезды. Путники поели и начали укладываться в ямы. Гриша взял с собой лирров и саблю, Назифа — провиант и кинжалы, а Ур кистень и свой мешок.

— Как вы думаете, лаву легко будет найти или придется попотеть? — подал голос Гриша. Рядом с ним лежали зверьки и тихо напевали какую-то мелодию.

— Говори громче! Не слышно! — донесся приглушенный голос Ура.

Гриша повторил, надрывая горло.

— Будем надеяться, что легко! — отозвался Ур. — На карте были нарисованы три горы, и я совсем не ожидал увидеть их в таком количестве!

— Тихо! — шикнула Назифа.

Все замолчали, даже лирры, и прислушались. Сначала Гриша ничего не услышал, только слабый гул. Однако уже через несколько секунд гудение начало нарастать, будто где-то вдали бушует пурга и можно было различить ритмичные шелестящие звуки и сильные порывы ветра. К ним летел кто-то очень большой. Лирры испугано прижались друг к другу и, не мигая, смотрели на Гришу блестящими глазами.

«Мне не страшно. Это только ветер, — настраивал он себя. — Нет, черт возьми, страшно!!! А-а-а, хочу домой!»

Он приподнялся на локтях и всмотрелся в круглые дырки на поеденном жучками плаще. С темного неба безучастно взирали яркие звезды. Но им не было дела ни до кого.

«Бесполезные блестяшки! Чтоб вы все оттуда попадали!»

Тут плащ затрепетал и прямо над ним появился черный силуэт, который заслонил собой все небо. Кожистые крылья, длинные острые рога и мощные когти на птичьих ногах — все, что успел увидеть Гриша, прежде чем демон еще раз взмахнул и исчез из виду.

***

— Всю ночь не спал, — пожаловался Гриша, массируя затекшую шею. — Вы видели его?

— Я видела, — кивнула Назифа и вздрогнула. — До сих пор мурашки бегают от его красных глаз.

— Красные глаза? — задумался Гриша. — Я успел заметить только острые когти и огромные крылья.

— А я, если честно, зажмурился, — признался Ур. — Мне одного звука его крыльев хватило, чтобы решить вернуться домой, собрать вещи и бежать куда глаза глядят.

— Что?! Ты хочешь нас бросить? — Гриша схватил его за руку.

— Нет-нет, — замотал он головой. — Сейчас я так не думаю. Уже успокоился.

— Обратно он летел медленнее. С грузом, наверное, — юноша отпил воду из кружки и протянул лиррам. Те начали лакать, как кошки.

Они позавтракали и зашагали к серым горам, расположенным цепочкой. Гриша пытался

силой мысли включить «Священный огонь», но, как и прежде, ничего не получалось. Вскоре ему наскучило это занятие, и он догнал девушку:

— Назифа, скажи, а зачем тебе это?

— Ты хочешь спросить, зачем я хочу убивать или зачем я хочу убить демона?

— Ну-у, — замялся он. — Давай начнем с демона.

— Ради денег. Мне никогда в жизни не заработать столько золотых.

— А зачем тебе много денег? Что ты хочешь купить?

Назифа тяжело вздохнула, вскользь взглянула на Гришу, решая, можно быть с ним откровенной или нет и, наконец, заговорила:

— Отдам отцу. Хочу, чтобы он ни в чем не нуждался и у него было все самое лучшее.

Мама умерла, когда я была совсем маленькая. Я и четверо моих братьев, остались на попечении отца. Помню, как он делил между нами лепешку, и только крошки засыпал себе в рот. Помню, как он облизывал тарелку из-под похлебки, которую мы съедали. Он отдавал нам все, что мог, никогда не пожаловался и не упрекнул ни в чем. Я ему должна. А долги я всегда отдаю.

Гриша вспомнил своего отца. Ведь Степан Мефодьевич поступал точно также, только речь шла не о похлебке или лепешке, а о лучших учителях, о породистых лошадях, о самых дорогих и престижных училищах. И чем он, Гришка, его отблагодарил? Тем, что принимал все, как должное? Тем, что не заботился о чести фамилии и частенько позорил отца своими выходками? Или тем, что так и не нашел общего языка с любимой женщиной отца и без конца провоцировал ее на ссоры? Ему стало обидно, что он такой балбес, а Назифу еще сильнее стал уважать.

Тем временем, песок под ногами сменился серыми угловатыми камнями, сквозь которые пробивалась редкая чахлая трава. Идти стало легче, но нависающие стены скал действовали удручающе.

— Никогда не был в горах, — признался Гриша. — Чувствую себя муравьем. Все такое большое.

Скалы вплотную примыкали друг другу, поэтому пришлось вскарабкаться на небольшой выступ и осмотреться. Серые склоны и пикообразные вершины простирались насколько хватало глаз.

— Где нам лаву найти? — Гриша спрыгнул с выступа и пошел вдоль каменной отвесной стены.

— Я не ожидал такого, — извиняющимся тоном сказал Ур. — Думал: придем, сделаем лезвие и домой. Как-то все не по плану.

— Если все идет не по плану, значит план — дерьмо. Придумай другой, — Гриша подобрал маленький череп с острыми клыками. — Кажется, здесь кого-то съели.

— Кажется, у них здесь был пир, — Назифа кивнула в проход между скалами, где белела груда костей.

Гриша нерешительно прошелся по крошащимся с тихим треском костям и полез за скалу. Его взору открылось небольшое открытое место, так густо заваленное костями, что земли не было видно. Он охнул и громким шепотом позвал друзей:

— Идите сюда. Я нашел демона.

Назифа и Ур выглянули из-за скалы.

— Ого! — воскликнула девушка и испугано зажала рот рукой. Эхо подхватило «го» и принялось повторять, постепенно удаляясь вглубь гряды.

Ур поднял с земли череп с клювом и кивнул:

— Пойдемте по следу. Видимо, он совсем не старался скрыть свое жилище. Оно и понятно, ведь демон — бессмертный.

Они осторожно зашагали по белой костяной дорожке и уже за второй скалой увидели пещеру, которая находилась на высоте в два человеческих роста.

— Не думала, что так легко его найдем, — Назифа вытащила кистень из-за пояса.

Но Ур покачал головой, нагнулся и присмотрелся к костям:

— Это не демон. Посмотрите, здесь только кости мелких животных и птиц. Может, хищник какой-то здесь жил.

— Или все еще живет, — шепотом сказала Назифа, убрала кистень за пояс и начала подниматься вверх, цепляясь за выступы ногами и руками.

— Что ты хочешь делать? — спросил Гриша и полез следом.

— Убить. Вдруг там тигр или пантера? Не хочу, чтобы на нас охотились, пока охотимся мы.

Они забрались на небольшую площадку перед пещерой, тоже усеянную костями. Гриша выставил саблю перед собой и вгляделся в темную пасть горы. Назифа достала кинжалы и приготовилась к броску.

— Ничего не видно, — прошептал Гриша. — Может, факел сделать?

— Из чего? Кроме камней, здесь ничего нет.

Вдруг за спиной в бурдюке заверещали лирры:

— Выпусти, выпусти, выпусти!

Гриша, не спуская настороженного взгляда с пещеры, снял мешок и развязал. Пушистые зверьки выкатились на землю, взяли за лапки и засеменили в пещеру.

— Вернитесь! — громким шепотом велел Гриша. — Вас же съедят!

Но лирры даже не обернулись и вскоре исчезли во тьме. Он вновь схватил саблю и прислушался. Из пещеры не было ни звука. Ур опустил на валун и, задрав голову, в напряжении наблюдал за друзьями. Прошло не больше десять минут ожидания, и Гриша не выдержал:

— Зря я их выпустил. А вдруг их уже съели? Пойду на разведку.

Но Назифа крепко схватила его за плечо и строго сказала:

— Стой на месте.

— Перестань мне приказывать! — взорвался юноша. — С чего ты взяла, что ты здесь главная? Я — мужчина, а значит я буду решать, что и как делать. Поняла? А теперь спрячься и жди меня.

Опешившая Назифа не нашла, что ответить, и молча отступила назад.

«Послушалась, — с удивлением подумал он. — Надо было давно так сделать».

Он медленно зашел в пещеру, стараясь не шуметь, чтобы не привлечь нежелательного внимания, но не успел сделать и дюжину шагов, как услышал визг лирров. Они пробежали мимо него и спрыгнули с площадки вниз.

— Что случилось? Кто там? — испуганно прошептал Гриша и попятился к выходу.

Вдруг над головой раздалось легкое шуршание. Он посмотрел вверх и невольно вскрикнул. Под потолком светилось бесчисленное множество маленьких немигающих глаз. Гриша развернулся и бросился на улицу. Стая маленьких коричневых созданий вылетела за ним и устремилась ввысь.

— Это птицы? — Назифа прищурилась, сиюсь разглядеть потревоженных жильцов

пещеры.

Гриша пожал плечами и приложил руку ко лбу, но вдруг завопил Ур:

— Варлоки!! Прячьтесь! Скорее!

Гриша и Назифа переглянулись, никто из них не слышал о варлоках. А Ур со всех ног бросился к выходу, туда, откуда они пришли. Тем временем птицы, в беспорядке кружившие над ними, слетелись в косяк, сложили крылья и ринулись вниз, прямо на них.

— Что они хотят делать? — юноша пригляделся и в ужасе отпрянул. У птиц вместо клювов были распахнутые пасти с мелкими острыми зубами.

— Бежим! — крикнула Назифа, дернула его за рукав и спрыгнула вниз. Гриша последовал за ней. Варлоки с шипением бросились за ними. Один из них вцепился в густые волосы Гриши и начал больно дергать, подбираясь к коже.

— А-а-а! Больно же, гад! — он схватил существо и силой выдернул вместе с прядью. Однако тот не желал сдаваться и укусил Гришу за палец. — Ирод, что ж ты делаешь?

Он со всего размаху шмякнул верлока об каменную стену. Тот пискнул и свалился в кучу костей. В это же время в плечо и в шею воткнулись острые зубы. Рядом завизжала Назифа. Гриша бросил саблю, от которой не было толку, и просто отрывал кровожадных существ, впившихся в его тело, и сворачивал им шеи. Краем глаза он видел Назифу в беспорядке махающую кистенем. В ее волосах копошились два верлока, еще один впился в икру.

У Гриши от боли и усталости потемнело в глазах. Кровь тонкими струйками стекала с многочисленных ран, пропитывая одежду.

— Умрите! Умрите! Умрите! — иступленно закричал он, бросил под ноги очередного верлока и размозжил ему голову каблуком сапога.

— Нам их не одолеть, — Назифа тяжело дышала и говорила прерывисто. — Их слишком много.

— Садись, быстро! — велел Гриша и девушка послушно опустилась.

Он выдрал из ее волос верлоков и расшиб им головы о камень. Затем забрал кистень, завертел им, сшибая тварей налету, и запел во все горло:

— Ах вы, се-ени, мои се-ени. Сени новые мои-и.

Вдруг он почувствовал знакомое тепло в груди, и синее пламя охватило его тело. Назифа в ужасе отпрянула, а верлоки не чувствовали опасности и по-прежнему бросались, пытаясь вцепиться. Однако, как только подлетали, то вспыхивали, словно спички, и замертво падали на землю. Через несколько минут и пару десятков поджаренных туш, существа перестали нападать и вернулись в пещеру.

Назифа села на валун, на котором до этого сидел Ур, закрыла лицо руками и заплакала. Обессиленный Гриша потух и опустился рядом с ней.

***

— Ур! Ты где? — закричал Гриша, когда немного пришел в себя и вернулись силы. Вскоре зашуршали кости и из-за скалы появилось обеспокоенное лицо библиотекаря.

— Вы живы! — радостно воскликнул он и поспешил к окровавленным друзьям, на ходу снимая мешок, в котором лежали лекарственные порошки. — А я уж думал, что конец нам пришел.

Он поцокал языком, рассматривая ранения Гриши, а потом погладил по спине рыдающую Назифу.

— «Священный огонь». — понимающе кивнул он на обугленные тушки.

— Да, он снова спас нас, — Гриша снял изорванную рубашку, морщась от боли. — Надеюсь, эти твари не ядовитые.

— Нет, — махнул рукой Ур. — В пригороде Эль-Кара жило одно семейство верлоков, но мы их быстро согнали оттуда. Видимо, они сюда прилетели и сильно расплодились. И почему их во время «Битвы Светлых» не истребили? Не нашли, наверное.

Ур посыпал порошком спину и голову Гриши, а потом занялся плечами Назифы. Девушка к тому времени немного успокоилась, и теперь неподвижно сидела и глядела перед собой.

— Правильно, что железный лифчик надела. Представляешь, если бы он у тебя на титьке повис с такими-то зубами? — попытался пошутить Гриша, но девушка лишь слабо кивнула. В другой раз он бы получил удар или свирепый взгляд, но не сейчас.

Вдруг Гриша вскочил на ноги, и начал озираться, будто что-то потерял.

— Что ты ищешь?

— Лирры! Где наши пушистики?

Все подключились к поискам. Друзья заглядывали за камни и скалы, шарили руками в трещинах, но все было напрасно, зверьки исчезли.

— Может, их верлоки съели или ты случайно спалил? — предположил Ур.

— Только не это! — Гриша рухнул на колени возле сгоревших тушек и начал их перебирать. — Фу-ух! Лирров здесь нет.

— Значит, убежали.

Они перекусили и засобирались в дорогу. Назифа предложила взобраться повыше и попробовать отыскать вулкан.

— Будет обидно, если лаву не найдем, — Гриша с сожалением рассматривал единственную рубашку. Местами она была разорвана и вся в крови.

— Будет обидно, а смертельно, — отозвался Ур. — Если демонов не прогнать, они всех съедят. Будут кочевать из города в город, из поселения в поселение. Они же бессмертны, в отличие от нас. А то, что в Эль-Карре демон сорвал ставни, а в Груфу разбил камнем стеклянную крышу, говорит о том, что от них все труднее будет спрятаться и защититься.

Раны на теле Гриши перестали кровоточить, но продолжали болеть. Назифа с трудом наступала на ногу. Тварь, вцепившаяся в ее икру, успела отгрызть кусок мяса. Пришлось Уру взять инициативу в свои руки. Он попросил Гришу подсадить его и поднялся на скалу, с более пологим склоном.

Гриша и Назифа стояли с оружием наизготовку и озирались. Теперь им везде мерещилась опасность. К тому же верлоки могли вернуться.

— Что ты видишь? — не выдержала долгого ожидания Назифа.

Ур приставил ладонь ко лбу и всмотрелся вдаль. Там, в голубой дымке, одну из вершин будто кто-то сломал и теперь гряда напоминала щербатый рот.

— Вижу! — закричал он и ткнул пальцем. — Вон та напоминает вулкан...А может и нет.

Глава 10 Ну хоть что-то хорошее

Гриша посмотрел на Назифу и заметил слабую улыбку на осунувшемся лице. У него встрепенулось сердце от жалости к ней. Молодая девушка вместо того, чтобы сидеть дома, вязать салфетки и играть на фортепиано (или чем там у них девушки занимаются?), убивает и подвергает свою жизнь опасности. И все из-за чего? Из-за золота.

«Эх, где бы ты не жил, везде люди страдают из-за злосчастных денег. Надо быть помягче с крепостными и иногда дарить хотя бы рубль», — подумал он и вспомнил один случай.

В соседней деревне в небольшой усадьбе жила семья Смолиных. Крепостных у них было в два раза меньше, а земель всего ничего. Однако в деревне они предпочитали жить и заниматься делами только летом. В остальное же время за их хозяйством никто не следил, хотя управляющий имелся. Но очень уж он был ленив и глуп, поэтому Смолиным денег едва хватало на самые первостепенные нужды. Однажды приехал отец семейства Смолиных к Степану Мефодьевичу в гости. Они тогда знатно посидели: много съели, много выпили и даже в баньке успели попариться. Когда пришло время ложиться спать, гость упрямо заявил, что хочет домой. На коня его, конечно же, не пустили садиться, вот тогда Степан Мефодьевич и обратился к любимому сынку:

— Гришенька, голубчик, будь так любезен, отвези на карете Германа Васильевича домой. Он ведь пешком попрется ночью, я его знаю.

— А почему я его должен везти? — удивленно воскликнул Гриша. — Кучер для чего имеется?

Но батюшка опустился на диван рядом с ним и, дыша перегаром, зашептал:

— Это знак уважения, Гришенька. Не какой-нибудь человечиска его до дому проводит, а сам дворянин Михайловский. И ему приятно и нам.

— Мне-то чего приятного с пьяницей возиться?

— А тем приятно, сыночек, что я тебя не накажу, — с улыбкой сказал отец, но Гриша почувствовал нотку угрозы.

— Меня не за что наказывать, — он начал собирать карты со столика, на котором раскладывал пасьянс.

— Да? — изобразил удивление Степан Мефодьевич. — А не ты ли, милоч, проиграл дедушкин шуцер в карты на прошлой неделе?

У Гриши от страха дыхание сперло и промелькнула мысль: «Сбежать или повеситься?»

— Уже собираться, батюшка? — елеинным голосом спросил он, встал и отошел на безопасное расстояние, чтобы крепкая отцовская рука не схватила его за ухо или не дала звонкую затрещину.

— Карета ждет у крыльца, — усмехнулся Степан Мефодьевич и с кряхтеньем растянулся на диване. — Смолин уже там, храпит.

Благо Герман Васильевич всю дорогу спал и не приставал с вопросами и нравоучениями. Гриша передал дворовым работникам в дупель пьяного хозяина и поехал обратно домой. Луна освещала дорогу, но все равно было страшно ехать одному по ночному лесу, в котором постоянно что-то трещало и ухало. Он захлестал коня, чтобы быстрее добраться до дому, но вдруг переднее колесо справа хрустнуло и покатилося в бок, а карета наклонилась и с треском остановилась. Гриша, сидевший на козлах и чуть не свалившийся

вслед за колесом, зло выругался:

— Ядрена вошь! Этого мне только не хватало!

Он решил оставить карету на дороге и начал снимать с коня Цезаря упряжь.

— Может, помощь нужна, барин? — раздался сзади зычный голос.

Гриша испуганно взвизгнул и обернулся. Перед ним стоял обычный деревенский мужик с широкой окладистой бородой. В одной руке он держал скрученный хлыст, а в другой котомку.

— Ты кто? — сипло спросил юноша, но тут же откашлялся и грубым голосом повторил. — Кто такой, спрашиваю? Оглох, что ли?

— Так я же свой, с Вольгино. Пастух. Мой сынок Филя у вас при дворе кузнецом трудится.

Юноша с облегчением выдохнул и показал на карету.

— Видишь, не могу ехать. Помоги коня распрячь.

— Зачем? Я щас вмиг обратно поставлю.

Мужик аккуратно положил на землю свои вещи, поднял колесо и подкатил к карете. Затем осмотрел ступицу и задумчиво погладил бороду.

— Ну, сможешь починить? — поторопил его Гриша.

— Смогу, что тут не смочь-то, — он приподнял одной рукой карету, а второй подтянул колесо и приладил на место.

Изумленный Гриша не сразу нашелся, что сказать. Сгорбленный от тяжелой работы мужик преклонных лет обладал невероятной силой. Теперь стало понятно, в кого пошел великан и силач Филя.

— Спасибо. Удружил, — юноша кивнул и протянул ему руку.

Мужик сначала ступевался, видать еще никогда не здоровался за руку с баринном, но потом несмело пожал своей сухой мозолистой рукой.

— До дому хватит, если медленно будете ехать. А потом надо починить, — предупредил он.

— Починят, не волнуйся. Может, тебя подвезти до Вольгино?

— Нет-нет. Через лесочек мне быстрее, дом как раз на отшибе стоит, у реки.

Гриша натянул вожжи, и Цезарь, кивая головой, потянул карету в сторону усадьбы.

«Надо будет отблагодарить его. Это ж какой он по молодости был! Завтра у управляющего поинтересуюсь про него. Может, помощь какая нужна».

Но на следующий день с утра к нему заявился дружок с военного училища и про мужика он благополучно забыл.

***

— А ведь так и не отблагодарил, — с досадой сказал Гриша и помог Уру спуститься со скалы.

— Ты о чем?

— Да так, вспомнил кое-что.

— Надо поторопиться, чтобы успеть дойти до вулкана, — библиотекарь показал на солнце, зависшее над горизонтом.

Они шли плоским камням с острыми краями и не раз поскальзывались и падали. Назифа опиралась на Гришу и Ура, с трудом наступая на больную ногу.

— Я поняла! — воскликнула Назифа, после долгого молчания, и повернулась к

Грише. — Песня! Ты пел, когда приходил «Священный огонь».

— Да? Я даже не заметил. А что я пел?

— В первый раз про остров, а сегодня про какие-то сени.

Гриша отошел от них на безопасное расстояние, развел руки в стороны и загорлопанил:

— Из-за о-острова на стрежень, на про-остор речной волны. Ой, да выплыва-ают расписные острогрудые челны. На пере-еднем Сте-енька Разин...

Ур и Назифа не сводили с него глаз, в надежде увидеть голубой огонек. Тем временем, Гриша допел песню до конца, но не почувствовал того тепла в груди, которым сопровождалось появление «Священного огня».

— Не получилось, — он пожал плечами и вытер пот со лба. — Значит что-то другое должно произойти. Может, он сам решает, когда появиться? На то он и «Священный».

Они вновь зашагали вдоль ряда острых скал и видневшихся вдали высоких гор. Когда солнце наполовину скрылось, отбрасывая длинные тени, троица решила устроить привал.

— Вот он — вулкан. Уже близко! — Гриша взобрался на валун и показал на гору с обломанной вершиной. Она казалась оранжевой в лучах заходящего солнца. — Только с этой стороны скалы очень плотно друг другу стоят. Даже не знаю, как к нему подойти.

— На рассвете поищем, а теперь надо отойти к песку и вырыть ямы, — Ур обрабатывал раны Назифы, пока так жевала вяленое мясо.

— Не-ет, — запротестовал Гриша. — Больше я в могилу не лягу. Лучше в щель забьюсь и там посплю.

Девушка поддержала его, и Уру пришлось согласиться. Они поели и разбрелись в поисках подходящего места для ночлега. Вскоре Гриша позвал остальных и показал на низкую пещерку у самой земли.

— Надо камни оттуда вытащить и втроем легко влезем.

— Надо сначала проверить, не поселился ли кто-нибудь до нас, — нравоучительно сказала Назифа, достала кинжал из-за пояса и медленно двинулась к пещере.

— погоди, — Гриша схватил ее за руку и показал свою саблю. — Лучше я проверю.

Она не стала возражать, потому что с трудом опиралась на больную ногу. Юноша опустился на карачки и начал пробираться вперед, выставив саблю перед собой. Он все шел и шел, но пещера не заканчивалась. Вскоре свет, проникающий с улицы, остался позади и его окутала крошечная тьма.

— Какая же глубокая пещера, — прошептал он и провел рукой по сухой и гладкой стене. Вскоре острые камни сменились земляным полом. Грише вдруг стало не по себе, он понял, что это не пещера, а проход. Кто-то вырыл его под скалами.

«Интересно, куда он меня выведет?» — едва успел подумать, как увидел слабый белый свет вдали.

Он ускорился, но не переставал щупать пространство вокруг себя, чтобы не удариться или не нарваться на какого-нибудь зверя или монстра. Через пару десятков метров под коленями снова появились острые камни, и Гриша приблизился к выходу. Он выбрался из пещеры, огляделся и не смог сдержать радости:

— Эх-ма! Вот так Гришка, вот так молодец!

Он стоял у подножья вулкана, а черная бугристая застывшая лава доходила почти до прохода. Местами на ней уже пробилась трава. Несколько пестрых птиц прохаживались, заглядывая в щели, в поисках насекомых. Гриша посмотрел на небо. Солнце почти скрылось, последние несмелые лучи освещали вершущки гор.

«Надо торопиться».

Он убрал саблю в ножны, залез в проход и заспешил к друзьям. Обратный путь занял гораздо меньше времени, однако, когда он выбрался наружу, то увидел звездное небо. Ура и Назифы нигде не было.

***

Гриша никак не мог успокоиться и все всматривался в тени, пытаясь разглядеть друзей. Идти на их поиски он побоялся, вдруг демон где-то поблизости.

«А если демон их поймал, пока они меня ждали? — с ужасом подумал он. — Надо было вместе идти. Сначала лирры пропали, теперь Ур с Назифой. Похоже, я остался совсем один».

От мысли об одиночестве у Гриши сжалось сердце, и он постарался себя успокоить:

«Они, наверное, нашли себе укрытие, а утром снова придут сюда. Может, Ур все-таки настоял на том, чтобы вырыть ямы и спрятаться под плащами?»

Он положил саблю рядом, устроился поудобнее и заснул. Сны проносились одна за другой. Мелькали знакомые и незнакомые лица, демон гонялся за ним по усадьбе, Степан Мефодьевич ревел на плече поварихи, а Филя хищно клацал острыми длинными зубами.

Гриша потянулся, но уперся ногами в стену и проснулся. Ему как раз снился гроб из свежего дерева, поэтому он тут же поднялся, ударился головой о потолок прохода и заорал:

— Не-е-ет! Я не умер! Мне не нужен гроб!

Через секунду он все вспомнил и вылез на улицу, потирая ушибленный лоб. Утреннее солнце разгоняло ночную прохладу, над головой чирикали птицы. Гриша осмотрелся и от того, что увидел, похолодели ноги. Мешок Ура, бурдюк с водой и кистень Назифы в беспорядке валялись на земле.

— Боже мой! — ошарашенный юноша закрыл рот рукой. — Демон унес их.

Он подобрал вещи друзей, вытер тыльной стороной ладони мокрые глаза и решительно пополз по проходу.

«Я должен убить это исчадие ада! Надеюсь, Ур и Назифа еще живы. А если нет, то ему же хуже!»

Только когда Гриша вылез из прохода и подошел к лаве, он понял, что не сумеет прочесть свиток.

— Дурак! И что я раньше не спросил, как сделать лавовое лезвие?

Он снял с плеча мешок Ура, достал свиток и приоткрыл его. Незнакомые письмена испещряли травянистую бумагу. Гриша всматривался в знаки, пытаясь угадать, что они могут значить, но все было без толку. Раздосадованный юноша, бросил свиток на землю и тот покатился, разматываясь. Он развязал бурдюк, поднес его ко рту и остановился, как вкопанный, когда взглянул на свиток. В самом конце документа были мелкие рисунки, соединенные стрелками.

— Уж рисунки-то я пойму, — прошептал он и оглянулся. Его не покидало чувство, что зло где-то рядом и может услышать.

Гриша поднял записи, внимательно изучил каждый рисунок и бросил обратно, выругавшись:

— Что за козлина, этот мудрец!

Единственное, что смог понять юноша — понадобится большой костер и глубокая посуда. А что надо положить и в каком количестве было подписано мелким почерком на непонятном языке. Он опустил на землю и посмотрел на небо. Какая-то птица парила,

высматривая жертву.

— Конец. Пропала мой буйная голова. Даже двадцаток годков не пожил.

Он лег на прохладный камень и уставился на хищника, кружащего в небе. Он вспомнил отца и захотелось плакать:

«Как он там без меня? Не заболел бы. А Лизка, небось, того и ждет, чтобы батюшка поскорее помер и все наследство ей досталось! Ух, вернусь, покажу ей, кто в доме хозяин!»

Затем мысли перетекли на Екатерину Андреевну. На ее взгляд, полный отчаяния, когда Гришку с позором выгоняли из училища. Это случилось во время утреннего построения. Генерал-майор Юсупов, грозно сдвинув седые лохматые брови, зачитал приказ:

— Юнкера Михайловского Григория Степановича исключить за дурное поведение и блуд.

«Дурное поведение и блуд, — передразнил про себя Гриша и посмотрел на Екатерину Андреевну, жмушкуюсь к мужу-учителю. А тот нарочно со скучающим видом смотрел в сторону, будто его это не касалось. — Можно подумать сами не блудили. Ну ничего-ничего, я еще вернусь. Батюшкины деньги вам, ой, как нужны!»

Когда он собрал вещи и зашел попрощаться к знакомым, то встретил Екатерину Андреевну на лестнице. Та залилась краской и заметалась, не зная, как поступить: то ли побежать вниз, то ли прижаться к стене, то ли сделать вид, что ничего не произошло. Наконец остановилась на последнем, гордо вскинула голову и, придерживая подол зеленого платья, продолжила подниматься.

— Здравствуйте, Екатерина Андреевна, — громко сказал Гриша и улыбнулся, словно мартовский кот, обнажив ряд мелких крепких зубов. — Как поживаете?

— Здравствуйте, Григорий. У меня все хорошо, — с вызовом ответила она, но на слове «хорошо» голос невольно дрогнул. — Вы уже уезжаете?

— Да. Ненадолго. Отдохну и обязательно вернусь, — подмигнул он.

— Вернетесь? — ужаснулась она и затараторила. — Может, воинская служба не подходит вам? Может, лучше поискать свое предназначение в другом месте? Я знаю, что вы хорошо играете и поете. Не думали ли вы заняться более мирным делом?

Но Гриша замотал головой, приблизился к ней вплотную и зашептал:

— Только служба и только здесь. Ждите, я вернусь, — он чмокнул ее в щеку и побежал вниз.

Из раздумий его вывел какой-то звук. Гриша резко сел и прислушался. Звук шел из прохода. Он вскочил на ноги, выхватил саблю из ножен и приготовился. Вот зашуршали плоские камни, насыпанные возле входа, и показалась лысая макушка.

— Ур! Ты жив! — радостно закричал юноша и кинулся ему помогать. — Где ты был? Где Назифа?

Вслед за библиотекарем из низкой пещеры вылезла наемница. Гриша кинулся их обнимать. Они тоже были рады встрече.

— Куда вы пропали? Я вернулся, а вас нет. Утром нашел вещи и подумал, что демон вас съел.

— А мы думали, что тебя съел! — воскликнула Назифа и радостно засмеялась. — Мы ждали-ждали, а тебя все нет. Тут послышался гул, мы оставили вещи и побежали искать укрытие. Демон пролетел недалеко от нас. В этот раз и я рассмотрела его рога.

— Фух, — шумно выдохнул Гриша и похлопал Ура по плечу. — Я уже решил, что пришел мне конец. Попытался разобраться в записях, но ничего не понял.

— Это тот самый тоннель, про который описал Маризий, — библиотекарь поднял свиток с земли и прочитал. — «Тоннель готовый приведет вас к темным слёзкам у горы. Найти вам будет нелегко тот путь, что заготовил я».

— Какой молодец, этот Маразмий! — воскликнул юноша, но Ур строго посмотрел на него и поправил:

— Маризий.

Гриша пожал плечами и еще раз хотел обнять Назифу, но она так посмотрела, что желание приближаться к ней пропало. Ур раскрыл свой мешок и выложил на землю пакетики, бутылки и глубокую каменную ступку.

— Соберите дрова, — велел он, — Нам нужен очень жаркий костер.

Гриша и Назифа разбрелись по подножию вулкана, выискивая то, что можно сжечь. Однако, кроме сухой травы и осыпавшегося куста, Гриша ничего не нашел. Улов Назифы состоял их нескольких заброшенных птичьих гнезд и полусгнившего ствола дерева.

— Да-а, — почесал затылок Ур. — Маловато будет. Даже яйца не поджарить, не то, что металл растопить.

— Что же делать? — воскликнула девушка и опустилась рядом с Уром. — Неужели по-другому никак?

— Никак, — грустно ответил библиотекарь и вновь уткнулся в свиток. — Здесь везде написано про огонь. С помощью огня надо отделить металл от камня. На огне надо до красна раскалить лезвие любого оружия и обмакнуть его в жидкий лавовый металл, смешанный со «следом Богов» и «сердцем матери Земли».

— Что еще за «след Богов» и «сердце Земли»? — угрюмо спросил Гриша.

— Я взял их с собой, — махнул рукой Ур. — «След Богов» — это чернозем. В наших краях его мало, только на берегах крупных рек. А «сердце матери Земли» — пчелиный воск.

Повисла тягостная тишина. Путь до гор был опасный. Они несколько раз стояли на пороге смерти: скорпионы, людоеды, тварь в оазисе, еще один Пустынный демон. И теперь, когда они пришли к цели своего путешествия, оказалось, что все было напрасно. Гриша ковырял дыру на своей рубашке, Назифа гладила больную икру, Ур не сводил взгляда с надписей.

— Ах! — воскликнул библиотекарь и остальные испугано вздрогнули. — И как я сразу не заметил? Старый больной ишак — вот я кто!

— Что там? — в нетерпении спросила девушка.

— «Огонь, что дарен вам Богами», — прочитал он. — Поняли? Огонь, что дарен Богами — «Священный огонь»! Гриша, это ты!

— Но я не могу, — развел руками юноша. — Я не знаю, как это работает. Вы же знаете.

Однако друзья смотрели на него с такой надеждой, что Грише пришлось подняться на ноги и снова запеть про Стеньку Разина, про сени, про березку. Еще вспомнил романс, который часто пела старшая дочь Смолина у них в гостях. Но «Священный огонь» так и не пробудился.

— Может, его надо испугать? — вполголоса спросила Назифа у Ура.

Тот пожал плечами и тяжело вздохнул. Гриша хотел сесть рядом с ними, но тут что-то просвистело у самого уха.

— Чуть-чуть не попала, — усмехнулась Назифа и вытащила из-за пояса еще один кинжал. — Теперь-то уж не промажу.

— Этим ты меня не испугаешь, — сказал Гриша, но когда увидел, куда она целится,

прижал руки к паху и невольно попятился.

— Ур тебя вылечит, — приободрила она и хищно сощурилась. — Только детей не будет.

— Ты с ума сошла! Не смей кидаться в меня ножами!

Следующий кинжал пролетел между ног и вскользь чиркнул штаны чуть выше колена, разрезав плотную ткань.

— Прекрати!!! А вдруг ты попадешь?

Назифа приближалась на полусогнутых, не сводя с него немигающего взгляда, словно хищник. Гриша завизжал и бросился бежать, прыгая, как козел на лугу. Еще один кинжал порезал его сапог.

— Дура!! Оставь меня в покое! — закричал он и почувствовал ком тепла в груди. Гриша остановился и посмотрел на руку. Та была объята синим пламенем.

Довольная Назифа опустила руку с кинжалом и улыбнулась. Ур радостно захлопал в ладоши, затем схватил каменную ступку и побежал к застывшей лаве.

— Не потухай, — велел он и начал острым камнем отбивать куски лавы. — Думай о том, что сделает с тобой Назифа, если мы не выполним то, для чего сюда пришли.

Назифа кивнула и показал кинжал. Гриша сглотнул ком в горле и с трудом подавил желание снова закрыть руками свое достоинство. Вскоре, когда ступка наполнилась, Ур высыпал содержимое пакетиков, подошел и поставил ее у ног Гриша. Тот взял каменную посуду и прижал к себе.

Ур с Назифой замерли и уставились на ступку. Сначала ничего не произошло, и Гриша успел испугаться, что он недостаточно горячий. Однако через пару минут послышалось шкворчание, и куски лавы начали таять.

— Сработало! — воскликнул юноша.

Серая густая жидкость в ступке стала отделяться и наверху образовался слой блестящего серебром металла, переливающегося цветами радуги. Гриша поставил посуду на землю и отошел подальше, чтобы ненароком не обжечь своих друзей. Назифа собрала кинжалы и отдала Уру.

— Та-ак, попробуем, — библиотекарь макнул лезвие кинжала в металл, который, словно живой, растекся по лезвию и заблестел разными цветами. Назифа забрала оружие и, полюбовавшись, бросила в куст. Срезанные ветки посыпались на землю.

— Стал острее, — похвалила она.

— Не забудьте про мою саблю, — напомнил Гриша и похлопал по оставшимся одиночным голубым огонькам на своих плечах.

Металл быстро загустел и снова превратился в серую массу, но Ур успел обработать и саблю Гриши, и кистень Назифы.

— Ого, — восхитился юноша и покрутил саблей, сверкающей на солнце. — Не думал, что так легко это сделать. Боялся, что снова придется помучиться.

— Легко? — воскликнула Назифа. — Мы даже еще не начинали охоту, а столько всего уже случилось. Когда я шла в Эль-Кар, то думала, что приду, убью, получу деньги и вернусь в Кабарган через день — два. Представляю, как дома все переполошились. Я сказала, что иду на охоту, но не уточнила на кого. Иначе, отец не отпустил бы меня.

— Ну-у, ты-то хоть в своем мире, — обижено пробубнил Гриша. — Я даже думать боюсь о батюшке. Интересно, что ему Филя сказал? Что я пропал неизвестно куда пока падал? Надеюсь, ему всыпали по полной, когда меня не нашли. В следующий раз подумает на чью сторону вставать.

Ур вылил из остывшей каменной ступки густую жижу, сел и горестно вздохнул:
— Мне бы ваши проблемы... У меня жену с детьми демон унес, но я не жалеюсь.

Глава 11 Люблю грозу в начале мая... Вру, не люблю!!!

Назифа опустилась рядом с библиотекарем, положила руку на его плечо и попросила:
— Расскажи, как это случилось?

Ур тяжело вздохнул и посмотрел на птицу, парящую над горами.

— Два года назад я задержался в библиотеке и решил остаться там ночевать. На окнах не было ставен, поэтому пришлось закрыться в подвале. Демон никогда не проявлял интереса к библиотеке, поэтому ночь прошла спокойно. Я даже выспался, — он опустил голову, и Гриша увидел, как две крупные слезы упали на его натруженные руки с толстыми венами. — Когда наступило утро и я вернулся домой, то чуть не лишился разума от горя. Дверь была открыта, а внутри никого... Сосед рассказал, что случилось. Младшенькая выбежала на улицу с криком: «Папочка, скорее иди домой!». Демон схватил ее первой.

Ур больше не смог сдерживаться, закрыл лицо руками и в голос зарыдал. Гриша и Назифа переглянулись, у них не было слов, чтобы хоть как-то смягчить боль отца, потерявшего детей.

— Я виноват, — сквозь всхлипы проговорил он. — Я убил свою семью.

— Не говори так, — Гриша опустил на корточки. — Ты же не знал, что так случится.

— Не знал, — подтвердил он, затем поднял голову и строго посмотрел на Гришу и Назифу. — Зато я знаю, как сейчас чувствуют себя ваши отцы. У них большое горе.

***

— Нам надо определиться, в какой стороне искать демона, — сказал Гриша, когда они поели и начали собираться в путь.

— Ты прав, — кивнул Ур.

Он расчистил от камней небольшой участок, под которым оказался спрессованный песок, взял ветку и принялся чертить карту:

— Груфу здесь, а шли мы вот так. Демон пролетел прямо над нами. Потом мы с Назифой прятались вот здесь и видели, как демон летел отсюда, — он поставил крестик на горной гряде. — Получается, что живет демон в правой стороне.

— Согласен, — кивнул Гриша, — Только гряда во все стороны простирается так далеко, что конца и края не видно. Долго придется искать. Надо как-то точнее определить. Иначе месяц будем здесь лазить.

— Не знаю, что такое месяц, но искать придется долго, — Назифа взобралась на камень, приставила руку ко лбу и посмотрела вдаль.

Остроконечные вершины стояли друг за другом, пропадая в дымке молочного цвета. Без снаряжения им пришлось бы обходить стороной каждую скалу или искать проход, а на это нужно много времени.

— Надо еще точнее определить, где живет демон, — она аккуратно спустилась и подошла к Уру. — Предлагаю заночевать вот здесь.

Назифа отобрала ветку у библиотекаря и ткнула на импровизированную карту:

— Прямо у линии гор, чтобы видеть, откуда он вылетел.

— Правильно! Не думаю, что Рогатый даст кругалю перед едой, — кивнул Гриша. — Только выроем ямы подальше друг от друга, чтобы еще точнее знать направление.

Друзья зашагали в ту сторону, откуда пришли из Груфу. Нога Назифы быстро заживала,

благодаря порошкам Ура. Раны на спине и плечах Гриши покрылись струпами и уже не болели.

— Ур, так из чего сделаны порошки? — юноша насыпал немного белого порошка на ладонь и лизнул. — М-м-м, кисленькая, прям, как клюква.

— Э, я бы не хотел, чтобы ты это лизал, — осторожно сказал Ур и брезгливо поморщился.

Гриша, увидев его реакцию, сплюнул и вытер губы.

— Быстро говори!

— Ну-у, — замылся библиотекарь и с мольбой посмотрел на Назифу, но та с интересом прислушивалась к их разговору и ответила вопросительно приподнятой бровью.

— Хорошо, скажу, — обречено вздохнул он. — В основном высушенная настойка травы-знахарки. Крепко ее завариваю и оставляю на солнце. Вода высыхает, а на дне блюда остается тонкий лечебный слой. Щеткой из конского волоса соскребаю и перетираю.

Гриша подозрительно сощурился и замотал головой:

— А что не в основном? Чувствую, не договариваешь. Говори, как есть! Все равно не отстану.

— Ну-у, — вновь протянул Ур и бросил затравленный взгляд на юношу. — Еще немного сухого семени.

— Семена? — не понял Гриша.

— Нет, семя! — воскликнула Назифа и расхохоталась. Она смеялась так заразительно, что Гриша не смог удержаться и присоединился к ней. Но вдруг остановился и, глядя ошалелыми глазами на Ура, тихо спросил:

— Чье семя?

— У свиньи и совсем чуть-чуть у... козла, — извиняющимся тоном ответил библиотекарь, не решаясь посмотреть на юношу. — Я же не виноват, что демон всех быков съел.

Сначала наступила тишина, но уже через полминуты Гриша завопил дурным голосом:

— Воды!!! Дай воды!

Испуганный Ур мигом снял бурдюк с плеч, развязал и протянул Грише. Тот начал полоскать рот, издавая звуки, будто его тошнит.

— Дурень! Ирод...Шельма! Бе-е-е...Чтоб тебя скрутило и выбросило!

Гриша еще долго бы плевался, если бы Назифа не отобрала бурдюк:

— Хватит. И так мало воды. Какая разница из чего порошок? Главное, помогает. Пошли быстрее, надо успеть ямы выкопать.

Ур поспешил вперед, чтобы не встречаться с убийственным взглядом Гриши, который продолжал сплевывать и вытирать губы грязным рукавом.

Вскоре они определили места для ночевки, отошли от камней к песку и начали рыть ямы. Все молчали. Гриша обиженно косился на плешивого мужичка, которого про себя стал называть фуфлыгой. На лице Назифы блуждала мечтательная улыбка, а Ур делал вид, что очень занят работой и старался не поднимать головы. Когда дело было сделано, они съели по лепешке и легли под плащи. Солнце мигнуло напоследок и скрылось за горами.

— Как думаете, почему он охотится ночью? — подала голос Назифа.

— Может, как упырь, солнца боится? — предположил Гриша. — Или жару не любит? Нам же лучше — уьем пока спит. Ур, что там твой Маразматий еще про демона написал?

— Маризий, — поправил библиотекарь. — Я вам уже все рассказал. Больше добавите

ничего. Разве только...

На этот раз паузу не выдержала Назифа и грубо крикнула:

— Если ты не научишься быстро и четко говорить, то я отрежу тебе язык!

Ур, заикаясь, затараторил:

— Н-не говорит. Он н-не разговаривает, только кричит, к-как орел.

— Фух! — шумно выдохнул юноша. — Хоть что-то хорошее. Не хотел бы я услышать его голос. А птицей пусть орет.

Тем временем наступила ночь, и Гриша пожалел, что рядом нет лирров. С ними было тепло и не так страшно. Хоть днем и царила невыносимая жара, ночью она отступала, и с гор приходил холод. В тонкой изорванной рубашке было прохладно, поэтому Гриша ворочался, пытаясь хоть немного согреться.

— Я вот... — начал было он, но Назифа громко шикнула. Юноша прислушался: где-то вдали загромыхало.

«Гроза? Или камни падают?» — подумал он и с трудом подавил желание приоткрыть угол плаща и выглянуть наружу. Тут в мелких дырочках плаща ярко мигнуло и раскат грома загрохотал над головой.

— Гроза! Самая настоящая! — громким шепотом воскликнул он и хлопнул в ладоши. — Обожаю грозу: одновременно страшно и волшебно.

— Если дождь доберется до нас, то зальет ямы, — предупредил Ур.

— Я об этом не подумал, — признался Гриша.

Гроза все приближалась. Молнии рассекали воздух, озаряя верхушки гор, а гром эхом разносился над грядой. Вскоре мелкие капли забарабанили по плащам.

— Ерунда, — сказал Гриша. — Такой дождь не зальет.

Но Ур прискорбно ответил:

— Это только нос тучи. Вот когда живот будет над нами, тогда и посмотрим: ерунда или не ерунда.

Ур оказался прав. Капли становились все больше и падали все чаще, а через несколько минут вода полилась непрерывным потоком. Сквозь дырки в плаще струйки лились на Гришу, а плотный песок на дне не успевал пропускать ее дальше. Ямы начало затоплять.

— Что будем делать?! — закричал Гриша, пытаясь перекричать шум дождя и грома.

— Вылезем, когда демон улетит! — ответила Назифа.

— А как мы узнаем улетел он или нет, если ничего не видно?

На этот вопрос ему никто не ответил. Вода, тем временем, уже наполнила яму наполовину и доходила Грише до груди.

«Улетел уже давно, небось, пока мы тут мокнем», — подумал он, вытащил из песка край плаща и выглянул наружу.

Вдруг резкий порыв ветра подхватил свободный край и распахнул плащ наполовину, болтая им, словно флагом. Гриша поднялся и в ужасе замер. С гор приближалась огромная черная тень. Большие красные глаза светились на рогатой голове.

«Он меня увидел! Увидел!» — запаниковал он, присел и стал шарить в воде, в поисках сабли. Но ее нигде не было. Демон резко наклонился и, поджав крылья, устремился на Гришу.

«Всё! Кончилась моя песенка. Матушка, встречай сыночка Гришку», — обреченно вздохнул он и зажмурился.

В этот самый момент ослепительный зигзаг вырвался с неба и ударил в землю недалеко

от троицы. Раздался треск и резкий птичий крик. Гриша приоткрыл глаза и увидел, как демон мечется в небе, закрыв глаза руками.

— Его ослепила молния! — закричала Назифа.

Она стояла в боевой стойке с кистенем в одной руке и с кинжалом в другой. А Ур опасно высунул голову из-под своего плаща.

Демон кружился по небу, будто не мог сообразить, где находится. Затем еще раз крикнул и полетел обратно к горам.

— Свет не выносит, — сказал Ур. — Красные глаза только в темноте видят. Надеюсь, он не заблудится и найдет дорогу домой.

Гриша и Назифа недоуменно покосились на него, но библиотекарь пожал плечами и сказал в свое оправдание:

— Чтобы нам легче было его найти.

— Собирайте вещи, пойдемте отсюда, — велела девушка. — Кто-нибудь видел, с какой стороны он прилетел?

Гришу передернуло то ли от холода, то ли от страха. Но он совладал с собой и кивнул:

— Я видел. Утром покажу.

Они вытащили из воды свои пожитки и побрели в сторону гор, против сильного ветра и дождя, бьющего в лицо. От испуга и холода Гриша едва стоял на ногах, но виду не подавал. Красные с вертикальными зрачками глаза преследовали его, куда бы он не посмотрел.

«Похоже, я схожу с ума. Надо будет ребят предупредить, чтобы связали меня, если чудить начну».

Друзья прислонились к крутой стене скалы и молча смотрели, как гроза удаляется в сторону города, без устали метая молнии. Мокрые, замерзшие и уставшие, они с нетерпением ждали рассвета, чтобы согреться и высохнуть.

— Не знал, что в пустыне дожди бывают, — сказал Гриша, мерно выстукивая зубами от холода.

— Конечно бывают, — отозвался Ур. — Только в этом году они припозднились. Период дождей обычно начинался намного раньше. Видел бы ты, как оживает природа после дождя. Земля начинает зеленеть, реки набирают силу, на деревьях появляются плоды и орехи. Надеюсь, эта туча дойдет до Груфу и порадует его жителей.

Время шло медленно. Гриша привалился к камню, обхватил себя руками и не заметил, как заснул. Приснилось ему то, о чем он и думать забыл. Будто ему лет десять, не больше. Идет он к березовой роще, чтобы ворон пострелять из лука, который старик Василий сделал. Деревья знакомые, тропинка знакомая, сколько раз он здесь уже бывал — не сосчитать. Маленькие птички поют, с ветки на ветку перелетают, а ворон все нет.

— Ну и ладно, — обиженно надул он губы. — Опять придется по мишеням стрелять.

Повернулся он к тропинке и застыл. Темная старая чаща окружала его. Ели с засохшими нижними ветками, высокий папоротник, толстые деревья, поросшие мхом и чагой.

Испуганный Гришка кинулся в одну сторону, все так же. Кинулся в другую — нигде нет знакомой рощи, с которой открывался вид на речку и поля. Непролазный лес обступил со всех сторон и давил зловещей тишиной. Прижался мальчик спиной к дереву и заплакал.

— Мамочка, помоги мне, — прошептал он и перекрестился. И вдруг услышал ее ласковый голос:

— Сыночек, проснись!

Встрепенулся Гришка и понял, что спит на мягкой траве в березовой роще. Тут и

тропинка, и речка. Кинулся он со всех ног домой, а батюшка как раз с ярмарки приехал и пряников печатных привез. Выслушал он сына, потрепал по волосам и сказал:

— Приснится же.

Гришка кивнул и попытался себя убедить в этом, но правда нет-нет, да и вылезала наружу:

«А спать-то я не ложился».

***

— Вставай, утро уже, — Назифа похлопала его по плечу.

Ур снял балахон и расстелил его на песке под жаркие лучи солнца. Гриша тоже разделся и потянулся к мешку с едой.

— Нет там ничего, — буркнула девушка. — Все лепешки размякли от грязной воды. Я их выбросила. Зато воды вдоволь.

В выемках скал и на камнях блестела дождевая вода. Гриша умылся, но плотнул из бурдюка:

— Как-то повариха мне сказала, что дождевая вода — бесполезная. Не знаю так ли, но с тех пор ее не пью и снег не ем.

— Снег? Это блюдо из воды? — спросила Назифа. Она не стала раздеваться, а просто легла на теплый песок, изредка переворачиваясь.

— Снег — это твердая вода. Она падает с неба, — попытался объяснить он.

— Твердая? Больно, наверное, если по голове попадет.

— Если град — то да, больно, — согласился юноша.

— А град — это что?

— Твердая вода, — терпеливо повторил он, но девушка не унималась.

— Так ты же сказал, что твердая вода — это снег?

— Все! Отстань от меня, — вспылил он. — Лучше подумай, чем кормить нас будешь.

Все-таки ты — женщина.

Назифа усмехнулась и повернулась на другой бок. Гриша подошел к Уру, который сгорбив спину с острыми позвонками, рассматривал карту.

— О чем думаешь?

— Вернусь домой и нарисую новую. Эта никуда не годится, — он хлопнул рукой по пергаменту. — Ни рек, ни оазисов и горы всего три. А лучше соберу добровольцев, возьму у наместника Табита денег и пойду изучать нашу землю, чтобы правдивую карту изобразить. Ты пойдешь со мной?

— Пойду, — кивнул юноша и тяжело вздохнул. — Если домой не смогу попасть. Вообще-то я уже привык. Мне здесь иногда даже нравится.

Ур приободряюще улыбнулся:

— Хорошо, что ты здесь. Без тебя мы бы дальше скорпионов не ушли.

— А без лирров не спаслись бы от людоедов, — кивнул он. — Не просто так мы все встретились. Интересно, куда зверьки подевались? Надеюсь, их не съели.

Библиотекарь пожал плечами, потрогал балахон и, удостоверившись, что тот высох, начал одеваться. С тех пор, как они покинули Эль-Кар балахон Ура укоротился настолько, что с трудом прикрывал его трусы. По какой-то неизвестной Грише причине, местные не носили ни подштанников, ни кальсон.

Дырявая рубашка Гриши с темными пятнами крови тоже высохла, штаны на поясе были

влажными, а сапоги совсем не просохли.

— Насыпь внутрь горячий песок, — посоветовал Ур.

Гриша так и сделал. Но ждать, пока они высохнут, не было времени, поэтому пришлось надевать влажными.

— Вон оттуда прилетел демон, — ткнул он пальцем. — Между этой скалой и той, у которой дерево сбоку торчит.

Они стояли у ямы, в которой лежал ночью Гриша, чтобы точнее определить направление поисков.

— Значит, туда нам и надо, — кивнул Ур. — Хорошо бы по пути найти чего-нибудь съестного, а то сил совсем нет.

— Не чего-нибудь, а кого-нибудь, — поправила Назифа. — Мяса хочу.

Они пустились в путь. Скалы здесь торчали не так плотно, поэтому троица быстро продвигалась внутрь гряды. Пару раз им попадались небольшие полянки с дырами в земле.

— Грызуны, — брезгливо поморщилась девушка. — Помирать буду, но в рот не возьму.

Наконец она ловко метнула нож и срезала голову птице с синим оперением. Ур быстро развел костер из веток и сора, который подбирал по пути, и бросил птицу в огонь. Однако, как только она стала поджариваться, вместо аппетитного запаха жаренного мяса запахло тухлыми яйцами.

— Не-е-е, я такое есть не буду, — Гриша отошел подальше, потому что от одного запаха становилось плохо. Остальные тоже не осмелились попробовать и урча животами зашагали дальше.

— Жаль только ветки на нее потратил, — Ур жевал травинку и озирался, в надежде поскорее найти логово демона.

— Если нам понадобится костер, то на этот случай у нас есть Гриша, — подмигнула ему Назифа.

— Ага! Держи карман шире, — возмутился юноша. — Я тебя еще с прошлого раза не простил. Ты, между прочим, могла попасть.

— Пф-ф-ф. Если бы я хотела, то обязательно бы попала. Так что ты должен меня благодарить за меткость, а не обижаться.

Внезапно Гриша остановился, как вкопанный, и тихо сказал:

— Кажись, нашли демона.

Глава 12 Это он! По-мо-ги-те!!!

Перед ними возник рукотворный проход между скалами, за которым открывался вид на ровную расчищенную площадку.

— Не думаю, что это демон прорубил проход. Похоже, здесь когда-то жили люди, — тихо сказал Ур и провел рукой по гладкой стене. — Мастера работали.

Назифа достала кистень и первой пошла по проходу. Следом, с саблей наизготовку, двинулся Гриша, а Ур не спешил к ним присоединиться. Его внимание привлекли какие-то знаки на каменной стене.

Под ногами плюхала вода после ночной грозы. Проход был шагов двадцать, поэтому света хватило, чтобы увидеть рисунки, нацарапанные на камне: люди были изображены в виде шариков с черточками рук и ног; какие-то животные, похожие на козлов; солнце — круг с короткими шипами.

— Это Древние, — послышался сзади голос Ура. — Первые люди на нашей земле. Точно такие же рисунки на глиняных тарелках, которые хранятся в моей библиотеке. Давным-давно их подарил нам тогдашний правитель Груфу Великий Атор.

Как только они вышли на площадку, Назифа схватила Гришу за руку, шикнула и показала направо. Там был в вход в пещеру.

— Чего застыли? Дайте пройти, — сказал Ур и протиснулся между ними. — Я бы хотел отколоть себе часть стены с рисунком, чтобы...

Назифа резким движением повернула голову Ура направо, отчего его шея громко хрустнула. Он хотел возмутиться, но, когда увидел пещеру — замолк.

— Что будем делать? — прошептал Гриша.

— Не знаю, — Назифа прижалась спиной к каменной стене и медленно двинулась в сторону пещеры.

— Нет там никого, — громко сказал Ур и смело пошел вперед. — Все травой поросло и паутиной.

Гриша присмотрелся и тоже увидел блестящие капельки воды на полупрозрачных нитях паучьей сетки.

— Она не глубокая, — Ур смахнул паука, спускающегося с потолка, и исчез из виду. Гриша в три прыжка очутился рядом и заглянул внутрь. Полукруглое углубление в скале напомнило ему землянки в Вольгино. Две землянки со стариками-хозяевами находились в некотором отдалении от деревни. Поговаривали, что в них жили старообрядцы. Как-то раз он заглянул к ним под предлогом поиска кузнеца. На самом деле, ему было очень интересно посмотреть, как землянка устроена изнутри. Он представлял, что живут они, как медведь в берлоге, но землянка оказалась сухой, чистой и не сильно отличалась от остальных изб. Разве только тем, что половина дома находилась под землей.

— Вы только посмотрите, какие они были рукастые! — восхищено проговорил Ур и опустился на каменную скамейку, выбитую вдоль стены. — Выемки в стене, служили им шкапами и полками. А на этих лавках можно сидеть, спать и использовать, как стол. А пол! Вы обратили внимание? Он под уклоном, чтобы вода стекала на улицу, если зальет пещеру.

Назифа не разделяла восторга и стояла с недовольным лицом:

— Лучше бы это было логово демона. Пойдемте дальше, надо успеть...

— Вы только посмотрите! — восторженно воскликнул Ур. — Невероятно!!!

Гриша зашел в пещеру, встал рядом с библиотекарем и присмотрелся к стене. Здесь были такие же рисунки, что и в проходе, только люди-шарики окружали непонятных существ: что-то похожее на огромную улитку без раковины и с глазами на тонких стеблях, чудище с длинными зубами-черточками и круглыми ушами, знакомый осьминог с вертикальным зрачком и толстыми щупальцами, тварь с двумя головами и шипастым хвостом и еще много кто.

— Я и не знал, что древние люди тоже боролись с монстрами, — Ур ткнул пальцем в рисунок. — А вот и наш демон.

Гриша приблизился и увидел крылатое существо с изогнутыми рогами в окружении людей-шариков с копьями.

— А это что такое? — Назифа кивнула на противоположную стену. Там были изображены глубокие вертикальные борозды, откуда вереницей выходили люди. Или заходили.

— Я в детстве так делал, когда мне не нравилось то, что получилось. Просто зачеркивал, а потом выбрасывал в печь, — пожал плечами Гриша, но Ур с ним не согласился:

— Это тоже что-то значит. И что-то очень важное. Дальше рисунков нет.

— Мы зря теряем время, — в нетерпении сказала Назифа. — Надо успеть до заката найти демона.

Гриша мотнул головой и опустился на каменную лавку.

— Ночь — без сна, полдня — без еды. У меня сил нет сражаться. Я за то, чтобы поесть и отдохнуть.

Ур согласился с ним и сел рядом. Оба с мольбой уставились на Назифу. Та шумно выдохнула и нехотя сказала:

— Ладно. Давайте отдохнем. Пойду посмотрю, кого высматривает наш хищник. Может, горные козлы там пасутся.

Птица кружила совсем рядом, за площадкой, которую выбили в камне Древние. Назифа убрала кистень, достала кинжал и зашагала к проходу. Гриша вскочил и пошел с ней.

— Скажи, а у тебя есть кто-нибудь на сердце? — как бы между прочим спросил он.

— На сердце? — задумала она. — Отец.

— Я не о том, — махнул он рукой. — Может, влюблена в кого-нибудь?

— Тебе-то что? — девушка взобралась на пологий камень.

— Просто интересно, — юноша старался не отставать, но Назифа была более ловкая и вскоре скрылась за очередным выступом. Гриша поднажал и чуть не покатился обратно, поскользнувшись на влажном мхе.

Когда он добрался до выступа, то чуть не сшиб с ног Назифу.

— Осторожнее, — прошептала она. — Птица прямо над нами.

Гриша поднял голову и увидел, что птица, похожая на коршуна, но с красным гребнем на голове, как у петуха, высматривает кого-то рядом с ними.

— Здесь же нет никого, — возмутился Гриша. Но Назифа, хищно сощурила глаза и медленно двинулась к кусту, росшему между камнями.

— Ты же не любишь грызунов, — всплеснул он руками. — Пойдем поищем кого-нибудь другого.

Она остановилась, убрала кинжал за пояс и ласково сказал:

— Так вот вы где. Идите ко мне.

Из куста вылезли лирры, семена маленькими лапками. Они замурлыкали веселую мелодию и бросились в объятия Назифы. Та прижала зверьков к груди и принялась целовать в макушки.

— Где вы были? — радостный Гриша бросился к ним и погладил зверьков по острым ушам.

Они не ответили, были заняты обнимашками с девушкой. Гриша ухмыльнулся:

«И кто из нас курица-наседка?»

Птица поняла, что лирры ей точно не достанутся и, тяжело махая крыльями, скрылась из глаз. Юноша огляделся и разочарованно вздохнул:

— Похоже, мы сегодня будем голодать.

— Главное, что наши малютки нашлись, — сказала Назифа и потерлась о них носом.

— Интересно, какие они на вкус? — пошутил юноша, но от резкого удара под дых перехватило дыхание.

— Только попробуй их хоть пальцем тронуть, — зло процедила она сквозь зубы и полезла на пологий камень, по которому они сюда пробирались.

Гриша оперся руками о колени и поверхностно задышал.

«Какая же она сильная! Надо будет Уру сказать, чтобы привел ее в чувство, а то я боюсь. Убьет еще».

Отдышавшись, он потыкал палкой в щели и трещины в надежде найти какого-нибудь зверька или гнездо. Но кроме небольшой ящерицы, которая оставила в подарок свой хвост, Гриша никого не нашел.

«Какая скучная земля. Не хотел бы я здесь оставаться. Надеюсь, когда мы прогоним Пустынного демона, то я сразу же вернусь домой», — он уже не сомневался, что появился в этом мире для того, чтобы помочь.

По дороге до пещеры он размышлял о том, чтобы сейчас съел:

«Запеченного осетра или тушеных перепелов. И супа наваристого на косточке. Еще квашенной капусты и соленых грибочков. А к чаю брусничный пирог и мед. И леденцов на палочке».

Друзей он застал в необычной позе: Назифа лежала на каменной лавке, сцепив пальцы на груди, Ур массировал ей виски, а лирры сидели в углу и испугано жались к друг другу.

— Что случилось?

— Лирры заколдовали Назифу, — усмехнулся Ур.

— Я этих малявок своими руками задушу, если они еще хоть раз попытаются...

О том, что она с ними сделает Назифа не договорила, но лирры все отлично поняли и только дергали ушами, боясь пошевелиться.

— Я так полагаю, обед отменяется? — спросил Ур.

— Да, мы ничего не нашли, — развел руками Гриша.

Тут один из лирров и запищал:

— М... на...ли ...она.

— Что? — подняла голову Назифа. — Повтори, что ты сказал.

Зверек подошел к ним поближе и сказал так громко, как мог:

— Мы нашли демона.

Друзья переглянулись.

— Где он? — Гриша и Ур опустились рядом с лирром на колени. — Вы нам покажете?

Лирры закивали головами.

— Отлично! Пойдемте, сделаем дело и завтра уже будем в Груфу, — хлопнул в ладоши юноша, но Ур покачал головой.

— Скоро закат. Не будем рисковать. Переночуем здесь, а утром пойдем на охоту.

***

Пока солнце не скрылось за горами, Гриша облазил все вокруг в поисках съестного. Возвращаться с пустыми руками не хотелось, поэтому он нарвал ветки кустов и принес охапку в пещеру.

— Я не верблюдо, — поморщилась Назифа. После опьяняющего колдовства лирров ей все еще было не по себе.

— А я пожую, — сказал Ур, оторвал лист и засунул в рот. — М-м-м, приятный вкус. Напоминает неспелые плоды.

Гриша последовал его примеру, а лирры демонстративно отвернулись. Мужчины сели у входа в пещеру. Они жевали листья, а остатки сплевывали. Вскоре появились первые звезды.

— Звезд у вас гораздо больше, чем у нас, — сказал юноша, любуясь несметным количеством ярких белых огоньков. — И солнце темнее. Интересно, почему я здесь очутился?

— Потому что Боги даровали тебе «Священный огонь».

— А почему бы им не подарить этот огонь Назифе или тебе? Обязательно меня надо было дергать из Вольгино и помещать сюда?

— Значит в тебе есть то, чего нет в нас, — нравоучительно сказал Ур. — Ты храбрый и добрый.

— Не такой уж я и храбрый. Скорее трус. Может, если бы я позволил батюшке меня высечь, то не оказался бы здесь? А с крыши упал, потому что Фили испугался.

— Расскажешь мне эту историю?

— В другой раз, глаза уже слипаются. Надеюсь, Пустынный не придет к нам ночью в гости.

Тут раздался храп Назифы и Ур с сомнением ответил:

— Только если у него плохой слух.

Гриша лег на пол, обнял теплого лирра, укрылся плащом и уснул. На удивление ночь прошла без сновидений. Назифа проснулась первой, сходила на охоту и принесла ощипанного полукоршуна — полупетуха. Синее мясо птицы выглядело отталкивающе, но Ур развел костер и с энтузиазмом принялся его потрошить.

— Ты зачем плащи жжешь? — воскликнул Гриша и хотел вытащить желтые свертки из огня, но Назифа остановила его.

— Они нам больше не понадобятся. Сегодня все решится: или мы его или он нас.

Единственные, кому понравилось жесткое пресное мясо — это лирры. Они с урчанием обглодали косточки и запросились Грише на ручки.

— Нет-нет, мы идем на войну. Руки мне понадобятся. Лучше покажите, в какой стороне он живет, а сами оставайтесь здесь.

Зверьки обижено повернулись и засеменили к пещере.

— Эй, а демона-то нам где искать? — возмутился Гриша, но Назифа положила руку ему на плечо и тихо сказала:

— Я знаю дорогу. Они мне показали.

Друзья собрались и пустились в дорогу. Чем дальше они углублялись, тем гуще росла трава, а вскоре стали попадаться ягодные кусты.

— Далеко еще? — Гриша набрал полную ладонь желеницы и с наслаждением ел.

— Нет. Спустимся по этому склону и сразу направо.

— И откуда ты знаешь? — удивился юноша.

— Лирры оставили вчера в моей голове, — Назифа посмотрела на Гришу и быстро сказала. — Знаю-знаю, звучит так, будто брежу. Но я не сомневаюсь, что мы идем верным путем.

Друг за другом они спустились по скользкому от травы склону и увидели справа щель между скалами. Назифа вытащила кинжал, медленно приблизилась и заглянула за выступ.

— Помнишь кладбище верлоков? — шепотом спросил Гриша Ура. — Столько костей — жуть! Мне даже страшно представить, что творится возле жилища демона.

— Да-а-а, — протянул он и вмиг погрузился. — Какая ужасная смерть.

Юноша понял, что библиотекарь вспомнил свою семью и по-дружески похлопал его по плечу. Между тем, Назифа развернулась и быстро зашагала к ним. Ее глаза были широко раскрыты.

— Он там! — громко зашептала она. — Такой огромный.

— Что? Что он делает? — Ура охватила паника. Он весь как-то сжался и уставился немигающим взглядом туда, откуда вернулась Назифа.

— Спит, наверное.

— Что значит «наверное»? — раздраженно спросил Гриша. — Пойду сам посмотрю.

Он медленно приблизился к выступу и заглянул за него. Сначала он не мог поверить своим глазам и даже зажмурился, но, когда открыл их снова, ничего не изменилось. Перед ним раскрылась поляна, которая пестрила разнотравьем. Бабочки, пчелы и шмели сновали между цветами. Посреди поляны возвышалась скала с плоской верхушкой, на которой находилось гнездо. Птичье гнездо из веток, мха, тростника, но гигантских размеров.

— А вот и он, — тихо сказал Гриша, рассматривая демона в гнезде, укрывшегося крыльями, словно одеялом.

Он размерено приподнимался и опускался.

— Ага, спит! Самое время показать ему дорогу домой.

Он повернулся и чуть не столкнулся с Уром, заглядывающим ему через плечо.

— А где же кости? — прошептал он.

— Где-то в другом месте или он с костями ест.

Они вернулись к Назифе, которая рассматривала свои кинжалы.

— Лезвия стали намного острее после того, как побывали в лаве. И блестят красиво, — похвасталась она. — Ну что ж, я готова. Пусть Боги мне помогут.

Она возвела глаза к небу и привела рукой по лицу. Затем поджала губы и решительно зашагала в сторону поляны.

— Подожди, — бросился за ней Гриша. — А как же я? Мне-то, что делать?

— Ты уже выполнил свою миссию: растопил лаву. Дальше — моя работа.

Назифа подмигнула, похлопала его по плечу и исчезла за выступом.

— Ну уж нет! В стороне стоять не буду, — Гриша выхватил саблю из ножен и последовал за ней.

Он увидел, как девушка на полусогнутых обошла скалу, всматриваясь в кожистые крылья.

— Что ты делаешь? — прошептал он.

— Пытаюсь найти уязвимое место в этом кожаном комке. Но у него со всех сторон

крылья. Придется сначала разбудить.

Она подобрала камень, отошла немного и со всей силы бросила в демона. Камень ударился, спружинил и отлетел в сторону.

— Крепко спит, — сказал Гриша.

— Не хотела тратить понапрасну, но придется.

Она прицелилась и метнула кинжал, который прошел сквозь крылья, не встретив сопротивления. Резкий, режущий слух крик разнесся над горами. Демон поднялся и распахнул крылья.

У Гриши от страха подкосились ноги, и он бы упал, если бы не оперся о саблю.

— Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас, — прошептал он и перекрестился. Попытался найти на шее нательный крест на золотой цепочке, но сколько не шарил — не нашел. Видимо, обронил где-то.

«Так это же Сатана! — ужаснулся он и пожалел, что не умеет как кисейные барышни падать в обморок. — Господи, спаси и сохрани. Пресвятая Богородица, защити. Ангел Хранитель, спрячь меня от лукавого!»

Он без устали осенял себя крестом и, почти не моргая, смотрел на ужасающего демона. Назифа же не выказала ни капли страха, наоборот, вскинула подбородок и громко закричала:

— Я пришла за тобой, Пустынный!

«Она полоумная, поэтому не боится», — решил Гриша.

Демон был покрыт черной чешуйчатой кожей, обтягивающей мускулистые человеческие руки и птичьи ноги с длинными когтями. Он наклонил вбок сужающуюся книзу голову с толстыми, изогнутыми рогами и пристально посмотрели на девушку красными глазами. Затем открыл круглый рот, еще раз крикнул и выдернул из бедра кинжал.

— Красавец, — хмыкнула Назифа, прицелилась в голову и бросила еще один. — Лови!

Демон ловко увернулся и кинжал, пролетев всю поляну, стукнулся о скалу позади него. Назифа тут же выхватила еще один и пустила следом, целясь в грудь монстра. На этот раз он подпрыгнул, пропуская кинжал под ногами.

Гриша заметил, что девушка начала нервничать, ведь кинжалов осталось всего три.

— Я смотрю, ты подготовился к нашей встрече! А вот так справишься?

Она метнула друг за другом два ножа: один в голову, другой в живот. Но демон взмахнул крыльями и резко взмыл вверх. Ножи снова прошили воздух и исчезли вдали. Она раздраженно выдохнула, достала из-за пояса кистень и закричала:

— Цып-цып-цып! Иди к мамочке, цыпленок! Ну, не бойся! Я тебя обижу, но не сильно.

Все это время Гриша стоял в оцепенении, наблюдая за Назифой. Но когда демон, сложив крылья и выставив вперед руки, ринулся на девушку, он сделал то, чего от себя не ожидал.

Глава 13 Зато отдохнул...

Гриша выдернул саблю из земли и с диким ревом бросился наперерез:

— Аа-а-а-а!!! Сдохни, тварь! Сгни-инь!!!

Демон успел увернуться, задев крылом Гришу. Тот не придумал ничего лучше, чем бросить саблю и, подпрыгнув, броситься ему на плечи. Демон издал еще один птичий крик и закружился юлой, пытаясь сбросить юношу, обхватившего его руками и ногами. У Гриши замелькало перед глазами, ветер свистел в ушах. Но он еще сильнее прижался, вцепившись в толстую шею с прохладной гладкой кожей.

«Может, попробовать зубами горло перегрызть?», — мелькнула мысль, которую он сразу же отбросил, и закричал:

— Убей! Я его держу!

— Нет, боюсь в тебя попасть, — услышал голос девушки откуда-то снизу. — И ты его не держишь! Скорее, он тебя!

Демон перестал крутиться и взмыл вверх.

— По-мо-ги-те! — заверещал Гриша и уткнулся лицом в спину твари, без устали махающей крыльями. — Ой, батюшки-и-и, высоко-то как!

Поляна все уменьшалась, а вид на горы увеличивался. Гриша уже успел подумать о том, быстро ли он умрет, если упадет с такой высоты, но тут демон дернулся и истошно завопил.

«Что такое? На солнце обжегся?»

Он расправил крылья и начал плавно спускаться, продолжая вопить. Гриша глянул вниз и увидел Назифу. Она широко расставила ноги и раскручивала кистень, пристально глядя на демона.

Из последних сил демон сделал несколько взмахов и опустился в свое гнездо.

— Я его не достану! — закричала она. — Кинжалов больше нет.

— Сабля! Где моя сабля? — Гриша почувствовал, как его крепко схватили за ногу и резко дернули. Пустынный поднял его вниз головой и отчаянно завопил, глядя куда-то вбок. Из его крыла торчал кинжал Назифы.

«Он меня не видит. Только чувствует», — догадался юноша, но от этого легче не стало. Демон мог просто разжать руку, и Гриша полетел бы со скалы вниз головой. Перелом шеи ему был бы обеспечен. Еще много чего ужасного мог сделать с ним демон, но тут раздался свист и Назифа подкинула саблю.

Гриша подхватил ее налету, приподнялся и резко воткнул острие лезвия в туловище монстра. Тот раскрыл свой маленький круглый рот и протяжно взвыл.

Юноша дернулся, и демон отпустил его. Жизнь не успела пролететь перед глазами, потому что упал он в гнездо.

— Добей! Добей его! — закричала Назифа.

Гриша выдернул саблю и воткнул чуть выше, туда, где, по его мнению, должно находиться сердце. Вдруг ослепительная вспышка озарила поляну. Гриша закрыл лицо руками, присел и испугано вжался в край гнезда. У его ног что-то упало.

Юноша напрягся, ожидая то ли удара, то ли ожога, но ничего не произошло. Медленно раздвинув пальцы, он осторожно выглянул. Демона не было, а у его ног лежали сабля и кинжал.

— И все? — не понял Гриша и недоуменно уставился на Назифу. — Мы его убили? Или

он сбежал?

Девушка пожала плечами и принялась озираться.

— Здесь его нет.

Издали послышался голос Ура. Он бежал к ним вприпрыжку, махая руками:

— Отправили! Отправили!

— Что? — не понял Гриша и они с Назифой переглянулись.

— Демона! Отправили его обратно. Вы справились! — он задыхался от быстрого бега, но не остановился пока не налетел на девушку и принялся ее обнимать. Та, не стала сопротивляться и весело рассмеявшись, поцеловала Ура в лысую макушку.

Гриша устало опустил на дно гнезда, снял сапог и посмотрел на распухшую лодыжку.

— Да-а-а. Силы немерено. Мог легко швырнуть меня куда-нибудь подальше.

Он подобрал саблю и хотел убрать ее в ножны, но остановился и с удивлением уставился на лезвие.

— Гриша, ты чего там возишься? Спускайся! — Ур сел на траву и отгонял назойливую пчелу.

— Как-то странно это, — тихо сказал Гриша, но друзья его услышали и напряглись.

— Ты о чем? — Назифа вплотную подошла к скале и задрала голову.

— Сабля чистая. И в гнезде чисто. Ни капли крови... Но этого не может быть! Я сам два раза по рукоять загнал в него саблю. Притом вошла она легко, как в вареную картошку.

— Какая разница? Главное результат. Мы — победители! Пойдем в город, заберем деньги и сразу домой, — Ур сорвал цветок и с наслаждением вдохнул его аромат. — У наместники спрошу разрешения порыться в городской библиотеке. Наверняка, у них много интересного припрятано.

Гриша осмотрел гнездо. В нем, кроме веток и сухого мха, ничего не было.

«Ни клочка одежды, ни застежки, ни косточки. Куда же он людей девал? А еще рот. Маленький такой, и зубов я не заметил».

Вопросов было много. Юноша решил поделиться наблюдениями с друзьями, но позже, когда спустится.

«Высоко. Ноги переломаю, если спрыгну».

Назифа в это время сбежала за кинжалами, и радостная возвращалась обратно:

— Все нашла! Радужный свет виден издалека. Ты жить там, что ли, остаешься?

— Не знаю, как спуститься, — развел руками Гриша.

Девушка обошла скалу и кивнула:

— Я придумала.

Она засунула лезвие кинжала в щель, взобралась на него и воткнула следующий. Вскоре она сделала последний рывок и села на край гнезда.

— Лестница готова. Спускайся, герой.

Кинжалы с резными рукоятками плотно сидели и не погнулись, когда Назифа, а за ней и Гриша спустились вниз. Ур протянул руку Грише и крепко пожал ее:

— Я все видел. Если честно, то подумал, что нам пришел конец. Но ты справился. Ты — герой!

— Никакой я не герой. Случайно получилось, — скромно сказал Гриша и зарделся.

«Еще не хватало раскраснеться, как девица», — поругал он себя, отвернулся от друзей и зашагал в сторону пещеры к лиррам.

— Как демон так ловко уворачивался от кинжалов, если он не видит днем? —

послышался сзади голос Ур.

— Это мы так подумали, — ответила Назифа. — Как оказалось, прекрасно видит. А еще он очень быстрый. Не ожидала от такого гиганта.

— Когда пойдем на охоту Эль-Кар, надо будет лучше подготовиться, — сказал Гриша. Ему было больно наступать на ногу, за которую схватил демон, поэтому он остановился и сел на землю. — А мне потребуется пара дней на восстановление.

Он снял сапог и продемонстрировал друзьям синюшного цвета ногу.

— Ого-го, — девушка помотала головой.

— Силищи в нем немерено. Теперь я верю, что он может унести корову.

Ур сел рядом с ним и осторожно спросил:

— Ты был в его лапах. Как это? Что ты чувствовал?

Юноша задумался. То, что произошло не более получаса назад, теперь казалось чем-то далеким и нереальным.

— Я его боялся и не боялся. Не знаю, как объяснить. Когда я на него смотрел, то кровь стыла в жилах, но когда схватил за шею, то наоборот, почувствовал спокойствие и надежность. Откуда-то знал, что ничего плохого со мной не случится. Хотя на ощупь он противный и холодный... А еще меня беспокоит то, что с него не упало ни капли крови. Если бы я сам на демоне не катался, то подумал бы, что он — привидение.

— Что за привидение? — уточнила Назифа, срывая ягоды с куста.

— Привидение — это призрак умершего.

— Понятно. А «призрак» — это что?

Гриша махнул рукой, поднялся и снова захромал в сторону пещеры. Лирры ждали их с необычным сюрпризом. Два горных козла с перегрызенными шеями лежали возле входа в пещеру. От третьего остались только «рожки до ножки».

— Молодцы! — воскликнул юноша. — Как вы их поймали?

Но полусонные лирры не обратили на друзей никакого внимания и продолжили напевать тихую мелодию, вальяжно развалившись на лавке. Назифа погладила зверьков, схватила козла за рога и оттащила подальше от пещеры.

— Что ты собираешься делать?

— Освежевать и выпотрошить. Поможешь?

— Конечно! — он взял один из кинжалов Назифы, раздвинул животному задние ноги и начал аккуратно вырезать половые органы.

— Может, не с этого надо было начинать? — с сомнением спросила она.

— Вася так учил, — пожал плечами Гриша. — Чтоб мясо не завоняло.

— Ну ладно.

Вдвоем они быстро сняли шкуру и срезали мясо. Ур тем временем оббежал всю округу и собрал то, что можно сжечь. Вскоре в лагере вкусно запахло жареным мясом.

— М-м-м, уже слюнки текут! — Гриша отодрал кусок мяса, прилипший к горячему камню, и откусил. — Соли бы.

Ур согласно кивнул, почесал лысину и потер глаза, которые щипало от дыма.

— Как думаешь, почему ты не загорелся?

— Что? — Гриша отодвинулся от костра.

— Во время битвы с демоном. Ты здорово испугался, я видел. Но не загорелся. Почему?

— Откуда мне знать? Этот «Священный огонь» мне не подчиняется. Сам себе хозяин.

— Все про демона думаю, — признался Ур, переворачивая мясо на камнях. — Странно,

что тебе было с ним спокойно. Я даже подойти к вам побоялся.

— Он страшный, ужасный и сильный, прям как дьявол из преисподней, но в то же время, я как будто знал, что со мной ничего плохого не сделает... Или я свихнулся от страха, или здесь что-то другое.

Мясо прожарилось, и друзья принялись за еду.

***

— Все-таки надо было остаться на денек в горах, — сказала Назифа, придерживая Гришу под руку.

— Ерунда, дойду, — ответил он и сморщился от боли. Ногу еще сильнее раздуло и стало казаться, что скоро лопнет кожа.

Они возвращались в Груфу. В лучах заходящего солнца вечерние облака стали розовыми, а тени убегали далеко вперед. Ур нес лирров в бурдюке и насвистывал какую-то мелодию, легкая улыбка не сходила с его лица.

— Расскажи что-нибудь из своей жизни, — попросила Назифа. — Мы про тебя почти ничего не знаем.

Юноша задумался на пару секунд, потом улыбнулся и заговорил:

— В пятнадцать лет батюшка гувернера французского ко мне приставил. Марсель Дюбуа его звали. Хоть и франтоватый был французишка, а самым крепкий оказался. Уж как только я его не доводил: живую жабу в тарелку с овсянкой подкладывал, парики сажей посыпал, у башмаков пряжки срезал, в флакон духов козлиную мочу подливал.

— А как ты у козла мочу собирал? — заинтересовался Ур.

— Не важно, — отмахнулся Гриша и продолжил. — Так вот. Чтобы я ни делал, не жаловался он батюшке и меня не ругал. Будто и не было ничего. Только на дочку поварихи — Настасью беспрестанно глядел и томно вздыхал. А с Настасьей мы крепко дружили. Я ей денег подкидывал, а она мне брагу с кухни тайком таскала. Вот и придумали мы вместе, как Марселя дожать. Подбросил я ему записку от Настасьи, будто она его вечером на сеновале будет ждать. Французишка картавый все самое лучшее надел, весь из себя щеголь, и поскакал к сеновалу. А мы там такие охи-вздохи устроили, даже Полкан заскулил. Покричали мы, и по очереди из сеновала взъерошенные вышли. Марсель все это время там стоял. Наутро такой злобный вой поднял! Ваш сын, говорит, ля кретин, ля сволочь, ля выродок и фис дёпют. Это «сукин сын» по-ихнему. Батюшка мой сидит, глаза, как блюда, и рот открытый. Покричал-покричал месье Дюбуа и вылетел из дома под отборный отцовский мат и пинок тяжелым сапогом под зад. Вот с тех пор батюшка мой Степан Мефодьевич, решил из меня вояку сделать и в военное училище отдать. А я и не против. Всяко лучше, чем дома с гувернерами сидеть.

Все весело рассмеялись.

— Вы чувствуете? — спросил Ур и вдохнул полной грудью. Остальные принялись и замотали головами. — Сладкий запах свободы от демона.

— Пахнет нагретым песком и твоими вонючими подмышками, — ворчливо ответил Гриша, выпустил руку девушки и осторожно опустился на землю. — Все, привал! Больше не могу идти.

Он снял сапог, который стал ему мал, и дотронулся до опухшей ноги.

— Ур, дай какой-нибудь порошок, чтоб нога не болела.

Библиотекарь снял бурдюк, выпустил лирров и подошел к юноше. Раздутая пунцовая

булка вместо ноги, говорила о серьезной травме. Он поцокал языком:

— Ничем не могу помочь. Нужен покой. Лучше лежать, задрав ногу повыше, и постараться не вставать дня три-четыре.

— Не подходит. Думай дальше, — Гриша лег на песок и положил больную ногу на мешок с вещами Ура.

Вдруг библиотекарь расплылся в улыбке и вполголоса сказал:

— Есть одно средство. Опухоль не уберет, но боль снимет на несколько часов.

Назифа хмыкнула и отпила из бурдюка дождевую воду, которую они собрали перед дорогой. Тем временем, солнце спряталось и освещало лишь небольшой кусочек неба на горизонте.

— Давай свое средство. Хоть выплюсь, — кивнул Гриша.

Ур вытащил из-под больной ноги свой мешок, отчего юноша недовольно пробурчал, и принялся в нем рыться:

— Надеюсь, не потерял. На самом дне должен быть.

Юноша заинтересовано наблюдал за происходящим, а Назифа села, поджав под себя скрещенные ноги, вытащила жаренное мясо и подозвала лирров. Те, семена и кувыркаясь, подбежали к ней и в нетерпении заверещали:

— Дай нам! Дай, дай!

Ур вытряхнул содержимое мешка на землю и прищурился:

— А-а-а! Вот ты где, — он протянул Грише сушеный коричневый отросток.

Тот брезгливо взял его двумя пальцами и спросил:

— Что это такое?

— Сушеный змеехвост. Растение такое, — загадочно улыбнулся Ур.

— И что с ним надо делать?

— Жевать. Откуси половину и тщательно прожуй. Можно не глотать, он и так подействует.

Юноша понюхал. Еле уловимый сладковатый запах напоминал вяленую репу.

— Ладно, попробую, — он выдохнул, откусил и начал быстро жевать. — М-м-м, совсем неплохо. Приятный вкус, похоже на тыкву или морковь. Только с кислинкой.

Ур забрал оставшийся кусок и пристально уставился на Гришу. Назифа тоже не сводила с него глаз.

— Вы чего так смотрите, а? — встревожился юноша и почувствовал, как немеет язык. — Что со мной происходит. дь... Фить...мя. ня

Язык перестал слушаться, а онемение перешло на щеки и губы. Через минуту Гриша повалился набок с высунутым языком:

«Что он со мной сделал, ирод?! Я не могу пошевелиться. У меня отказали руки и ноги!!! Ну Ур, доберусь я до тебя, паскуда! Попляшешь под нагайкой! А я и сам хорош. Надо было сначала спросить, а не сразу в рот совать. Прямо, как маленький!».

Тем временем, Ур и Назифа бережно уложили его на бок, подложили под больную ногу мешок и отошли куда-то за спину.

— Откуда ты раздобыл змеехвоста?

— Вырастил. Думал, может когда-нибудь пригодится. Вот и пригодился.

— Однажды мои братья накрошили змеехвоста отцу в рагу. Он упал прямо за столом. Мы перепугались, думали, что он помер. Старший даже успел соседей на похороны позвать. Когда отец пришел в себя, то весь Кабарган слышал, как вопили братья. Они потом долго

кушали стоя и почти полгода не безобразничали.

Они похихикали, а Гриша сначала разозлился на них, а потом обиделся:

«Сидят, смеются, а я здесь, как торба валяюсь. Все им завтра выскажу! Пусть знают, что Михайловский Григорий Степанович не пальцем делан и не топором струган».

Он попытался хотя бы язык втянуть, но даже это ему не удалось. Тело совсем не слушалось. Вдруг Гриша понял, что у него ничего не болит: ни опухшая нога, ни мозоли, ни раны. Ничего. Он не хотел есть, пить, спать. Полная свобода от всего.

«Наверное, так чувствуют себя после смерти, — подумал он и всхлипнул бы, если бы мог. — Не-ет, так жить неинтересно. Это ж квас язык не пощиплет, от перцовки слезу не прошибет, от девушки-красавицы ничего не шевельнется... Быстрее бы вернуться к нормальной жизни».

Назифа и Ур легли спать и вскоре оба засопели. Только Грише было не до сна. Вернее, он бы с радостью вздремнул, но никак не засыпалось.

«Все-таки, почему у демона крови нет? Ведь он же из плоти. Я знаю, сам на нем катался...И куда девались все пропавшие люди и коровы? Ни клочка одежды, ни рога, ни бусинки, ни копыта. Надо было поискать кладбище. Хотя, теперь это дело наместника Груфу. Пусть собирает людей и прочесывает горы».

За размышлениями он не заметил, как наступила крошечная тьма. Небо заволкло облаками, поэтому даже свет звезд не освещал эту чужую опасную землю.

«Надо было сказать, чтобы по очереди спали. Вдруг на нас снова нападут».

Не успел он так подумать, как услышал слабый шорох.

«Это что такое?» — напрягся он и прислушался. Шорох стал громче, будто кто-то тащил мешок по песку.

«Эй, просыпайтесь!!! Вставайте!» — мысленно закричал он, но не смог выдать ни звука. Попытался шевельнуть рукой, но согнул лишь палец.

В нос ударила вонь. Гриша бы описал так: смесь тухлятины с примесью волчьего мускуса и сладким цветочным ароматом, которым любила душиться мачеха Елизавета. Существо пытело, чавкало, шумно вздыхало и было совсем рядом.

«Вы оглохли, что ли?! Нас же сейчас съедят! Ур, дурень, вставай!»

Тут он смог убрать засохший язык в рот и прощамкал:

— Вш. мш. ень. Вай... Эй... Вай.

Существо остановилось совсем рядом и замолчало.

— Эй! — наконец получилось погромче.

— А-а-а-а! Кто-то лизнул мою ногу! — завизжала Назифа.

Ур перестал сопеть, вскочил на ноги и начал метаться по лагерю:

— Ничего не видно. Кто здесь? Назифа, ты где?

— Я здесь, — тихо ответила она и, проходя мимо Гриши, осыпала его лицо песком.

— Остржно, — возмутился он и сплюнул песчинки.

Ур шарил руками по земле, проговаривая:

— Где-то здесь лежала сабля... Или чуть подальше, — он ринулся в сторону, споткнулся и повалился на юношу. — Ой! Прости. Саблю не видел?

— Слзь с. ня, дрень, — зло процедил Гриша и, замахнувшись непослушной рукой, угодил Уру прямо по лысой макушке. Тот сполз на песок и продолжил поиски.

Юноша хотел сесть, но до сих пор был настолько слаб, что даже голову не мог поднять. Тем временем, неподалеку что-то ударилось о землю. Затем еще раз и еще. Вдруг слева

послышался визг.

— Ага! Попала! — закричала Назифа.

Гриша услышал знакомый звук раскрученного кистеня и резкий визг. Существо зашуршало в сторону. Но Назифу было не остановить. Шмякающие удары и визг продолжали разноситься над пустыней.

— Получи! Получи, тварь!!! — кричала она, тяжело дыша. — От меня не уйдешь! Лизать меня вздумал, хотел распробовать перед едой? Умри!

Визг и удары удалялись.

— Назифа, не уходи далеко, потеряешься! — крикнул Ур, который, по-видимому, так и не нашел Гришину саблю.

Вскоре уставшая Назифа опустилась рядом с Гришей, снова осыпав его песком.

— Кто это был? — спросил библиотекарь.

— Не знаю. Но вонял жутко. А еще лизнул меня шершавым языком. Фууу! До сих пор нога в его слюнях. Ур, дай тряпку вытереться.

— Нет! — воскликнул он. — У меня от балахона уже ничего не осталось. Скоро голым буду ходить по вашей милости. Высохнет.

Назифа фыркнула, но не стала настаивать и легла рядом с Гришей.

— Небо светлеет, скоро рассвет. Как ты? Можешь пошевелиться?

— Не-мно-го, — с трудом по слогам произнес он.

— Хорошо. Скоро отпустит. Лучше жевать змеехвоста дома, в безопасности. И чем ты только думал?

Он хотел возразить, что знать не знал о змеехвосте и больше никогда в жизни не возьмет его в рот, а еще, что они должны были его предупредить, а не переглядываться. Но решил подождать с разговором до тех пор, пока язык не начнет его слушаться.

Глава 14 А ты докажи!

Как только рассвело Гриша смог подняться. Он прошелся на слабых ногах и пригрозил Уру, виновато опустившему голову.

— Зато ты отдохнул и боли не было.

— Предупреждать надо... Нас же чуть не съели! Кстати, кто это был?

Назифа кивнула на черный след запекшейся крови исчезающий вдаль.

— Если хочешь, сходи и посмотри. Лично я даже знать не хочу. Но огрела я его раз двадцать, не меньше. Думаю, далеко не ушел.

Она показала кистень с запекшейся кровью, на котором висел клочок серой шерсти. Библиотекарь внимательно рассмотрел и кивнул:

— Как я и думал. То-то мне показалось, что запах знакомый. Это лупер.

— Что за лупер? В первый раз слышу, — Назифа била шаром по песку, чтобы хоть немного очистить.

— Похож на гиену, только с мешком на животе.

— А-а-а, — махнул рукой Гриша. — Нам говорили про такое животное в училище. Кенгуру называется. Детей в кармане носит.

— Каких детей? Лупер собирает в карман падаль. Он очень неповоротливый и поэтому подбирает то, что другие недоели. Это существо не с нашей земли, как и другие твари. Во время «Битвы Светлых» воины поймали несколько луперов, посадили их в клетку и возили из города в город, чтобы людям показать.

Гриша молитвенно сложил руки, поднял глаза вверх и сказал:

— Спасибо, Господи, что уберег нас от этой напасти! Аминь!

Назифа хмыкнула, а Ур начал собираться в дорогу. Нога Гриши все еще болела, хотя опухоль немного спала, а синяк начал желтеть. Лирры отказались лезть в бурдюк и попросились на руки. Гриша взял двоих, третьего понесла Назифа.

— Где они обитают? Может, по пути в Эль-Кар отнесем их домой?

— Точно не знаю, но думаю, что в тропических лесах Варавии. Надо лирров спросить, они ведь умеют говорить.

Гриша подул одному из них в ухо. Тот встрепенулся, приоткрыл сонные блестящие глаза и вопросительно уставился на него.

— Вы живете в лесу Варавии, верно? — лирр кивнул и вновь заснул под мерное покачивание в руках Гриши. — А лирры тоже не с вашей земли?

— Да, но они появились одними из первых. Люди быстро усвоили, что лирры — не милые ручные зверьки, а очень опасные создания. Однако, если их не трогать, то вполне можно ужиться.

После полудня друзья добрались до Груфу. Знакомые стражники радостно бросились им навстречу.

— Вернулись?! — воскликнул бородатый, улыбнулся и похлопал Гришу по плечу. — Вижу тебе досталось.

Он ткнул пальцем на изорванную рубашку в пятнах крови.

— Ерунда. Уже зажило.

— Что вы делали в горах? — спросил второй стражник, гладко выбритый юноша.

Назифа хмыкнула, уставилась на свои ногти и равнодушно ответила:

— Ничего особенного. Всего лишь победили Пустынного демона.

Стражники притихли и вопросительно уставились на них. Также, как и мимо проходящие люди, спешащие из города.

— Демон унес много жизней. Не стоит над этим смеяться, — сурово сказал бородатый.

— А я и не смеюсь. Мы прогнали демона!!! — она расхохоталась и подняла руки кверху. — Жители Груфу, радуйтесь! Демона больше нет!

Люди стояли в замешательстве. Им так хотелось верить в то, что это правда. Но сомнения оставались и заглушали радость.

— Открывайте окна! Разливайте вина и веселитесь! — Назифа зашагала вверх по улице, поздравляя каждого встречного с праздником, который назвала «День открытых окон».

— Это правда, — сказал Гриша. — Нам надо к наместнику, а вы передайте остальным, что Пустынный демон изгнан из ваших земель. Теперь можно жить спокойно и не бояться.

Попрощавшись, Гриша с Уром последовали за Назифой, от которой шарахались встречные горожане. Вскоре они подошли к дворцу и издали увидели наместника Озаза. Он стоял на высоком крыльце и смотрел вдаль, туда, где над горизонтом повисло солнце. Наместник был погружен в свои мысли и не сразу заметил троицу.

— Приветствую тебя, наместник Груфу, — подал голос Ур.

Озас вздрогнул и обернулся. В первое мгновение он переводил взгляд с одного на другого, не говоря ни слова, затем откашлялся и сипло спросил:

— Где вы были?

— Как где? В горах. Обработали лавой лезвия наших оружий и заодно прогнали Пустынного демона, — развязно ответил Гриша. — Так что можете готовить вознаграждение.

Наместник сложил руки на груди и обратился к Уру:

— Это правда? Демона больше нет?

— Правда, наместник, — кивнул тот. — Твои горожане могут возвращаться домой и жить спокойно.

Озас прищурился, пристально вглядываясь в лица друзей, будто пытался определить: обманывают или нет?

— Доказательства, — строго сказал он. — Вы принесли его голову?

— Какую голову? — возмутился юноша. — От него ничего не осталось. Пропал бесследно. Отдайте наше золото и мы пойдем отдыхать. А завтра с утра двинемся в Эль-Кар.

Однако Озас даже не шелохнулся. Наступила гнетущая тишина, которую первой не выдержала Назифа:

— Эй, наместник! Ты почему нам не веришь? Мы рисковали жизнью и освободили твой город от Пустынного демона. У нас был уговор: четыреста монет каждому. Где золото?

Наместник неприязненно посмотрел на дерзкую девушку и кивнул:

— Хорошо. Я отдам вам золото. Но только после того, как докажете, что демона больше нет. Если бы я верил на слово всем проходимцам, то уже давно бы разорился. Разговор окончен!

Он развернулся на пятках и быстро зашагал во дворец.

— Эй-эй! Мы так не договаривались! Отдай нам наши монеты! — захромал за ним Гриша, но Ур остановил его.

— Не надо. Он прав. Мы не подумали о доказательствах. Четыреста монет каждому — это очень много. В опустевшем городе денег и так нет. Он не может раздавать их просто так.

— Но как мы докажем?

— У меня есть одна идея, но сначала пойдемте в гостиный дом. Поедим, помоемся и отдохнем.

Через несколько минут дверь гостиного дома распахнулась и перед ними появилась пухлая хозяйка Муна. Увидев гостей, она отшатнулась, и улыбка слетела с ее лица. С минуту Муна рассматривала их, затем дотронулась пальцем до плеча Гриши, провела рукой по лысой макушке Ура и, наконец, продолжительно выдохнула:

— Это вы. Вы вернулись.

Гриша спустил лирров, которые тут же засемили к столам и запищали, требуя еды.

— Накрывай, хозяйка, на стол. Будем праздновать! — юноша подмигнул ей и заковылял вслед за лиррами.

— А что праздновать? — осторожно спросила она.

— Как что? — изобразила удивление Назифа. — Сегодня же «День открытых окон».

Муна задумалась. Гриша чуть в голос не рассмеялся, наблюдая за умственными процессами, которые происходили в ее мозгу и отражались на лице. Через несколько секунд она несмело сказала:

— Не знаю такого праздника. Что он обозначает?

— С сегодняшнего дня, дорогая Муна, надо сорвать с окон все доски, открыть все ставни и больше никогда не закрывать. И каждую ночь перед сном обязательно любоваться звездным небом, — терпеливо объяснила Назифа, сняла тяжелый пояс с кинжалами и опустилась на деревянный стул.

— Вы, наверное, шутите, — махнула рукой Муна и исчезла на кухне.

Вскоре запахло жареными яйцами. Дети соседки Амизи вереницей потянулись из кухни и принесли блюдо с лепешками, кружки с прохладным сладким напитком и нарезанное вяленое мясо. За ними появилась Муна с огромной сковородой, в которой шкворчала яичница.

Когда друзья набросились на еду, дверь распахнулась и зашел муж Муны — Фенуку. В руках у него была большая корзина с овощами. Он не заметил компанию, сидящую за столом, и сразу бросился к жене:

— На рынке говорят, что демона больше нет! Сирил видел на мосту людей, которые сказали, что были в горах и убили демона.

— Не убили, а отправили домой. В преисподнюю, — подал голос Гриша и с шумом отпил из кружки.

Фенуку резко обернулся и застыл с открытым ртом.

— Да-да, это мы — Укротители Пустынных демонов. Можете всем рассказывать, что мы гостевали у вас. Думаю, отбоя не будет от любопытствующих. Только опишите меня как-нибудь помужественнее, что ли. Скажите, что у меня сильные руки, волевой подбородок и роскошные золотистые волосы. И вообще, не стесняйтесь приукрашивать. А ты, Ур, обязательно впиши наши имена в историю. Пусть знают потомки, кому обязаны счастливой жизнью.

Ур усмехнулся и кивнул, тщательно пережевывая соленое мясо.

— Не может быть, — выдавил Фенуку и подошел к их столу. — Так это вы?

Гриша кивнул и засунул в рот большой кусок яичницы.

— Спасибо, друзья! — Фенуку рухнул на колени и начал кланяться. — Наши спасители! От всей души и сердца! Спасибо! Пусть Боги даруют вам много дней счастья и любви!

— Эй-эй! — Гриша остановил его. — Не надо. Одного «спасибо» нам вполне достаточно. Главное, чтобы наместник выполнил свою часть уговора.

— А что должен Оаз?

— Золото, конечно же. Только он не очень спешит нам его давать. Требует доказательств.

— Так у вас нет доказательств? — удивленно воскликнул Фенуку и вскочил на ноги.

— Будут, — загадочно улыбнулся Ур и подмигнул Грише.

Тот пожал плечами и продолжил трапезу, подкармливая мясом лирров под столом. Фенуку и Муна ушли на кухню, что-то тихо обсуждая.

***

После ужина Фенуку по обыкновению начал запирать двери и проверять окна.

— Ну что, пойдём? — Ур тронул за плечо разомлевшего юношу. — Надо доказать Оазу, что мы не обманываем.

Гриша потянулся, поправил розовую рубашку, которую любезно предложила Муна, и с кряхтеньем встал из-за стола.

— Я когда-нибудь отдохну? — пробурчал он и зашагал к двери, зевая во весь рот.

Ему наперерез подскочил Фенуку и, подозрительно прищурившись, спросил:

— Куда это вы собрались?

— На улицу. Воздухом подышать.

— А если вы демона впустите? — зашептал хозяин гостиного дома.

— Дружище, — Гриша опустил руку ему на плечо и попытался отодвинуть от двери, но тот крепко стоял. — Мы же говорили — демона больше нет. Сейчас мы вам всем докажем.

Ур подошел к двери, отодвинул верхний засов и потянулся к нижнему, но тут Фенуку схватил его за руку:

— Не делай этого! Мы все погибнем, — испугано запричитал он. Гриша обхватил его сзади за плечи и крепко сжал. Ур дернул нижний засов и открыл дверь. Ночная прохлада порхнула в лицо. Фенуку выдохнул и отчаянно засучил ногами, пытаясь освободиться из крепких объятий.

— Эх, малохольный, — усмехнулся Гриша, отпустил мужичка и шагнул к двери. Сзади послышался скрип, это Назифа вышла из-за стола с кистенем в руке. На вопросительный взгляд юноши, пожалала плечами и смущенно ответила:

— На всякий случай.

Они вышли на улицу. В ночной тишине слышался треск цикады и шелест листьев пальмы, растущей неподалеку. Из щелей забитых досками окон виднелся свет.

— Начинай, — тихо сказал Ур.

— Так-то я много песен знаю. Только ни одна к случаю не подходит.

— Какая разница! — возмутилась Назифа. — Пой уже.

— Ну ладно. Вы сами напросились, — он набрал в грудь побольше воздуха и запел. — Ва-аленки да ва-аленки-и. Ой, да не подшиты ста-ареньки!

Они медленно шли к дворцу, и Гриша горлопанил на всю улицу. В щелях между досок появились любопытные глаза.

— Жители Груфу, демон побежден! Живите спокойно! Выходите и ничего не бойтесь! — изредка кричала Назифа и махала рукой.

Вскоре дверь в одном из домов открылась и вышел сгорбленный старичок. Он

присоединился к друзьям и, опираясь на клюку, молча побрел сзади. Еще через два дома к ним примкнула молодая пара. Они крепко держались за руки и с опаской посматривали наверх.

Гриша тем временем допел по валенки и затянул про сени. Потом вспомнил колыбельную, которую заунывно напевала его нянька, и спел ее. Затем пошел по кругу. Люди, заслышав песню и призыв Назифы, а также разглядев процессию, бодрее начали присоединяться: кто с вилами, кто с факелом, кто с молотком.

Когда друзья подошли к дворцу, за ними уже была целая толпа. С первого взгляда люди выглядели воинственно с факелами и оружием, но если приглядеться, то можно было увидеть, что все улыбаются и как умеют подпевают Грише.

Юноша поднялся на крыльцо и в очередной раз затянул песню. Люди все подходили и подходили. Назифа с Уром поздравляли их с избавлением от демона и убеждали, что больше не надо бояться. Когда Гриша допел, послышались редкие хлопки. Остальные продолжали напряженно всматриваться в темноту.

— Теперь можно и «Боже, Царя храни!» затянуть, — решил Гришка, но тут услышал сзади голос Озаза.

— Погоди! Что все это значит?

— Мы празднуем «День открытых окон», — громко ответил юноша. — Каждый год в этот день вы будете вспоминать нас и благодарить за то, что мы сделали. Демон побежден! Его больше нет! Победа!!!

Толпа будто проснулась ото сна и раздались бурные аплодисменты. Громче всех кричала Назифа и подбадривала остальных. Озас с копьём в руке посмотрел на звездное небо, на улыбающегося Гришу и кивнул.

— Похоже, вы говорите правду.

— Конечно! Стали бы мы так рисковать? Пустынный пропал и, надеюсь, больше никогда не объявится.

— Жду вас завтра утром, — кивнул наместник и спустился к толпе. — Друзья, эту ночь я проведу на улице! Если утром буду жив, значит демона больше нет. Приходите сюда на рассвете и удостоверьтесь!

Толпа начала расходиться. Друзья попрощались с Озасом и зашагали к гостининому дому.

— Пройдет немало времени, прежде чем ночь перестанет их пугать, — сказал Ур. — Они очень хотели нам поверить, но страх читался в их глазах.

— Не удивительно, — кивнула Назифа. — Надеюсь, хотя бы через год они будут отмечать «День открытых окон» с открытыми окнами.

Дверь гостининого дома была заперта. Гриша постучал.

— Кто там? — еле слышно спросил Фенуку.

— Свои, открывай.

— Кто «свои»?

— Ты что Ваньку валяешь? Открывай давай!

Засовы заскрипели и дверь немного приоткрылась.

— Вы одни? — послышался осторожный голос хозяина.

Юноша резко распахнул дверь и Фенуку отскочил, потирая лоб.

— Конечно, одни. А ты думал, мы Пустынного в гости позвали? Устал, как собака. Пойду спать... Эй, Ур, может дашь на ночь змеехвоста? Что-то нога заныла, боюсь, не выплюсь.

— Нет-нет, — торопливо ответил библиотекарь. — Больше нельзя, а то разум помутнеет.

— Начинается, — раздраженно выдохнул юноша и зашаркал к лестнице. — Так и скажи, что себе оставил, жмот.

В комнате он осторожно опустился на кровать и стянул сапог с больной ноги.

— Ну, не так уж и плохо.

Опухоль еще держалась, но была уже не такой плотной. Сине-желтый синяк опоясывал щиколотку. Гриша подложил под ногу подушку, лег и сразу же заснул.

***

— Гришка, вставай, — услышал он голос Ура.

— Отстань, я только лег, — пробурчал юноша и хотел зарыться под подушку, но не нашел ее и натянул на глаза рубашку.

— Уже полдень.

— Как полдень? — юноша резко сел и разлепил глаза. — Нам же за деньгами надо!

Ур усмехнулся и погладил лирров, развалившихся на его кровати.

— Как твоя нога? Выглядит неплохо.

Опухоль спала, а синяк сильнее пожелтел. Гриша прошелся по комнате и пожал плечами.

— Пока не болит, но дорога покажет.

Он умылся и спустился вниз. Назифа сидела за столом с детьми и что-то им рассказывала. Малыши слушали ее с открытым ртом, иногда испугано вскрикивая.

— А потом он пырнул его саблей еще раз, — зловещим шепотом сказала девушка. Девочка лет пяти засунула в рот большой палец и начала сосать, глядя на нее широко раскрытыми глазами. — Демон закричал, как раненый коршун и вдруг... БАЦ!

Назифа резко хлопнула в ладоши, девочка вздрогнула и заревела.

— Нашла, о чем с детьми говорить! — возмутился Гриша. — Лучше принеси мне что-нибудь поесть, а я им пока сказку расскажу.

— Еще чего! Я тебе не прислуга.

Но тут появилась Муна с тарелкой горячей каши и лепешками. Гриша откусил лепешку и заговорил:

— Так вот, детки, был у нас замечательный писатель Пушкин. Погиб несколько лет назад. Один нехороший человек решил избавиться от него и вызвал на дуэль. Знаете, что такое дуэль? Это когда один дяденька убивает...

— Хороша сказка, — усмехнулась Назифа.

— А, ну да. Итак: сказка о Золотом петушке!

Глава 15 Гиблое место:-о

Друзья шагали к дворцу. На улице было гораздо больше людей, чем раньше. Все что-то оживленно обсуждали, кто-то даже смеялся.

— Город оживает, — сказала Назифа. — Похоже, они нам поверили.

— Да-а-а, — довольная улыбка расплзлась на лице Гриши. — Как же приятно быть победителем!

— Ага. Особенно в розовой рубашке с рюшами, — рассмеялась девушка.

— А мне нравится, — буркнул Гриша и заправил рубашку в штаны.

На Назифе было светло-голубое платье до колен. Оно принадлежало Муне, поэтому было очень широкое, но кожаный пояс с кинжалами, плотно обхватывал талию и подчеркивал спортивное телосложение девушки. Ур был одет в светло-серую накидку, доходящую до икр.

— Почему ты штаны не носишь?

— Они мне кажутся неудобными. Люблю, когда между ног свободно и ничто не натирает.

— Чудак, это же бабские наряды!

— На себя посмотри, Розовая кофточка, — надулся библиотекарь.

Возле высокого крыльца дворца стояла разношерстная толпа. Они внимательно слушали наместника и согласно кивали.

— А вот и они! — закричал Оаз и ткнул пальцем в их сторону. — Наши спасители! Наши герои!

Люди развернулись и с любопытством уставились на троицу. Затем, не сговариваясь, бросились навстречу. Каждый благодарил и старался покрепче обнять. Они совали им в руки бутылки вина, корзины с фруктами и свежее испеченные булочки.

Тем временем, Оаз поднялся на крыльцо и заговорил:

— Друзья, у меня нет слов, чтобы выразить благодарность. Вы самые сильные и смелые люди, которых я только встречал! Ворота нашего города и двери дворца всегда для вас открыты. Если вы захотите остаться, то мы всю жизнь будем обеспечивать вас и подарим самые лучшие дома... Признаться, я сначала не поверил вам. Много сильных и опытных воинов пытались убить демона, но никто из них не вернулся. Почти две тысячи человек украл демон. Пропадали целые семьи, — после этих слов Ур тяжело вздохнул, и Гриша похлопал его по плечу. — Всю ночь я простоял здесь, на этом самом месте и молился. Я просил Богов, чтобы сказанное вами было правдой. А если нет, то, чтобы демон не сильно мучил меня перед смертью. Как видите, я жив-здоров!

Раздались аплодисменты.

— Несколько дней назад была гроза, — продолжал он. — Острые молнии и громогласные тучи прошли стороной, так и не благословив Груфу. В тот день демон явился раньше обычного, еще небо светлело на горизонте. Он поймал кого-то возле дальних садов. Я слышал крик, но ничем не мог помочь и вновь почувствовал себя полным ничтожеством, неспособным защитить своих людей, — он тяжело вздохнул и потер переносицу. — Наконец-то, все закончилось. Нам осталось найти останки наших близких и с почестями похоронить... Давайте поблагодарим наших героев!

Троицу подняли на руки и начали подкидывать. Назифа счастливо визжала, Ур

постоянно поправлял задирающийся подол накидки, а Гриша вскрикивал от страха и восторга. Озас махнул рукой и их понесли во дворец. На этот раз окна были открыты и яркий солнечный свет отражался от золотой посуды и хрустальных кубков. Друзей посадили во главе длинного стола и принялись наперебой предлагать то одно, то другое блюдо. Когда все успокоились и расселись по местам, Озас взял кубок и еще раз поблагодарил.

— Мы собрали ровно столько, сколько я обещал, — он кивнул на резной сундучок в углу. — А для того, чтобы вы быстрее добрались до Эль-Кара, я дарю вам двух оставшихся верблюдов.

— Вот за это — спасибо! — воскликнул Гриша. — А то мне жутко надоело пешком ходить.

Они сели за стол и с аппетитом принялись за еду. Через несколько минут к Назифе подошла женщина, села рядом и начала что-то тихо говорить. Грише стало любопытно, поэтому он подвинулся поближе и прислушался.

— Ты не думай, — убеждала девушку дородная женщина с рябым лицом и глазами навывкате. — Я тебя не буду заставлять работать. Ты должна будешь детей рожать, а хозяйство я сама буду вести. У меня сынок самый лучший, самый покладистый, самый добрый и на меня похож.

Назифа уплетала пирог с курагой и изредка усмехалась хвалебным речам женщины. В это время к Грише подсел ссохшийся мужичок с острым длинным носом.

— Храбрецы везде в почете. Особенно, если они живые, — гнусаво сказал он и захихикал. — Демона победить нужна особая воля и мужество. На таких все и держится. У Озаза сын погиб, поэтому следующего наместника мы, жители Груфу, будем выбирать сами. Предлагаю тебе жениться на моей дочери, а уж наместником я тебя сделаю. У меня связи есть и деньжата водятся. Ну что, согласен?

Гриша что-то промычал набитым ртом и уперся взглядом в тарелку. Мужичок посидел немного, но не дождавшись внятного ответа, ретировался.

— Я не собираюсь здесь еще на день задерживаться, — зашептала Назифа.

— Согласен. Надо идти.

Они встали из-за стола. Остальные побросали ложки и тоже вскочили.

— Спасибо за хлеб, за соль, — сказал Гриша и поклонился. — Нам пора идти.

Люди разочаровано повздыхали, но никто не посмел что-либо возразить. Озас велел гостям продолжать пиршество, а сам пошел провожать троицу до двери.

— Верблюды ждут вас у ворот. Счастливого пути и обязательно возвращайтесь! Мы будем вас ждать.

Он обнял их по-отечески и печально вздохнул. Друзья спустились с крыльца и побрели к гостиному дому. После сытного обеда не хотелось быстро двигаться.

— Получается, демон уже второй раз летел, когда меня увидел, — Гриша нес сундучок на плече, придерживая правой рукой.

— Только, как мы его не заметили в первый раз, тем более, если он был с грузом? — отозвался Ур, ковыряя травинкой в зубах.

— Меня больше волнует другое... Получается, что он очень быстро ест. С заката прошло не так много времени, а он уже летел обратно в город. Опять же, в гнезде я не нашел ни капли крови, ни клочка одежды.

— А вдруг они еще живы? — воскликнула девушка. — Может, надо было нам обшарить горы? Вдруг еще кому-то можно помочь!

— Скажем стражникам, которые дежурят у ворот, пусть соберут людей и прочешут каждый уголок в горной гряде, а нам надо торопиться в Эль-Кар, — возразил Ур.

Они зашли в гостиный дом и увидели Муна, складывающую в мешок свертки.

— Я вам еду в дорогу приготовила. Хватит на несколько дней, а если будете экономно есть, то и на неделю.

Дети соседки Амизи сидели на полу и гладили мурлыкающих лирров. Гриша поставил ящик на стол, повернул защелку и открыл крышку. Маленькие золотые монетки с гербом в виде лилии переливались теплым желтым светом. Никогда в жизни он не видел столько золота. Муна при виде такого богатства восторженно вздохнула, но тут же отвернулась к мешку с провиантом. Юноша отсчитал свою долю и сложил монеты стопками на стол.

«Может, хотя бы половину себе оставить? Если домой не вернусь, придется здесь жизнь налаживать. Деньги понадобятся на дом, коня... жену. Да мало ли что еще надо будет купить! — он посмотрел на детей, сидящих на полу, и шумно выдохнул. — Но им нужнее».

— Муна, подойди ко мне, — позвал Гриша. Женщина отложила стопку свежее испеченных лепешек, встала рядом и вопросительно уставилась.

— Ты — добрая и хорошая женщина. Я вижу, как дети любят тебя. Прошу, возьми это золото и вырасти сироток.

Муна прижала руки к груди, замотала головой и запричитала:

— Нет-нет-нет, я не могу! Это же так много!

— Прошу, возьми и постарайся сделать их счастливыми. Вместо Амизи.

Она переводила растерянный взгляд с монет на Гришу и обратно. Затем бросилась ему на шею и зарыдала. В это время из кухни появился Фенуку. Он увидел жену, прижимающуюся к груди молодого человека, и опешил. Но когда овладел собой осторожно спросил:

— Что здесь происходит?

Муна отстранилась, вытерла слезы и указала на монеты:

— Гриша дарит нам эти деньги, чтобы мы смогли вырастить детей Амизи.

— Так много? Зачем? Тебе самому пригодятся, — воскликнул хозяин гостиного дома. — Мы их прокормим и на одежду наскребем.

— Возьмите... пожалуйста. Это нужно в первую очередь для меня.

Супруги долго и горячо благодарили юношу за золото и за то, что избавил город от демона.

— Будто он один это делал, — обижено прошептал Ур Назифе.

— А мне все равно, — махнула она рукой. — Главное, что у меня столько денег, что я теперь не только отца, но и себя могу обеспечить на всю жизнь.

Они собрали вещи, попрощались с новыми друзьями и зашагали к воротам. Народ все прибывал и прибывал в город. Стражники издали увидели троицу и замахали руками.

— Спасибо вам! Простите за сомнение. Вы не очень-то похожи на убийц демона, — смущенно сказал бородатый стражник.

— Не суди сытого по отрывке, — нравоучительно сказал Ур и поднял вверх указательный палец. — Иногда она бывает от голода.

Все рассмеялись. Молодой стражник привел верблюдов, и путники вышли за ворота старинного города Груфу.

— Давайте хотя бы меняться, — обиженно сказал Ур.

На двугорбом верблюде ехала Назифа, а на одногорбом — Гриша, с вещами и лиррами.

— Я не могу. Мне надо ногу беречь, а то опять распухнет. Попроси Назифу.

— Да ладно, залезай ко мне, — смилостивилась она и ударом ноги велела верблюду опуститься.

Счастливым Ур пристроился за девушкой, но обнять ее побоялся и уцепился за второй горб. Когда верблюд поднялся, то библиотекарь чуть кубарем не покатился по опустившемуся заду животного. Назифа успела схватить за шкурку и держала, пока он не устроился поудобнее.

— Сколько до Варавии? — спросил Гриша.

— Не знаю. Никогда там не был, но судя по карте, завтра к обеду должны дойти.

— А зачем мы вообще туда идем? Давайте оставим зверьков себе. Я к ним уже привыкла, — предложила девушка.

— Нет! Мы обещали — значит выполним. Они не домашние животные, а друзья, — Гриша любовно погладил мешок с лиррами, который повесил спереди.

Стражники, по распоряжению наместника, привязали к верблюдам несколько вязанок дров и бурдюки с водой, поэтому, когда солнце начало клониться к закату, друзья остановились и развели костер.

— Во-первых, свет, — зачем-то начал объяснять Ур. — Многие хищники и твари боятся огня, поэтому не подойдут. А, во-вторых, тепло. Днем так жарко, что кожа плавится, но ночью здесь прохладно. Мы еще не так далеко от гор отошли.

Гриша снял сапоги, лег и подложил их под голову:

— Расскажи лучше про Варавию. Что за город такой?

— Не город, а государство так называлось. Варавии уже давно нет, но название местности существует. Это самая плодородная и лесистая земля. Я сам там никогда не был, но много читал. Озера и речушки почти на каждом шагу. А когда много воды, то много и травы, а значит — животных.

— Логично, — кивнул юноша.

— Также в Варавии очень дружелюбный народ. Потому что они не знают зноя пустыни и не сталкиваются со скудным урожаем... Я всегда мечтал там побывать.

— Надеюсь, хоть там все пройдет хорошо, — тихо сказала Назифа. Остальные с ней согласились.

Ночь прошла спокойно. Правда, когда пришла очередь дежурить Грише, он снова заснул. Но остальные об этом не узнали.

— Как же хорошо, что у нас есть верблюды, — Гриша покачивался на горбу животного и ел орехи.

— Да, спасибо наместнику Озазу за такой подарок, — ответил Ур и вновь подтянулся.

Он постоянно скатывался с горба верблюда к заду, но даже не думал жаловаться. Лучше так, чем пешком. В полдень, когда солнце повисло над головой, а ветер стих, Назифа предложила остановиться и сделать навес.

— Хорошая идея, — похвалил Гриша. — От этого адского пекла у меня уже голова раскалывается.

Они слезли с верблюдов и сняли покрывала, которыми были перевязаны деревянные седла. Ур начал предлагать, как им устроиться: то натянуть между дровами, воткнутыми в песок, и лечь под навес, то снова вырыть ямы.

— Давайте натянем покрывала между верблюдами? — предложил юноша. — Они послушные, постоят, пока мы отдыхаем.

— А тебе их не жалко? Они тоже хотят отдохнуть, — возмутился Ур.

Будто в подтверждение его слов один из верблюдов издал гортанный низкий звук.

— Ну ладно, уговорили. Давайте копать яму.

Он наклонился к земле и застыл. Оба верблюда стояли по колени в песке и продолжали проваливаться.

— Что за...

Вдруг он почувствовал, как песок расползается у него под ногами, а верблюды почти одновременно жалобно заревели. Назифа, которая отходила по «женским делам», увидела, что творится и бросилась к ним:

— Уйдите оттуда! Уйдите!

Ур стоял поодаль и встряхивал покрывала от верблюжьей шерсти. Он поднял голову, взглянул на мчащуюся Назифу и испуганно спросил:

— Что случилось?

— Ур! — Гриша схватил одногорбого верблюда за узду и потянул вбок на твердую землю.

Но животное провалилось до брюха и сколько не трепыхалось, не могло выбраться. Все это происходило за считанные секунды. Поэтому, когда библиотекарь спохватился, Гриша уже по пояс погрузился в песок. Назифа подлетела ко второму верблуду, схватила его за шею и попыталась поднять, но напрасно. Он все глубже погружался и отчаянно ревел.

— Гриша, дай руку! Ты ему уже не поможешь! — Ур бросил покрывала на землю, лег на них и схватил юношу за рубашку. К нему подбежала Назифа, и вместе они вытащили Гришу.

Через минуту наступила гнетущая тишина. Рев животных прекратился, они утонули в песчаном море.

— Это когда-нибудь закончится? — тихо спросил Гриша, вытряхивая песок из карманов.

— Ты о чем? — Ур перебирал вещи, чтобы удостовериться, что ничего не пропало.

— Наши беды. Нас преследуют одни неприятности. Сглазили, что ли?

Он повернулся к Назифе. Та многозначительно посмотрела на лирров, жмурящихся на солнце и уплетающих вяленое мясо.

— Ты думаешь, это они виноваты?!

Милые пушистые зверьки с большими блестящими глазами рождали в душе только светлые чувства, но Гриша понимал, что не стоит судить по внешности, которая часто бывает обманчива. Кто бы мог подумать, что эти милашки могут причинить столько вреда?

Он вспомнил, как батюшка привел в дом Лизку. Теперь Михайловскую Елизавету Николаевну. Сначала она Грише понравилась: милое личико, густые русые волосы, скромная и мало говорящая. Но как только стала женой, сразу же изменилась: накупила дорогуших нарядов и украшений, принялась командовать над дворовыми людьми, а потом взялась и за него.

— Григорий, не кажется ли вам, что пора строить свою жизнь отдельно от батюшки? Говорят, что разлука с семьей закаляет характер, — сказала она за ужином, когда его в первый раз выгнали из училища за драку с офицером.

— Нет, не кажется, — передразнил он и сразу же поймал суровый взгляд отца.

— Я бы на вашем месте поехала жить в далекую губернию, чтобы набраться опыта и

повзрослеть, — елеиным голоском продолжила она.

— Вот и езжай. Никто тебя здесь не держит, — буркнул юноша.

— Гришка! — от тяжелого удара кулаком по столу звякнула посуда. — Марш отсюда, пока нагайку не достал! Ишь какой выискался: ты ему — слово, он тебе — два. И в кого такой?

— В матушку, — бросил через плечо Гриша, выбегая из гостиной.

***

— Ур, а они это нарочно делают? — спросил Гриша.

— Ты о чем?

— Я о лирах. Помнится, ты говорил, что домой их не берут, потому что они приносят несчастье. Зачем они это делают?

— Не знаю. Защищаются так, наверное. У кого-то острые зубы, у кого-то яд, кто-то быстро бегают. А эти, — кивнул он на зверьков. — Колдуют.

— М-да, быстрее бы от них избавиться, а то я начал побаиваться, — юноша поежился.

Друзья нагрузили на себя вещи, провиант, воду, загнали в мешок лирров и пустились в путь. Настроение у всех было прескверное и разговаривать не хотелось. Вскоре начали попадаться первые островки растительности с жесткой чахлой травой.

— Смотрите, человек! — ткнула пальцем Назифа.

Они решили догнать его и ускорили шаг.

— Эй! — крикнул Гриша. — Погоди!

Худощавый паренек с широким носом испуганно присел и обернулся, но, когда разглядел путников, выпрямился и пошел навстречу.

— Привет! Не подскажешь, до Варавии далеко?

— Вы уже в Варавии, — осторожно ответил он.

— Да? Хорошо, — Гриша вытер пот со лба и внимательно рассмотрел паренька. На вид ему было лет шестнадцать, не больше. Одет он был в короткие прохудившиеся штаны и грязную рубашку с закатанными рукавами. Босые ноги покрывала белая пыль.

— Ты не знаешь, где живут лирры? — спросил Ур.

— Знаю, — кивнул паренек.

Он держался насторожено и постоянно переводил взгляд с Гриши на Ура и обратно. На Назифу взглянул лишь раз и то вскользь. В голубом платье она выглядела не так вызывающе-сексуально, как раньше.

— Как тебя зовут, дружище? — Гриша дружелюбно улыбнулся.

— Варлей, — тихо ответил он.

— О, Варлей из Варавии! А я — Гриша. Это Ур, а та милая прелестница — Назифа. Ты куда идешь?

— Домой.

— А откуда?

— Оттуда, — махнул он рукой влево.

Гриша понял, что Варлей не горит желанием общаться, поэтому поблагодарил и двинулся дальше. Следом потянулись Ур с Назифой. Они успели уйти всего на пару десятков шагов, как Варей догнал их и попросил:

— Можно мне с вами? Одному страшно.

— А нам по пути?

— Да-да, — закивал он. — Мне в Верогу. Там в лесах и живут лирры.

Гриша посмотрел на друзей: Ур пожал плечами, Назифа скорчила недовольную мину. Но Варлей с такой надеждой смотрел на него, что юноша не смог отказаться. Он глубоко вздохнул и кивнул.

— Спасибо! — воскликнул Варлей. — Не волнуйтесь, я мало ем.

Только сейчас они обратили внимание, что с собой у паренька ничего не было. Даже воды.

«И что это я такой добренький стал? Воздух здесь, что ли, другой?»

Он вытащил из мешка, висящего за спиной Ура, лепешку, кусок мяса и протянул Варлею. Тот смутился, но сразу же взял и, отвернувшись, начал жадно есть.

— Ты можешь сказать, откуда идешь? — еще раз попытался выведать Гриша.

— С карьера. Мы камень стачиваем для храмов.

— А-а-а, я читал об этом! — воскликнул Ур. — Ходят легенды о величественных храмах в тропических лесах Варавии. Я бы хотел их увидеть!

— Ничего особенного, — ответил парень. — На каждом шагу эти храмы. Не понимаю, зачем их строить? Толку никакого.

— Расскажи, как их строят? Мне очень интересно, — попросил Ур и весь обратился в слух.

— Ну, сначала расчищают площадку: с корнем вырывают деревья, затаптывают норы зверья. Затем мы стачиваем каменные блоки и тащим через пустыню в лес. А потом эти храмы просто стоят. Пустые.

— Нет, не пустые! — возмутился Ур. — В них закладывают статуи наших Богов. Только так их можно хранить, иначе они обидятся.

— Кто? Боги? Ты видел хотя бы одного? — Варлей усмехнулся и дотронулся до плеча Гриши. — Дай еще лепешку.

Глава 16 Может, хватит делать добро?

Через час трава и кусты уже покрывали всю землю вокруг. На закате они подошли к озеру, изогнутому в виде подковы.

— Хорошее место для ночевки, — Гриша снял бурдюк с лиррами, опустился на землю и привалился спиной к стволу раскидистого дерева. — Нога снова заболела.

Он снял сапоги и с наслаждением подвигал пальцами. Больная нога снова припухла, но синяка уже не было.

— Варлей, далеко еще до Вероги? — спросил Ур, собирая хворост для костра.

Парень стоял по колени в воде и умывался.

— Нет, уже близко. Часа два ходьбы, не больше. А вы-то сами откуда идете?

— С Груфу.

— А, знаю. В нашем городе живут несколько семей оттуда. Говорят, там демон поселился. Это правда?

— Его уже там нет.

Грише очень хотелось похвастаться, что это они его прогнали, но он так устал, что решил не вмешиваться в разговор и закрыл глаза. Назифа опустилась рядом с ним и прошептала:

— Будем дежурить. Поспи пока, тебя последним разбужу.

Гриша кивнул и сразу же уснул, хотя был голоден. Снилось ему родная деревенька. Будто стоит он посреди дороги, а навстречу ему стадо коров. Раннее утро, туман стелется над землей. Коровы изредка мычат, выпуская изо рта клубы пара.

— Где же пастух? Как же без пастуха? Заплутают ведь! — встревожился он.

Но тут мимо проходящая рыжая безрогая корова поднимает голову и говорит:

— Берегись! Сам не заблудись.

Вдруг его резко потрясли за плечо, и Гриша проснулся. Над ним нависала Назифа:

— Вставай. Твоя очередь.

— Да я только глаза закрыл! — возмутился он и потер затекшую шею. — Пусть Ур подежурит.

— Скоро рассвет. Уже вся ночь прошла. Вставай! — она больно ткнула кулаком в плечо.

— Встаю, встаю, — пробубнил он и сел.

В двух шагах от него, на берегу озера, догорал костер. Ур храпел, прижимая к груди лирров. Назифа легла чуть поодаль и накрылась с головой покрывалом, которое они сняли с седла верблюда. Варлей вышел из кустов, подтягивая штаны.

— Ты почему не спишь? — зевая во весь рот, спросил Гриша.

— Привык рано вставать на работу. Мне хватает пару часов, чтобы отдохнуть.

— Мне бы так. Уже столько дней не могу выспаться, — пожаловался он.

— Ложись спать, а я подежурю. Все равно не спится.

— А ты точно не заснешь на посту?

— Нет, конечно. Ложись, отдыхай.

Гриша поблагодарил и, свернувшись калачиком, снова заснул. На этот раз ему ничего не снилось, а проснулся он от грубого толчка по ребрам.

— Э-эй! — возмутился он и схватился за ушибленное место.

Назифа выглядела такой злой, что Гриша понял — случилось непоправимое.

— Ты чего дерешься? — сипло спросил он.

— Плешивый ишак! Вонючий боров! Безродный головастик!!!

Гриша отполз подальше от девушки, встал на ноги и обратился к Уру, стоящему неподалеку:

— Хотя бы ты скажи, что произошло?

— Варлей забрал наши вещи и сбежал, — грустно ответил он и погладил лирра, уткнувшегося в его плечо.

— Все?!

— Почти. Остались только кинжалы у Назифы на поясе.

— Это ты виноват! Была твоя очередь дежурить, а ты, как обычно, завалился спать. Теперь у нас нет ни золота, ни еды, ни лекарственных порошков. НИ-ЧЕ-ГО!!! — она раскраснелась, сжала кулаки и не сводила испепеляющего взгляда с юноши.

— А сабля? Моя сабля?

— Ее тоже нет. Как и кистеня, — вздохнул Ур. — Варлей мне сразу не понравился. На карьерах часто работают преступники.

Гриша обошел стороной Назифу, чтобы не попасть под горячую руку, и подошел к библиотекарю.

— Может, попытаться его найти? Он наверняка недалеко ушел. Сундук хоть и маленький, но тяжелый.

— Не найдем. Он же местный, все тропы знает.

Сзади послышались всхлипы. Назифа прижалась к дереву и плакала. Гриша не знал, как себя вести. Девичьи слезы всегда выбивали его из «седла». Он сорвал цветок, подошел и протянул ей со словами:

— Ну ты это... Прости дурака. Бес попутал.

— На что мне твои извинения? — она выхватила цветок, смяла его и бросила на землю. — Все напрасно.

— Как это — напрасно? Столько жизней спасли! Вспомни того с щупальцами, а людоеды. Я уже не говорю про демона и того вонюче-волосатого. Мы сделали много хорошего, а оно обязательно вернется.

Она перестала плакать, но все также прижималась к дереву.

— Я обещаю, что отдам тебе свою часть монет, которые заплатит наместник Эль-Кара.

— Не снимай кожу с крокодила, если хвост до сих пор шевелится, — глухо отозвалась она.

Гриша поджал губы и почесал затылок.

— А-а-а, понял. У нас говорят: не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Но я несколько не сомневаюсь, что с тобой мы обязательно победим!

Назифа усмехнулась, вытерла слезы и кивнула:

— Нет смысла горевать о прошлом. Надо идти дальше. Может, ему золото нужнее. Но если я его встречу, то...

Она прищурилась, поджала губы и подняла вверх кулак. Юноша невольно сглотнул и решил не вдаваться в подробности того, что же произойдет с Варлеем.

***

— Как город называется?

— Верогу, — ответил Ур.

— Варавия, Варлей, Верогу — уже запутался в названиях. У них что, фишка такая на букву «в» давать имена и названия?

— Я не знаю. Никогда не был в этих краях.

— Эх вы, домоседы. Мы же почти всю вашу землю пешком обошли. И всего за несколько дней. А я пару лет назад с батюшкой и Лизкой в Баден-Баден ездил. Так недели три на каретах добирались. А вы пешком пару дней прогуляться не можете.

— Что вы делали в этом Бадене?

— Отдыхали. Развлекались.

— А дома вам запрещено отдыхать и развлекаться? — удивился Ур.

— Нет, но там же интереснее. Другое государство, другие обычаи, даже девушки не такие, как дома.

— У нас так не принято. Лучше дома — ничего нет. Я бы с вами не пошел, если бы не демон.

Вскоре деревья расступились, и они очутились на краю долины. Между большими, поросшими лесом, холмами, находился город. Он не был огорожен стеной, как Груфу, и больше походил на Эль-Кар. Каменные домики с разноцветными крышами выстроились ровными рядами вдоль узких улочек. В центре каждого перекрестка стояла статуя или небольшой фонтан. Плодовые деревья росли на каждом шагу. С них падали созревшие фрукты, и дети гоняли их вместо мяча.

— Как здесь хорошо, — сказала Назифа и погладила мимо пробегающего мальчонку.

— И еды много, — Гриша сорвал грушу, висящую над головой. — Надо у кого-нибудь спросить, где лирры живут.

Он подошел к старушке, раскладывающей свежий хлеб на стол у дверей дома.

— Здравствуй, бабушка! — улыбнулся он.

Но та отпрянула, выставила перед собой пустую корзину и проскрипела:

— Ты кто такой?

— Меня Гриша зовут, а во-он там мои друзья: Ур и Назифа. Я всего лишь хотел спросить, где живут лирры?

— Зачем они тебе? Золото хочешь найти? Это дурное дело, дурное. Ничего хорошего от них не стоит ждать. Ты лучше хлебушка свежего купи. На сыворотке и масле испекла. Ни у кого нет такого вкусного хлеба! Вот любого спроси, каждый подтвердит, что у донны Виолы самый вкусный хлеб во всей Варавии, а не только в Вероге.

— Донна Виола, у меня денег нет. Может, подаришь нам одну буханку? Нас местный паренек ограбил. Унес ...

Но она замахала рукой, будто отгоняла ворону:

— Иди-иди-иди. Нет денег — нет хлеба. Иди, чужеземец, а то покупателей пугаешь, своей белой головой.

Гриша хотел высказать ей все, что он думает о ней, о Варлее, о демоне, об этом мире и о том, что негоже человека с родной усадьбы воровать и подкидывать куда вздумается. Он набрал полную грудь воздуха и хотел вывалить длинную тираду ругательств, но услышал свист и повернулся на звук. Худенькая девушка с большими черными глазами поманила его пальчиком и исчезла за домом на другой стороне дороги.

«Что она от меня хочет? — подумал он, посмотрел на Ура и Назифу, уплетающих сладкие сочные груши и не обращающих на него внимания. — Может, хлеба хочет дать? Ух, старая карга! Столько напекла и пожалела голодным путникам. Чтоб тебе пусто было,

ведьма!»

Юноша подошел к дому и заглянул за угол. Девушка ждала его и юркнула в еле заметную дверь. Он подошел к деревянной двери, но заходить не спешил. Ему вдруг пришло в голову, что его снова хотят ограбить.

«Нарочно заманивает в ловушку. Что-то не нравится мне этот народец. И почему Ур хорошо о них отзывался? В книжках о плохом не напишут, вот он и живет с шорами на глазах».

Однако любопытство пересилило осторожность. Он приоткрыл дверь, заглянул внутрь, но ничего не увидел. В двух шагах от двери висели плотные темно-зеленые шторы, где-то в глубине здания слышалась музыка.

«Так, ладно. Раз пришел, то пойду до конца. Все равно у меня нечего красть...Разве только розовую кофточку».

Гриша отодвинул шторы и остановился, как вкопанный. Полукруглая комната с высокими потолками и красными стенами светилась от множества свечей, расставленных повсюду: на люстре, висящей под потолком, на подсвечниках, стоящих в углах, в блюдах на барной стойке и на клавишном инструменте, напоминающей фортепиано. На мягких бежевых диванах и на высоких стульях сидели девушки. Одни со скучающим видом глазели на улицу, в щель между красными шторами, другие пили из хрустальных чаш, а третьи подпевали взрослой тучной женщине, играющей на музыкальном инструменте.

Вдруг перед ним возникла та самая девушка с большими глазами, схватила за руку и потянулась внутрь.

— Милые, у нас гости! — звонко закричала она. Девушки резко повернулись. Грише они напомнили гончих на охоте, когда те слышали дичь.

За секунду из обычных скучающих женщин, они превратились в опытных соблазнительниц. Девушки вскочили и, плавно покачивая бердами, окружили его. Полные груди с трудом удерживались в маленьких тесных лифах. Полупрозрачные ткани не скрывали, а, скорее, оголяли точенные фигурки.

— Какой хорошенький! — мелодичным голосом сказала одна с золотой серьгой в носу и бесстыже провела рукой по его груди. — И сильный.

— Посмотрите, какие золотые волосы! — воскликнула другая, запустила руку в его шевелюру и помассировала голову.

«А это приятно», — с удивлением подумал Гриша и, откашлявшись, представился:

— Дворянин, юнкер Михайловский Григорий Степанович. Очень приятно оказаться в окружении столь очаровательных нимф!

Музыка перестала играть. Тучная женщина встала из-за инструмента, подошла и, оценивающе оглядев его с головы до ног, сказала:

— Ты в «Доме неги и блаженства» донны Витории. Это я. Наш девиз: ни один мужчина не уходит от нас неудовлетворенный!

— Хороший девиз, — похвалил Гриша и вздрогнул, кто-то нежно погладил его по ягодице. — Я бы даже сказал: лучший из всех, что я слышал.

— Не стой в дверях. Проходи и присаживайся.

Две прелестницы взяли его под руки и проводили до дивана. Остальные разбежались и вскоре вернулись с подносами и кувшинами.

— Вот за это спасибо!

Девушки уселись у его ног, протягивая подносы с едой. Там было жареное мясо,

несколько видов сыров, лепешки, разнообразные фрукты и сладости. Гриша с жадностью набросился на еду. В это время донна Витория села за инструмент и снова полилась приятная мелодия.

— Откуда вы? — спросила остроносая девушка с пухлыми розовыми губами.

— Далеко, очень далеко, — махнул рукой Гриша и отпил из протянутой чаши сладкое вино.

— Вы такой красивый, — томно сказала на ухо брюнетка с черными глазами и призывно облизала губы.

— А у вас везде волосы такого солнечного цвета? — спросила та, что массировала ему голову. — Интересно было бы посмотреть.

Юноша что-то пробубнил, разжевывая сочное, в меру перченое мясо. Затем взял двумя пальцами истекающую медом ореховую сладость и положил рот. Вдруг одна из девиц схватила его руку и принялась облизывать и обсасывать медовые пальцы. Тут же кто-то начал гладить и целовать шею, а брюнетка заскользила рукой вверх от колена к паху.

Гриша не мог поверить, что это происходит на самом деле и даже ущипнул себя. Но вспомнил про Назифу и Ура и охрипшим голосом спросил:

— Можно я друзей позову? Они тоже голодные. Нас обокрали ночью.

Поглаживания и поцелуи сразу же прекратились. Девушки отпрянули от него и так изменились в лице, будто он превратился в нечто мерзкое и противное. Донна Витория перестала играть, медленно повернулась и угрюмо спросила:

— У тебя нет денег?

Гриша понял, что поторопился с признанием и чуть не ударил себя от досады. Но отступить было поздно, поэтому он кивнул и упавшим голосом ответил:

— Денег нет. Приютили паренька, а он нас ограбил. Унес золото, еду, оружие. Короче, все.

Подносы и кувшины исчезли вместе с девушками, а оставшиеся схватили его за руки и грубо поволокли к двери.

— Убирайся! Вон, отребье! — кричали они.

На спину посыпались удары маленьких кулачков, а у самого выхода кто-то ухитрился пнуть его под зад. Гриша вылетел на улицу и дверь за ним с грохотом захлопнулась.

— Вот те на! А сначала такими милашками показались, — он вышел из-за угла и увидел друзей, обеспокоенно ищущих его взглядом.

— Где ты был? — набросилась Назифа. — Мы уже начали волноваться.

— Да так, неважно, — признаться было стыдно, поэтому он поменял тему разговора. — Выяснили, где живут лирры?

— Да. В лесу за городом, — ответил Ур и погладил зверька, которого держал в руках. — Грустно с ними расставаться. Как родные уже.

— А мне не грустно! Это из-за них мы постоянно попадаем в беду, — возмутилась Назифа.

— Ты хотя бы грушу съешь. Тоже ведь голодный, — Ур сорвал с дерева фрукт и протянул Грише.

Тот, чтобы не выдать себя, поблагодарил и мигом съел сочащуюся сладкую грушу. Город оказался узким, но длинным. Улица закончилась небольшой площадью, за ней шла следующая. Так они прошли три улицы, а до конца города так и не дошли. Наконец, решили напроситься к кому-нибудь в гости и отдохнуть.

— Приветствуем вас, — Ур поклонился пожилой паре, сидящей на крыльце и перебирающей крупу.

— И вам здравствовать, — откликнулся седовласый мужчина и с интересом посмотрел на троицу.

— Мы идем из Груфу в Эль-Кар и заглянули в ваш город по делам. Ночью нас ограбили, поэтому мы не можем позволить себе гостиный дом. Не пустите ли нас отдохнуть?

Он наклонился к жене, и они шепотом перекинулись парой фраз.

— Хорошо, заходите. Мы как раз собирались приготовить похлебку, — он кивнул на крупу, встал и поманил рукой.

Обрадованные путники не заставили себя долго ждать и вслед за хозяевами зашли в невзрачный домик. Обстановка была самая простая и говорила о небольшом недостатке: две узкие кровати, длинная лавка под окном, стол, три стула и кованный сундук.

Мужчину звали Кун, а его жену — Садики.

— Неужели не на букву «В»? — не удержался Гриша и Кун объяснил, что они тоже не местные и в молодости, во времена «Битвы Светлых», перебрались сюда жить.

— В первые годы я тоже путал все имена и названия, — улыбнулся он. — Эта улица называется Воролеева. А соседняя Веригеева. наших друзей зовут Вадон и Витория.

— Витория?

— Да. Вы слышали о ней? Говорят, ей принадлежит блудный дом возле площади Визигры, но она отрицает, и я ей верю. Такая хорошая и добрая женщина не может заниматься грязным делом.

Гриша с трудом сдержался, чтобы не вывалить все, что осталось на душе после посещения этого дома.

«Ага, хорошая женщина. Девиз у них видите ли: «ни один мужчина не уходит от нас неудовлетворенный». Враки! Даже еду отобрали, не говоря уж о другом».

Ур начал расспрашивать о местных обычаях и достопримечательностях, а Назифа пошла на кухню помогать хозяйке.

Вскоре пожилая Садики поставила на стол тарелки с горячей похлебкой и нарезала черствый зерновой хлеб.

— Угостить вас нечем, — принялся оправдываться Кун, показывая на скудную пищу. — Денег едва хватает на налоги и еду.

— У вас большие налоги? — Гриша попробовал пресную жижу серого цвета и грустно вздохнул, вспомнив мясо донны Витории.

— Огромные. Наместник забирает почти восемьдесят частей заработанного.

— Восемьдесят! — Ур аж подпрыгнул от негодования. — Как такое возможно! Почему вы не откажетесь столько платить?

— Как мы можем отказаться, если деньги идут на строительство храмов? Без них Боги перестанут помогать, и пустыня поглотит наши плодородные земли.

Друзья переглянулись, но не стали уверять в обратном. Если люди во что-то свято верят, то любое вмешательство в их веру вызовет отрицание, агрессию и страх.

Когда они поели, Ур взял хлеб, разломал на несколько кусков и засунул в бурдюк с лиррами. Те, зашевелились и захрустели.

— Кто там у вас? — поинтересовалась Садики.

Ур развязал мешок, и белые пушистые зверьки высыпались на пол.

— ЛИРРЫ!!! — завопила женщина и выбежала из дома.

Через несколько секунд она вернулась с острыми вилами и бросилась на испуганных лирров.

Глава 17 Кручу, верчу, запутать хочу!

— Что вы делаете?! — Гриша схватил стул и отразил удар ошалелой женщины.

— ВОН!!! Пошли вон из моего дома! — завизжала она, все еще пытаясь проткнуть вилами зверьков.

— Успокойтесь! — Назифа с силой отобрала вилы и схватила Садики за плечо. — Что случилось?

Женщина закрыла лицо руками, зарыдала и ушла на кухню. Ур загнал зверьков обратно в бурдюк.

— Уходите, — сурово сказал Кун. — Если бы я знал, что у вас собой лирры, то не пустил бы даже на крыльцо.

Ур прижал кожаный мешок к груди и засеменил к двери, Назифа поставила вилы в угол комнаты и вышла за ним.

— Спасибо вам за гостеприимство, — без тени издевки сказал Гриша. — Мы не знали, что вы так не любите лирров.

— Не любим? Мы их ненавидим! — Кун сжал кулаки до хруста. — Эти твари убили нашего ребенка!

— Съели?! — ужаснулся юноша и вспомнил обглоданные кости куриц и горного козла.

— Почему съели? Беду привели.

— Если хотите рассказать, то я вас выслушаю, — сказал Гриша и сразу же пожалел об этом.

«И кто меня вечно за язык тянет? Надо было с Уром уйти».

Пожилой мужчина опустился на лавку и указал ему на стул. Юноша послушно сел.

— Нашей малышке было пять лет, когда к дому пришел лирр. Смешной, пушистый, песни пел... Доченька уговорила нас оставить его дома. Мы с Садики слышали плохое, но думали, что это суеверия. Потом мы горько пожалели.

Слова давались с трудом, но он продолжал:

— Через несколько дней она заболела. Сухой кашель мучил ее день и ночь. Затем появились красные пятна на ее нежной бархатистой коже. Через несколько дней она умерла. А лирр пропал. Принес нам горе и ушел. Я хотел найти и убить их всех! Но меня остановили. В лес, где живут эти твари, никто не ходит. Оттуда очень трудно выбраться. Будто сама природа не хочет, чтобы эти монстры оттуда выходили.

Гриша тяжело вздохнул. Ему стало жаль этих людей, но он не мог предать лирров.

— Мы просто несем их домой. Они спасли нас от смерти и помогли найти демона. Просто скажите, куда идти? Как найти тот самый лес?

Кун поднял на него слезящиеся, с красными прожилками глаза, и ответил:

— Когда выйдете из города, идите по левую руку к вершине холма. Где-то там они и живут. Кроме охотников за золотом к лиррам никто не ходит, поэтому тропинку не найдете.

Гриша встал и протянул руку:

— Спасибо вам.

Кун крепко пожал своей сухой с выступающими жилами рукой и тихо попросил:

— Не ходите к лиррам. Пропадете.

Юноша кивнул и размашистым шагом вышел на улицу. Краешек солнца висел над домами, друзья стояли на дороге.

— Что так долго? — упрекнул Ур. — Мы уж решили, что ты там остаешься.

— Они думают, что из-за лирра умерла их дочка, поэтому так ненавидят.

— Я бы тоже хотела быстрее избавиться, — тихо сказала Назифа. — Думаю, это они притягивают неудачи.

— Скоро закат. Что будем делать?

— Переночуем где-нибудь.

— Где? Думаю, нас никто не пустит с таким грузом.

— А мы их и спрашивать не будем, — грозно ответила Назифа и зашагала по улице, обходя влюбленных парочек, в обнимку прохаживающихся под деревьями.

***

— Что ты собираешься делать? — шепотом спросил Гриша, когда Назифа воспользовавшись тем, что на улице темно, начала заглядывать в окна.

— Ищу одиноких людей.

— Зачем?

Но она не ответила и на полусогнутых перебежала на другую сторону дороги. Ур неспеша шел в центре улицы и с любопытством наблюдал за девушкой.

— Она что-то задумала, — сказал Гриша и чуть не наступил на спящую собаку. — И мне это не нравится.

— Да ладно тебе. Просто хочет попроситься на ночь.

Тут Назифа свистнула и замахала рукой. Гриша и Ур подбежали к девушке, пригнувшись у забора. В окне маленького домика горел свет. За столом сидел худой мужчина и что-то шил большой иглой.

— Ждите меня здесь, — прошептала она, открыла калитку и прокралась во двор.

— Ох и не нравится мне это, — выдохнул Гриша.

На этот раз Ур согласился, напряженно всматриваясь в темноту. Девушка поднялась на крыльцо, медленно открыла дверь и забежала в дом. Мужчина в окне испуганно вскочил и поднял руки вверх. Назифу не было видно, но он что-то говорил и кивал головой.

Через минуту дверь открылась и Назифа позвала:

— Заходите гости дорогие.

— Что ты сделала? — зло прошептал Гриша, проходя мимо нее, но та лишь улыбнулась.

Мужчина продолжал стоять на том же самом месте, сжимая иглу в руке. Назифа опустилась на кровать, поигрывая кинжалом.

— Вот здесь мы и будем ночевать. Как тебя зовут? Я забыла.

— Вазарон, — зычным голосом ответил мужчина, вытянувшись, как струна, и напряженно всматриваясь в лица друзей. — Я вас не звал.

— Ну конечно не звал, — кивнула девушка. — Ты просто не знаешь, как нас зовут. Я — Назифа, вон тот молодой и красивый — Гриша, а умный — Ур. Мы «Охотники за демонами» и тебе выпала честь помочь нам в борьбе со злом.

— Правда? — недоверчиво спросил он.

— Конечно! Разве эти глазки могут врать? — она томно посмотрела на него и подмигнула. — Нам нужна крыша над головой, а утром мы уйдем и больше тебя не потревожим.

— Обещаете?

— Обещаем-обещаем, — подтвердил Гриша. — Устал, как бык-осеменитель после

смены.

Он сел на пол, стянул сапоги и попросил:

— Я могу и на полу поспать, только дай подушку.

Уже через полчаса они рассказывали новому знакомому свои приключения, попивая приторно-сладкое пиво. А тот слушал с широко раскрытыми глазами и продолжал латать сеть.

— Да-а-а, — наконец сказал Вазарон. — Вы — настоящие герои. Я бы не смог. Если честно, то после встречи со скорпионами дальше бы не пошел.

— А ты чем занимаешься? Рыбу ловишь? — кивнул Гриша на сеть.

— Нет, птиц. Я охотник.

— О, тогда ты должен хорошо знать лес! — воскликнула Назифа.

— Да. Облазил всю округу, знаю: где какие птицы живут, где их гнезда, где токуют.

— Отведешь нас к лиррам?

Вазарон изумлено уставился на девушку и через мгновение замотал головой:

— Нет-нет, даже не просите!

Друзья разочаровано выдохнули и начали укладываться спать. На этот раз Ур оставил мешок с лиррами на улице у крыльца.

Утром, едва солнце осветило небо, хозяин дома разбудил их.

— Вам пора. Но я бы на вашем месте не ходил в лес лирров. Сам не сталкивался, но говорят о них плохо. Думаю, не зря.

— Мы не будем задерживаться. Отпустим и сразу назад, — заверил Гриша.

— Так они у вас собой?!

— Не волнуйся, — постарался успокоить его Ур. — Я их на улице оставил, поэтому беду в дом не принесут.

— Можно на них посмотреть? — шепотом спросил Вазарон.

Они вышли на улицу и Ур развязал бурдюк. Из широкой прорези на них уставились зверьки и жалобно попросили:

— Есть. Хотим есть.

Вазарон испуганно отпрянул и зашептал:

— Они разговаривают. Прямо, как мы. Невероятно! Я их представлял совсем по-другому.

— Страшными и кровожадными? — усмехнулся Ур и вытащил одного. Лирр обхватил лапками его лицо и потерся носом о подбородок. — Мне будет трудно с ними расставаться. Я их полюбил.

Друзья поблагодарили Вазарона и зашагали к лесу, видневшемуся вдаль. На окраине города никто не жил: разрушенные дома возвышались каменными кучами из высокой травы, покосившиеся заборы покрывал зеленый мох. В воздухе витали ароматы цветов и влажный запах леса.

— Как здесь хорошо, — сказал Гриша и погладил ствол толстого дерева с потрескавшейся корой.

Назифа смахнула с лица паутину и брезгливо поежилась:

— А мне не нравится. Такое ощущение, будто по мне постоянно кто-то ползает. Уж лучше по пустыне ходить, чем по лесу.

Ур вытащил лирров из мешка и нес на руках. Те смиренно сидели и с интересом смотрели вокруг. С каждый шагом лес становился гуще и идти было все труднее. Им постоянно

приходилось нагибаться и продирались под поваленными деревьями, или обходить глубокие овраги, а холм резко пошел вверх.

— Ах, гребучий змей! — выругалась Назифа и подула на глубокую царапину на руке. — Может, здесь их оставим? Пусть дальше сами идут.

— Согласен, — кивнул Гриша, подошел к Уру и наклонился к лиррам. — Зверята, вы сможете найти своих?

— Там! Там! Там! — заверещал один из них и показал лапкой вперед.

Сколько друзья не всматривались, кроме деревьев ничего не увидели.

— Ну ладно, пройдем еще немного, — решил юноша.

Они поднялись шагов на десять и слышали шум воды. Вскоре перед ними развернулось удивительной красоты место со сверкающим на солнце водопадом и прозрачной рекой. На обоих берегах было множество нор, соединенных друг с другом дорожками. Кусты с ярко-желтыми цветами и деревья с фиолетовыми листочками окаймляли небольшую площадку, на которой сидели лирры с закрытыми глазами и монотонно гудели. Зверьки спрыгнули с рук Ура и с радостными писком бросились к своим. Те недоуменно уставились на вновь прибывших, но уже через пару секунд повскакивали с мест и окружили их. Крупный, серого цвета лирр замурлыкал мелодию и остальные присоединились.

— Пойдемте отсюда, — прошептала Назифа. — Неизвестно, как они захотят нас отблагодарить. У меня всего шесть кинжалов, а их не меньше полусотни.

Юноша поддержал, но Ур порывался подойти и попрощаться:

— Всего два слова и все. Я буду скучать. А кто же будет о них заботиться? Может, заберем их обратно? Со мной им будет гораздо лучше, а здесь их будут обижать. Особенно вон тот серый.

Гриша и Назифа подхватили его под руки и поволокли обратно в лес.

— Приди в себя, — грозно сказала девушка. — Или я помогу.

Ур печально вздыхал и оглядывался назад, пока лес не обступил их со всех сторон, а мелодия лирров не затихла.

— Осторожно, я плечо об него поцарапала, — ткнула она пальцем в острый сук, торчащий из дерева. — Жаль, нет лечебных порошков. Они нас здорово выручали.

Спускаться вниз было гораздо легче и быстрее, но они никак не могли дойти до подножья холма. Солнце виднелось между кронами деревьев прямо над головой.

— Мне кажется, или мы должны уже были выйти к городу? — спросил Гриша.

— И я так подумал, — признался Ур.

Назифа повернулась к ним, ахнула и схватилась за плечо.

— Опять поцарапалась, — захныкала она. — На том же самом месте. Погодите... Этот тот же сук!

Острый сук торчал из дерева. Кончик был красный от крови Назифы.

— Не может быть. Это другое дерево, — махнул рукой Гриша. — Мы же вниз спускаемся, а не кругами ходим.

Солнце плавно опускалось за спину, а они все шли и шли. У Гриши мурашки побежали по спине, хотя он весь взмок:

— Похоже, мы потерялись. Но не пойму, как? Мы поднялись по прямой и спускаемся по прямой.

— Только спускаемся уже в два раза дольше, чем поднимались. Что-то здесь не чисто, — Ур задрал полы накидки, чтобы не цеплялась за ветки и кусты, и теперь его ноги

были все в красных царапинах.

Назифа вдруг остановилась, как вкопанная, и показала куда-то пальцем. Гриша подошел к ней, присмотрелся и шепотом спросил:

— Что там? Я ничего не вижу.

— Ты не туда смотришь, — она схватила его за подбородок и повернула вправо. — Сук. Тот самый сук, о который Назифа поцарапалась дважды, торчал из толстого дерева с узкими редкими листочками. Кончик был красный.

— Мы попали в ловушку, — тихо сказал юноша и закрутил головой. Ему стало казаться, что за ними со всех сторон наблюдают. Звуки леса начали пугали: где-то скрипнуло, над головой зачирикала птичка, ветер шумел в кронах деревьев.

— Что будем делать? — подала голос Назифа.

— Вернемся и попросим помощи у лирров, — предложил Ур.

Гриша согласился, и они вновь зашагали вверх. Прошло больше часа, но друзья не нашли ни водопада, ни реки, ни зверьков. Солнце тем временем скрылось за деревьями, наступил вечер.

— Пить хочется, — пожаловался Ур. — И есть.

— О, нет! — воскликнула Назифа и показала на дерево с сучком.

Страх, сковывавший сердце и мысли, превратился в ярость, и Гриша протянул руку:

— Дай мне нож!

Назифа послушно вытащила из пояса и отдала.

— Что мы, как дураки, ходим вверх и вниз? Пойдем прямо!

Он крепко сжал резную рукоятку и быстро зашагал вдоль холма. Ур и Назифа поспешили за ним.

«Не нравится мне все это. Ой, как не нравится! Надо было оставить их за городом, пусть бы сами шли. Ни еды, ни воды — ничего! А если не сможем выбраться? Не-ет, так думать нельзя. Это всего лишь лес. Лес!»

Гриша остановился у дерева и вырезал кусок коры, оголив бежевую древесину.

— Будем зарубки делать, — пояснил он. — Мы с Васей так отмечали, когда зимой в соседнее село ездили, чтобы не заплутать после пурги.

— Но чем это нам поможет? — удивился Ур.

— Не знаю. Но надо же хоть что-то делать!

Они съели два гриба, которые нашла Назифа и побрели дальше.

— Еще немного пройдем и спустимся вниз, — Гриша хотел сделать зарубку, но остановился с поднятым кинжалом в руке.

Ур и Назифа испугано переглянулись. Девушка быстро достала два кинжала и отдала один Уру.

— Не-е-ет!!! — Гриша воткнул кинжал в дерево. — Мы здесь уже были.

Друзья заглянули ему через плечо и увидели светлое треугольное пятно. Зарубку.

***

— Что будем делать? — осторожно спросил Ур Гришу. Тот сидел на траве, привалившись спиной к стволу.

— С утра попробуем еще.

— Ты думаешь, завтра мы сможем выбраться?

— Я думаю, что мы попали в большую беду. Надо было слушать местных.

Настроение у всех было прескверное. Назифа попыталась жевать траву, но сразу же сплюнула со словами:

— Жуткая горечь!

Стемнело. Яркие огоньки глаз мелких животных мигали то тут, то там. Какая-то ночная птица срывалась с ветки и стрелой бросалась на добычу. Затем слышался писк и звук раздираемой плоти.

Гриша закрыл глаза и вспомнил дом. Худосочные гончие с длинными носами мчались за его лошастью.

— Э-ге-гей! — кричал он от переполняющего восторга и сильнее пришпоривал вороного жеребца. От быстрой езды, ветра в ушах и мелькающих деревьев, перехватывало дыхание. Он закрыл глаза, раскинул руки и попытался почувствовать себя вольной птицей в небесных просторах.

— Сво-бо-да!!!

Гончие лаяли и пытались обогнать, превратившись в коричневые стрелы. Вдруг впереди появилась матушка. Красивая, молодая, в белоснежной сорочке. Она раскинула руки, будто пыталась поймать коня.

— Уйди, мама! Уйди!

Гриша схватил вожжи, натянул на себя и проснулся. Сердце билось, как сумасшедшее, пот стекал по виску и спине.

«Фух! Приснится же».

Он осмотрелся. Рядом с ним спала Назифа, свернувшись калачиком. Чуть поодаль храпел Ур. Гриша лег обратно и попытался успокоить сердцебиение.

«Чувствует, что я в беде, вот и пришла. Только не сможешь ты помочь, мамочка. Не сможешь».

Он закрыл глаза и почти уснул, но слышал какие-то далекие звуки.

«Птицы, что ли, раскричались?»

Звуки приближались и вскоре он смог их разобрать:

— Гри-ша! Гри-ша! Где ты? На-зи-фа!

Он вскочил на ноги и всмотрелся в ту сторону, откуда доносились крики. Вскоре факел мелькнул между деревьями, а потом еще один и еще. Три факела приближались к ним с криками:

— Гри-ша! На-зи-фа! Отзовитесь!

— Эй! Мы здесь! Здесь! — завопил во все горло Гриша.

Ур и Назифа испуганно дернулись и проснулись.

— Ты чего? — тихо просила девушка.

— Вставайте! Быстрее! За нами пришли!

Он побежал к людям, не обращая внимания на бьющие по лицу и телу ветки.

— Мы здесь!

Это были Кун с Садики и охотник Вазарон.

— Как вы нас нашли? — воскликнул Гриша. Садики передала свой факел мужу и крепко обняла юношу со словами:

— Живой. Слава Богам, живой.

Она также обняла Назифу и Ура, прибежавших следом.

— Я прождал целый день на окраине города, но, когда начало темнеть понял, что надо выручать, — сказал Вазарон.

— А мы дежурили у калитки, высматривая вас. На закате решили пойти навстречу. И тут встретили Вазарона.

— Какие же вы молодцы! — Гриша пожал руки мужчинам и только сейчас заметил у Куна большой моток пряжи. — А это зачем?

— Чтоб не заплутать, — пояснил Кун. — Пойдемте домой. Вы, наверное, устали.

Он отдал факелы Грише и Назифе, а сам медленно побрел, наматывая светлую пряжу на моток.

К удивлению троицы, через десять минут моток их вывел к окраине города. Кун отвязал пряжу от дерева и отдал Вазарону.

— Но как же так? Мы целый день ходили по лесу и должны были уйти очень далеко отсюда, — удивился юноша.

— Это проклятое место, — глухо сказала Садики. — Поэтому здесь живут проклятые создания.

Вазарон пригласил к себе переночевать. Друзья попрощались с супругами и по обещали обязательно зайти к ним утром перед дорогой.

Глава 18 Подарок? Интересненько

Друзья рассказали Вазарону о своих злоключениях.

— А как ты сообразил взять нитки? — спросил Гриша.

— У меня отец и брат не вернулись из леса. Они были опытными следопытами и охотниками, но не смогли выбраться. Если встать вон туда, — он показал в ту сторону, откуда пришли друзья. — То можно увидеть, что холмы небольшие, а сразу за ними начинается пустыня. Но еще никому не удавалось перейти левый холм. Я понял, что вы плутаете, и чтоб самому выбраться, взял нитки.

— Спасибо тебе, — Назифа крепко пожала руку Вазарона. — Если честно, то я уже решила, что никогда не выберемся. Если бы у нас не украли монеты, то мы бы обязательно расплатились с тобой.

— Я бы не взял, — замотал он головой. — Я живу один и мне на все хватает. А теперь ложитесь спать. Утром объясню, как быстрее добраться до Эль-Кара.

Гриша лежал на полу, подложив под голову пустой бурдюк, и никак не мог уснуть. Ур храпел на полу небольшой кухни, Вазарон постанывал и невнятно бормотал на длинной лавке, а Назифа сопела носом на кровати.

«А если я домой никогда не попаду? И за что мне такое наказание? Да-да, знаю за что! Надо было батюшку слушаться, примерно себя вести, поступить на службу в какой-нибудь Кавказский гарнизон и обязательно жениться на страшной, но нужной барышне... Погодите-ка! А почему я всем что-то должен, а мне? Мне кто должен? Не-ет, братцы, фигурки вам! Буду делать только то, что хочу. Жизнь у меня одна и молодость тоже. Вот женюсь на Назифе и останусь жить в Эль-Каре. А что? Город чистый, красивый. Демона убьем и заживем припеваючи».

Он встал попить воды и услышал шуршание.

«Мыши, что ли?»

Гриша прислушался и понял, что звук идет от двери. Кто-то царапал входную дверь.

«Может, кошка домой просится?»

На цыпочках, чтобы не разбудить друзей, он подошел к двери и отодвинул засов. На крыльце стоял белоснежный лирр.

— Ты что тут делаешь?! — воскликнул юноша, но тут же испуганно зажал рот рукой и обернулся. Вазарон недовольно пробурчал во сне, остальные даже не шелохнулись. Гриша вышел, прикрыл за собой дверь и прошептал:

— Мы же отнесли вас домой. Зачем ты сюда явился? Не надо приходить в город. Люди вас боятся. Забыл, как Садики бросилась с вилами? Если бы не Назифа, то лежали бы ваши трупы в выгребной яме.

Лирр кивнул и вытянул лапку.

— Что ты хочешь? Кушать?

— Возьми, — писклявым голосом сказал зверек.

Гриша пригляделся и увидел трубочку длиной с палец.

— Что это такое? — он поднял к глазам, силясь разглядеть.

— Один раз. Только один раз, — пропищал лирр, спрыгнул с крыльца и исчез в траве.

— Что один раз? — Гриша пожал плечами, спустился и подошел к калитке. Низкий плетеный забор терялся в кустах желеницы. Он наощупь нашел несколько ягод и отправил их

в рот. Столько невероятного, ужасающего и волшебного случилось в последние дни, что если бы перед ним появился черт, то Гриша бы не удивился.

Звезды дарили мало света, а уличных фонарей в этом городе не было. Редкие прохожие сновали с небольшими вытянутыми, как веретено, факелами. Он увидел парнишку лет пятнадцати и подозвал:

— Дружище, посвети мне.

Тот медленно подошел и опасливо глянул на незнакомца.

— Не бойся, — успокоил его Гриша. — Просто приблизься с факелом, хочу кое-что посмотреть.

Парнишка вытянул руку, и Гриша вытащил из кармана трубочку лирра.

— А-а-а, так это свисток.

— Красивый, — с завистью сказал парнишка. — Подарите?

Но Гриша не слушал его. На свистке из белой кости золотыми нитями были изображены какие-то знаки.

«Один раз... И что произойдет? А когда надо свистеть? Опять полно вопросов и ни одного ответа. Завтра Уру покажу, он умный и сообразит, что к чему».

Погруженный в мысли Гриша развернулся и медленно побрел к дому, забыв поблагодарить парнишку. Тот разочарованно выдохнул и поскакал по своим делам. Гриша запер дверь, спрятал подарок в карман и растянулся на полу. На этот раз сон опутал мгновенно, будто кто-то специально не давал уснуть, пока он не заберет у лирра подарочек.

***

Гриша проснулся от того, что заскрипели половицы под головой. Кто-то ходил по комнате.

— Дайте поспать, — буркнул он и повернулся на другой бок. В это самое время Назифа перешагивала через него, споткнулась и с грохотом упала на пол.

— Ах ты...

Юноша испуганно вскочил, но когда удостоверился, что с ней все хорошо, обиженно пробубнил:

— Сама виновата. И вообще, перешагивать — плохая примета, к ссоре.

— Верная примета, — она встала, потеряла бедро и вышла на улицу.

Ур тоже проснулся и теперь разминал затекшие мышцы. Хозяина дома нигде не было видно. Пока Гриша умывался, вернулась Назифа с тарелкой полной ягод.

— Там Вазарон идет, — кивнула она в сторону двери. — С подарком.

Гриша вспомнил ночной визит зверька, и достал свисток из кармана:

— У меня тоже есть подарок. Посмотрите, что ночью лирр принес.

— Какая красивая, — восхищено сказала Назифа, любясь перламутровым свистком с изящно выведенными знаками. — Интересно, как он звучит?

Она хотела поднести к губам, но Гриша резко выхватил:

— Лирр сказал: «Один раз. Только один раз». Не знаю, что должно произойти, но лучше оставить на самые худшие времена. Надеюсь, они никогда не наступят... А что за подарок принес Вазарон?

— Скорее, подарок принес Вазарона, — усмехнулась девушка.

Заинтригованные Гриша и Ур поспешили на улицу. Вазарон стоял возле забора и кормил морковкой коня.

— Вот это да! — юноша подбежал к коню и погладил по длинной морде. — Откуда?

— Выпросил, — отмахнулся мужчина.

— Никогда не видел здесь лошадей. Даже не знал, что они у вас есть.

— Они нужны только в Варавии, — ответил Ур и с опаской смотрел на гнедого красавца. — В пустыне лучше кататься на верблюде.

— Верблюды очень дорого стоят. У меня нет таких денег. А этого я в долг взял. Потом мясом верну.

— Спасибо тебе! — Гриша крепко обнял смутившегося мужчину.

Тот начал, как бы оправдываясь, говорить про добрые дела и невзгоды, выпавшие на долю троицы, но юноша уже не слушал его. Он любовно гладил коня и шептал ему на ухо ласковые слова. Во время завтрака к ним заявили супруги Кун и Садики. Они принесли целый мешок еды.

— Вот, наскребли, что смогли.

— Так много! — воскликнула Назифа. — Самим-то осталось?

— Мы не пропадем. Слава Богам, земля у нас хорошая. Всегда можно найти, что поесть. Не то, что в пустыне.

Тем временем, Вазарон налили два бурдюка воды, прикрепил к седлу коня и сказал друзьям:

— Не идите к реке.

— Почему? Как же мы доберемся до Эль-Кара? — удивился Ур.

— По пустыне, — Вазарон сел на корточки, взял палочку и начал рисовать на песчаной дорожке. — Мы вот здесь. Если будете идти к реке, то потеряете целый день. Лучше пройти прямо, вот так.

Он прочертил линию от одной точки, обозначающей Верогу, до другой — Эль-Кара.

— Но там болота! — возмутился Ур. — Никто не ходит в топи. Их не пройти!

Вазарон усмехнулся:

— Если бы люди так не боялись болот, то знали бы, что они давно высохли. Пустыня добралась и до них. Мы с отцом ловили там птиц, поэтому я точно знаю.

— Тогда мы доберемся до Эль-Кара меньше, чем за два дня! — радостно воскликнул Ур. — Наконец-то мы будем дома.

Гриша недовольно скривил губы, но ничего не сказал. Его дома здесь не было. Друзья попрощались с новыми знакомыми и пустились в путь.

— Ты был прав, — подал голос Гриша. Он вел за уздцы коня, которого назвал Бонапартом. — Здесь живут хорошие люди. Не все, конечно, но нам повезло.

Прохожие с интересом рассматривали их. Кто-то здоровался, кто-то приветливо улыбался, но были и те, кто подозрительно прищурился или отходил подальше. Гриша увидел знакомое грушевое дерево, растущее посреди дороги, а затем и девушку с большими глазами. Было видно, что и она его узнала, поэтому, когда они поравнялись, показала язык и скрылась за углом.

«Подумаешь. Скажи спасибо, что я признался раньше, чем вы меня обслужили... Да-а-а, зря я раньше признался. Чувствую, что многое упустил», — с досадой подумал он.

Через пару часов они вышли из города. Растительности становилось все меньше, пока совсем не пропала, припорошенная песком. Зато впереди показались храмы. Каждый храм состоял из семи ярусов камней, которые сужались к вершине.

Гриша обошел кругом первый храм и недоуменно спросил:

— А где вход?

— В храм нельзя входить. Внутри хранятся статуи Богов.

— И что? На них нельзя смотреть?

— Нельзя! — взвизгнул Ур. — Мы не должны их видеть. Они же Боги!

— Ну и бред. А как же тот, кто делал эти статуи? Он же их видел. И что с ним стало?

Уверен, что ни-че-го!

— Его убили, — тихо ответила Назифа, и библиотекарь кивнул:

— После того, как статуя сделана, скульптор помещает ее в храм. А потом его убивают.

— Зачем?! Что за варварство!

— Поэтому многие города отказались от храмов. Только в Варавии до сих пор сохранилась эта традиция. Уж очень они боятся пустыни. Хотя, как мы видим, песок обошел храмы и продолжает наступать на земли.

— М-да, не помогают вам Боги.

— А тебе помогает твой Бог? — взъерепенился Ур. — Попроси его вернуть тебя домой, а мы посмотрим.

Гриша погладил Бонапарта по загривку, посмотрел вдаль и кивнул:

— Помогает. Здесь я стал совсем другим и многое понял. Когда он вернет меня обратно, то...

— Если вернет, — ехидно поправил его Ур.

— Нет. Когда!

***

После полудня они дошли до болота. Как и говорил Вазарон, песок поглотил некогда губительную топь. Высохшие кочки с желтой травой торчали повсюду, насколько хватало глаз.

— Вот это да, — выдохнул Ур. — Как же врут наши карты! После того, как мы убьем демона, я выпрошу у наместника Табита людей, чтобы исследовать нашу землю. Горная гряда состоит не из трех гор, плодородные земли Варавии намного уменьшились, а самое опасное и непроходимое болото высохло. Что же будет дальше? Мужчины станут женщинами и начнут носить платья?

— Ты уже носишь платья, — усмехнулась Назифа.

— Это не платье!

В первое время они шли, проверяя землю, прежде чем наступить. Друзья не забыли о зыбучих песках, поглотивших верблюдов. Однако вскоре привыкли и перестали проверять.

— Я в одном свитке вычитал, что если умыться мочой в затмение, то годков десять можно сбросить, — сказал Ур.

— Ересь какая, — фыркнул Гриша.

— Ты думаешь, сколько мне лет, а? — хитро сощурился он.

Юноша внимательно посмотрел на библиотекаря и отметил глубокие морщины на лбу и между бровей, паутину мелких возле глаз и губ, дряблую шею, худощавое тело и потемневшие зубы.

— Ну-у, скажем пятьдесят пять — шестьдесят, — прикинул Гриша, но увидев ошарашенный взгляд тут же исправился. — Вернее, около пятидесяти пяти. Не больше пятидесяти пяти... Пятьдесят три?

— Мне сорок два! — возмущенно воскликнул Ур и зашагал вперед, бормоча себе под нос.

Назифа осуждающе поцокала языком и покачала головой:

— Мог бы и сорвать.

— И так соврал! — зашептал он. — Я вообще-то думал, что ему под семьдесят.

Девушка хмыкнула. Дальше они шли молча и опустив головы. Знойное солнце плавало песок и мозги путников.

— Сабли нет, поэтому тебе надо научиться метко бросать кинжалы, — через пару часов сказала Назифа.

Она ехала на коне, а Гриша шел рядом.

— Да, жалко саблю. И кистень твой тоже.

— Нет смысла жалеть о прошлом. На, возьми, — она протянула ему кинжал, переливающийся радугой на солнце. — Видишь, вон то высохшее деревце? Смахни с него последний листок.

Гриша недоверчиво посмотрел на девушку и рассмеялся:

— Очень смешно. Если я попаду в ствол, это уже будет очень хорошо.

— Ну попади хотя бы в ствол, — раздраженно выдохнула она.

Юноша остановился, прицелился и, задержав дыхание, бросил кинжал. Тот пролетел мимо деревца и воткнулся в песок.

— Это я только руку разминал, — он сбегал за кинжалом и бросил снова.

— Ну-у, уже немного лучше, — сказал Ур. — Ты снова попал в песок, как и хотел.

Гриша цыкнул на него и сходил за кинжалом.

— Тебе надо тренироваться, — нравоучительно сказала Назифа. — Постоянно ставь себе цели и пытайся попасть. Демон — не маленькое деревце. Если он будет близко, то ты обязательно попадешь. А если далеко, то...

Она покачала головой.

«Жаль, у них нет ружья. Вот из него я бы точно не промазал».

Когда начало темнеть, они остановились на ночлег. Назифа достала из мешка Куна и Садики, фруктовый пирог и жареное мясо. Ур налил свежей воды в кружки.

— Коню тоже надо дать воды, — сказал Гриша.

— Еще чего! Потерпит.

— Он не верблюд, — юноша отобрал у возмущенного Ура бурдюк, подошел к коню и начал понемногу лить в рот. Бонапарт сначала зафыркал, но вскоре понял, что он него требуется, задрал голову и стал пить, словно жеребенок молоко кобылы.

— Ты знаешь, как с ним обращаться, — похвалила Назифа.

— Я с пяти лет езжу на лошадях. Сначала с батюшкой или Васей, а потом уж сам. Сейчас у меня белогривый Пепел. До него была Зорька. А самого первого звали Бонапарт.

— Поэтому ты этого водохлёба так назвал? — усмехнулся Ур. — Чтоб дом напоминал.

— Да-а, — Гриша грустно вздохнул и засунул в рот коню кусок пирога. — Лучше дома ничего нет. До того, как сюда попал, только и думал о том, как бы вырваться из Вольгино и уехать в Петербург, например. Надел бы свою форму, отрастил усы, ходил бы по балам и игровым домам. А теперь понял, что милее дома — ничего нет. Банька, охота, ярмарки — красота!

— Вот прогоним демона и вернешься, — Назифа нарезала пластинками мясо и отправляла в рот.

— Ты так думаешь? — с надеждой спросил он.

— Конечно.

— А когда? Сразу, как он исчезнет, или чуть погодя?

— Мне-то откуда знать. Просто хотела тебя немного успокоить, — она отвернулась в сторону заката. Облака ловили последние лучи солнца и горели оранжевым огнем.

***

На ночь первым вызвался дежурить Гриша. Воспоминания о доме непрерывно проносились в голове. Вот матушка гладит его по голове и поет колыбельную. Свеча горит на столе и роняет крупные капли воска.

— А почему батюшки так долго нет? — тихонько спросил Гришка

— Государеву волю исполняет. Где бы он ни был, знает, что мы его ждем и скучаем. Только бы вернулся живым и здоровым, больше ничего не надо.

— А почему ты плачешь по ночам?

Мама опешила и не сразу нашлась, что ответить:

— Мне сон плохой приснился, потому и плакала.

— Больше не плачь. Хорошо?

— Хорошо, сыночек. Не буду.

Это был их последний разговор. Наутро дворовая девка Фекла нашла ее с перерезанным горлом. Кто-то прокрался в дом и убил жену генерала-лейтенанта Михайловского. Ничего не пропало, даже шкатулка с драгоценностями, которая стояла на столике у кровати. Степан Мефодьевич вернулся домой только через месяц со службы на Кавказе.

Гриша встряхнул головой, отгоняя страшное воспоминание. Затем, чтобы развеяться, начал ходить кругами, прислушиваясь к равномерному дыханию Назифы и тихому сопению Ура. Вдруг Бонапарт фыркнул и вскочил на ноги.

— Что такое? — юноша подошел к нему и погладил по загривку, пытаюсь успокоить. — Все хорошо, я рядом.

Но конь продолжал перебирать ногами, дергаться и вертеть головой. Гриша понял, что конь чувствует опасность. Поэтому схватил из пояса Назифы кинжал и замер, прислушиваясь. Однако вокруг царила тишина. Только ветерок гонял перекасти-поле с тихим шуршанием. Конь на время тоже присмирел, но потом снова начал бить по земле передними копытами.

— Эй, ребята, вставайте! — закричал Гриша. — Что-то здесь нечисто.

Назифа проснулась, вскочила на ноги и выхватила кинжал.

— Где он? — зло зашипела она.

— Кто? — не понял Гриша.

— Враг.

— Не знаю. Но Бонапарт беспокоится.

— Может, его муха укусила? — Ур зевнул и потянулся.

— Нет, он боится.

Вдруг, как бы в подтверждение его слов, конь громко заржал и попятился.

— Тише-тише, дружок. Мы тебя в обиду не дадим.

Теперь и Ур поднялся на ноги и обеспокоено начал озираться:

— Надо было костер развести.

— А я предлагала. Но ты же у нас умный. «Зачем привлекать внимание. Пусть лучше никто не знает, что мы здесь», — писклявым голосом передразнила Назифа библиотекаря. — Зато теперь мы не знаем, кто здесь.

Бонапарт резко взвизгнул и встал на дыбы.

— Успокойся! Боня, тише! — Гриша крепко держал его за уздцы, но конь и не думал успокаиваться.

Он без устали брыкался и мотал головой. Юноша погладил Бонапарта по шее, но тут же отдернул руку и отпрянул от коня:

— У него там что-то на шее.

— Что?

— Что-то скользкое и длинное, — его передернуло от отвращения. — И оно извивается. Конь плясал вокруг себя, мотал головой и испуганно ржал.

Глава 19 На краю жизни

— Боня, Боня, Боня. Стой, дружок! — Назифа пыталась успокоить коня, внимательно всматриваясь в его шею. — Я вижу. Это черная змея.

— Это не змея, — запротестовал Гриша. — Потрогай!

Девушка опасливо протянула руку и дотронулась до извивающегося черного гада.

— Фу-у-у. Ты прав. Это не змея. Оно холодное и в какой-то мерзкой слизи.

Гриша вновь схватил коня за уздцы, а второй рукой попытался смахнуть существо. Но оно крепко вцепилось в животное, а мягкое тело выскальзывало из рук.

— Подожди, я его срежу, — Назифа подошла к коню и подняла руку с кинжалом. — Держи Бонапарта. Лезвие очень острое, боюсь его поранить.

С другой стороны подошел Ур и схватил коня за гриву. Но Назифа вместо того, чтобы совершить задуманное, подскочила и, пронзительно визжа, заметалась по лагерю.

— А-а-а! Уберите! Уберите! — она задрала подол платья, и Гриша увидел, как с внутренней части бедра свисает еще одна черная туша.

— Ур, держи Бонапарта! — юноша метнулся к Назифе, упал перед ней на колени и схватил гада, но тот легко высвободился из крепкой хватки.

Девушка беспрестанно верещала и подпрыгивала:

— Как же больно! Он вгрызается в меня! Убери! А-а-а-а!!!

Гриша выбился из сил, но так и не смог оторвать тварь от ее ноги.

— Подожди! Я кинжалом попробую.

— Ты меня искромсаешь! — она уже не кричала, а в голос ревела.

— Замри, — тихо сказал он и воткнул острие кинжала в свисающее тело гада.

Тот начал сильнее извиваться, пытаясь ускользнуть, но из него потекла темная жидкость. Гриша поднимался все выше, с легкостью разрезая желеобразное тело на две половинки. Тварь дернулась напоследок и отвалилась. При слабом свете звезд Гриша разглядел круглую кровоточащую рану на бедре Назифа, затем посмотрел еще выше и присвистнул:

— Ты что, без трусиков?

— Не смотри! — возмущенно воскликнула она и сразу же опустила подол.

— Пока вы там развлекаетесь, тварь пожирает Бонапарта, — подал голос Ур.

Гриша в два прыжка подбежал к коню и наклонился к слизняку:

— Ого! Этот уже вырос раза в два.

Он проделал также, как и с Назифой, только жидкости в нем было в несколько раз больше.

— Это кровь коня, — кивнул Ур на потемневший песок.

Назифа подошла к ним, постоянно обшаривая глазами землю.

— Я боюсь. Вдруг опять укусят.

— Надо костер развести.

Сухой травы и высохших деревьев было много, поэтому уже через десять минут Ур чиркнул маленькими розовыми камнями, которые носил на шее в мешочке, и костер вспыхнул.

Бонапарт успокоился, и Гриша подвел его к огню, чтобы внимательнее рассмотреть рану на шее.

— Кровь заpekлась и не течет. Бедняжка, натерпелся.

Он развязал первый бурдюк, в котором еще оставалось немного воды, и напоил коня. Затем отломал кусок хлеба и протянул ему на ладони. Конь подхватил хлеб губами и начал жевать.

— Молодец. Умница. Хороший мальчик, — приговаривал Гриша, нежно поглаживая его по морде.

Назифа плюхнулась на землю и обиженно пробурчала:

— Могли бы и за мной поухаживать. Я ведь тоже пострадала.

— О, прости! — Ур опустился рядом с ней. — Покажи, укус этой твари?

Девушка раскраснелась и замялась, а Гриша хохотнул:

— Она не может, у нее там целые...

— Только попробуй, — Назифа поджала губы, хищно прищурилась и показала увесистый кулак.

— Ладно-ладно, — поднял он руки. — Мне нравится все, что задумано природой. Нет, конечно, богатые барышни очень следят за этим и постоянно оголяют, а вот наши, деревенские, ходят, как Бог дал. У кого рыжие, у кого черные...

— Ты можешь заткнуться?!

Гриша кивнул и повернулся к коню. Однако смешки то и дело вырывались наружу. Обиженная девушка подвинулась к костру и принялась бросала сухие травинки в огонь, которые сгорали налету.

— Гриша, ты заметил, что после того, как растопил лаву, «Священный огонь» больше не появлялся? — спросил Ур.

— Да, заметил. Хотя с того момента пугался и не раз. Особенно, когда сидел верхом на Пустынном. Огонь сделал свое дело, огонь может уходить, — изрек он невесть откуда взявшуюся мудрость.

Ур с помощью веток притащил безжизненные черные тельца к костру и наклонился над ними. Круглые рты с множеством мелких зубов были открыты, не было ни глаза, ни носа, ни ушей. Гладкое склизкое тело заканчивалось костяным хвостом, напоминающим буравчик.

— Как ты думаешь, кто это? — шепотом спросила Назифа с ужасом рассматривая зубы, которые еще час тому назад вгрызались в самую нежную часть ее бедра.

— Не знаю. В первый раз вижу.

К ним подошел Гриша и присел на корточки:

— Похожи на наших миногов.

Друзья вопросительно уставились на него, и пришлось пояснить:

— Рыбы такие. Живут на речке у Обухово. Мы пару раз с Васей ловили их. Повариха жарила с картошкой. Было о-очень вкусно.

— Они тоже бросаются на людей? — содрогнулась Назифа.

— Нет, конечно! Просто у них рты такие же круглые. А в остальном совсем не похожи.

— Пф-ф-ф, — шумно выдохнул Ур. — А говоришь, похожи. Вон у демона тоже рот круглый. Они что, по-твоему, тоже похожи?

— Ладно-ладно, что пристал? Не похожи они на миногов. Но, коли напомнил о Пустынном, то я до сих пор не могу понять, где люди, которых он украл?

Он взял ветку и провел по острым зубам твари, присосавшейся к ноге Назифы. Ур почесал щеку и пожал плечами.

— Я не знаю. Может, не надо было уходить из Груфу, пока не нашли их останки?

— Хорошо, что уши, — вмешалась девушка. — Им уже не помочь, в отличие от жителей Эль-Кара. Давайте ложиться спать. Мы должны успеть в город до заката.

Ур отшвырнул тварей подальше от костра, встал и прошелся по лагерю, разминая ноги. Пришел его черед дежурить, поэтому Гриша и Назифа легли спать у костра.

***

— Гриша. Гриша вставай! — услышал он сквозь сон.

— Боже, когда же я высплюсь? — простонал он и с трудом разлепил глаза.

Небо на горизонте только начало светлеть. Звезды еще виднелись на темно-синем небесном полотне.

— Не моя очередь дежурить, буди Назифу, — юноша вновь повалился на теплый песок, но Ур не унимался.

— Вставай, кому говорю! С Назифой беда.

Сон сразу же улетучился. Он рывком сел и посмотрел туда, где спала девушка. От увиденного ему стало плохо. Вместо красивой молодой подтянутой Назифы лежала темно-серая надутая масса и жалобно скулила. Платье на ней расплзлось по швам, пояс с кинжалами лопнул и лежал на земле. Она испуганно вращала глазами и пыталась что-то сказать опухшими до невероятных размеров губами.

Гриша на карачках подполз к ней и зашептал:

— Ур, что с ней случилось?

— Посмотри на коня и поймешь.

Юноша обернулся и увидел Бонапарта. Он лежал на боку, тяжело дышал и напоминал бегемота с копытами.

— Они были ядовитые, — догадался Гриша. — Чтоб их черти в котле варили! Что же нам теперь делать?

— Я не знаю, но дело плохо. Придется коня оставить, а Назифу тащить в Эль-Кар. Хотя и там ей некому помочь. Лекарей в городе уже давно нет. Все ко мне бежали за советом или порошком. А я не знаю, что это такое и как это лечат.

Гриша с состраданием посмотрел на девушку. Она тяжело дышала и хватала ртом воздух. С ее глаз скатывались слезы, стекали по вискам и исчезали в волосах. Ур налил воды, приподнял ее голову и поднес кружку к непослушным губам. Назифа с трудом сделала несколько глотков и снова опустилась на землю. В это время юноша подошел к коню. Тот с мольбой смотрел на нового хозяина и даже силился встать, но у него не получилось. Опухшее бугристое тело не слушалось.

— Как же вам помочь? Как? — он погладил Бонапарта по морде. — Прощай, друг. Прости меня, но я не могу тебе помочь.

Он встал и начал собирать вещи.

— Пойдем в город. Достанешь свои порошки, пороешься в библиотеке и найдешь лекарство. А может, само пройдет. Вот Лизка, мачеха моя, от меда опухает. Бывало, наестся на ночь, а утром встает с опухшим глазом или пальцем. И ничего. День-два и нет опухоли.

— Да, надо идти. Только, как ее нести? Надо носилки сделать.

Между тем на горизонте появился краешек солнца и осветил землю. Гриша огляделся. Маленькие высохшие деревца торчали повсюду. Он подходил от дерева к дереву, но сухие сгнившие внутри стволы легко ломались и крошились.

— Носилки не сделать! — крикнул он Уру. — На руках придется нести.

Гриша подошел к Назифе. Как оказалось, она не только увеличилась в размере, но и в весе. Как бы он не силился ее поднять, не мог оторвать от земли. А на ее коже при прикосновении оставались глубокие вмятины.

— Помоги мне посадить ее. На спине понесу.

С огромным трудом две мужчин посадили распухшую Назифу, которая постоянно заваливалась то на одну, то на другую сторону. Гриша перекинул ее руки себе на плечи и попытался встать.

— Ур, помоги. Подтолкни ее сзади.

Через несколько минут общими усилиями они смогли оторвать девушку от земли, и Гриша, шатаясь, поплелся в сторону Эль-Кара. Ур нагрузил на себя вещи и пошел следом. Солнце тем временем поднялось и начало нещадно припекать. Гриша крепко держал ее за ватные руки, но она, как тяжелый мешок тянула его назад. Идти было все труднее и труднее, пот струился по лицу и спине, а горячий воздух иссушивал язык и горло.

— Ур, дай попить, — прохрипел он.

Библиотекарь развязал последний оставшийся бурдюк и напоил его и Назифу.

— Как думаешь, ей становится легче?

— Нет, не становится. У нее лицо стало пунцовым и глаза закрыты.

Гриша слышал ее тяжелое дыхание с хрипами и видел подергивание пальцев, но решил не останавливаться. Он понимал, что больше не сможет поднять девушку, силы были на исходе. Юноша повернул голову и тихо сказал:

— Только не умирай, пожалуйста. Потерпи, вот дойдем до Эль-Кара и тебе станет лучше. Ур обязательно найдет лекарство. Он ведь такой умный! Табит угостит сладким пивом и уложит тебя на мягкую постель. Выспишься и тебе сразу полегчает. Вот увидишь! Ты должна жить ради отца, братьев, нас с Уром и ради всех жителей. Пустынного без тебя не победить. Поэтому ты должна жить ради всего человечества... По крайней мере в этом мире.

Назифа что-то слабо промычала. У Гриши ком подступил к горлу и на глазах навернулись слезы. Ему было горько осознавать, что у него на руках умирает близкий человек, а он не может никак помочь.

«Господи, я не знаю, слышишь ли ты меня отсюда, но больше ничего не остается, кроме как просить помощи у тебя. Пожалуйста, Господи, помоги! Отче наш иже еси на небесех, да святится имя Твое...»

Он шел, глядя себе под ноги, и слезы капали на желтый горячий песок. Гриша вспомнил все молитвы, которым научила мама, но не находил успокоения. Тяжелое прерывистое дыхание становилось все тише, и он боялся, что наступит момент, когда оно прекратится.

— Свисток!!! — воскликнул Ур. — Лирры подарили тебе свисток!

Гриша остановился, как вкопанный, и закивал.

— Да-да, в правом кармане. Доставай скорее и дуй!

Ур бросил поклажу, подбежал к нему, достал перламутровый свисток лирров и что было мочи засвистел. Красивый переливчатый звук разнесся над засохшим болотом и безжизненной пустыней, виднеющейся вдаль. Оба застыли, в ожидании чего-то необыкновенного, но прошла минута, другая и ничего не происходило. Ур подул еще раз, но, как и прежде, никто не откликнулся.

— Дай мне. Может, он именной.

Ур вытер подолом свисток и поднес к губам Гриши. Тот прошептал: «Господи, помоги»

и подул. Как только свист прекратился, песок под ногами зашевелился и вылез тот самый лирр, который подарил свисток.

— Ты как здесь оказался? — воскликнул ошарашенный Ур, схватил зверька на руки и прижал к себе. — Как же я соскучился по вам! Мой хороший, мой пушистый.

Но лирр ловко вывернулся, спрыгнул на землю и подкатился к ногам Гриши:

— Ты звал?

Тоненький писклявый голосок всколыхнул сердце юноши.

«Видать осталась их магия во мне. Даже я соскучился», — подумал он, мотнул головой и сказал:

— Помоги, если можешь. Назифе плохо, ее вчера укусил слизняк.

Лирр кивнул и велел:

— Опусть ее.

Гриша послушно присел, а Ур помог уложить девушку на землю. Лирр запрыгнул ей на грудь, закрыл глаза и закачал головой. Затем тихонько замурлыкал одну из своих песен. Мужчины притихли и устались на Назифу. Сначала исчезли хрипы, она стала дышать глубоко и размерено. Лирр все пел и пел. Вскоре опухшее пунцовое лицо начало светлеть и опадать, словно сдутый рыбий пузырь, а за ним и все тело. Не прошло и пяти минут, как перед ними лежала прежняя Назифа. Она открыла глаза и осторожно повернула голову:

— Вы чего так на меня уставились?

Гриша не смог сдержаться. Он рухнул на колени, сгреб ее в охапку и крепко обнял:

— Ты жива! Жива!

Девушка не стала, по обыкновению, отталкивать или бить его, а приобняла в ответ. Лирр подошел к юноше и подергал за рукав.

— Спасибо тебе, дружище! — Гриша подхватил зверька на руки и погладил по макушке. — Как ты так быстро здесь появился? Неужели следил за нами?

Но лирр протянул лапу и пропищал:

— Отдай.

Гриша раскрыл ладонь, в которой крепко сжимал свисток, и удивленно присвистнул. Символы больше не блестели, желтый блеск золота потух и превратился в темно-оранжевый, ржавый. Зверек забрал свисток и спрятал подмышку.

— Жаль. Но у меня есть еще одна просьба.

Юноша поднялся на ноги и показал туда, откуда они пришли. Вдали, черным пятном, лежал Бонапарт.

«Странно, мне казалось, что мы несколько верст прошли».

— Там конь. Он также пострадал, как и Назифа. Помоги ему, пожалуйста.

Лирр спустился на землю и засеменял в указанную сторону.

— Так он полдня будет идти, — пробурчал Гриша и пошел следом, чтобы помочь быстрее добраться до коня, но зверек нырнул в песок и пропал.

***

Ур хлопотал возле Назифы, пытаясь с помощью крепких корней травы скрепить разваливающееся платье. Девушка улыбалась и неспеша пила воду:

— Какое счастье жить! Дышать полной грудью, бегать, обнимать, есть и пить. Просто жить. Знали бы вы, сколько я всего передумала, пока была на пороге смерти... Это было ужасно. Я не могла дышать, не могла пошевелиться, не понимала, что со мной происходит.

Ур, ты должен выяснить, что это за твари и обязательно рассказать наместнику. Надо выжечь эту топь вместе с ее погаными жильцами!

Она так крепко сжала кулаки, что глиняная кружка разлетелась на осколки. Ур укоризненно посмотрел на нее, а Гриша не обратил внимания. Он стоял и не сводил взгляда с неподвижного тела Бонапарта.

— Как вы думаете, ему еще можно помочь?

— Ты уверен в том, что лирр ему помогает? — спросил Ур и встал рядом с ним. — Он же сказал: один раз.

Юноша пожал плечами, печально вздохнул и сел рядом с Назифой, которая вытаскивала еду из мешка. Они молча поели и засобирались в дорогу.

— Уже полдень. Надо торопиться, если не хотим встретиться с Пустынным, — сказал библиотекарь и отряхнулся от песка. — Нет, конечно, мы хотим с ним встретиться, но на наших условиях. Одно из которых, яркий солнечный свет.

— Как подумаю о нем, — Гришу передернуло. — Мурашки так и бегают. До сих пор не могу забыть красные глаза, холодную кожу и силу. Он держал меня так, будто я — перышко. Надеюсь, со следующим демоном будет легче. Предупреждаю сразу: этого Пустынного я объезжать не буду. Даже не просите!

Ур и Назифа весело рассмеялись. Гриша тоже не смог удержаться и расплылся в улыбке.

«Как же быстро все меняется. Только ревел, думая, что Назифа умирает, а теперь смеюсь и мне хорошо... Спокойно».

Они дошли до края болота и бодро зашагали по ровной глади пустыни. Редкие барханы мелкими волнами испещряли песочное море и пропадали, остановленные невидимой рукой. Вдруг сзади послышалось далекое ржание. Гриша резко обернулся и увидел Бонапарта. Конь бежал галопом, песок разлетался под его копытами, а его грива развевалась, как знамя.

— Жив?! Какой молодец! Ай-да Боня, ай-да щучий сын!

Глава 20 Черви на обед? Нет, спасибо, обойдусь

Назифа снова ехала в седле, а Гриша и Ур шли рядом. После всего произошедшего настроение у всех было приподнятое. Даже Бонапарт нет-нет да и начинал гарцевать.

— Молодец, мальчик! — Гриша гладил его по морде и кормил хлебом.

— Ур, как думаешь, успеем до заката добраться до Эль-Кара? — спросила девушка, всматриваясь вдаль.

— Успеем, — кивнул он. — Болота уже прошли. А от них до города пару часов ходьбы. В молодости я приходил сюда с отцом за травой.

— Угар-травой баловались? — усмехнулась она и пожурела пальцем.

Ур смутился и что-то невнятно пробормотал. Гриша заинтересовался их разговором и, толкнув библиотекаря локтем, спросил:

— Что за трава?

— Да так, — отмахнулся он и прибавил шаг.

— Типа змеехвоста? — не отставал юноша, но Ур упорно молчал.

— Угар-трава делает человека бесстрашным, — ответила Назифа. — При «Битве Светлых» воины его часто жевали, чтобы идти на демонов. А тебе для чего трава понадобилась, Ур?

Мужчина покраснел так, что даже уши запыхали. Он пытался перевести разговор, но молодые люди не отставали.

— Ну, ладно-ладно, — он глубоко вздохнул. — Свататься ходил.

Гриша и Назифа рассмеялись. Вдруг девушка остановила коня, привстала на стремянах и показала налево:

— Что это там такое?

Однако Гриша и Ур ничего не увидели. Девушка выругалась, спрыгнула с Бонапарта и велела Грише на него взобраться.

— Скала или медведь, — Гриша приставил руку ко лбу и прищурился. — Что-то черное...и большое.

Они переглянулись. Всех посетила одна и та же мысль: демон. Гриша слез с коня, подошел к друзьям и шепотом спросил:

— Что будем делать?

— Как, что? Бить! — Назифа грозно сдвинула брови и ударила кулаком по ладони. — Чего ждать?

Гриша с сомнением покачал головой. Он хотел подготовиться. Хотя, как конкретно будет готовиться, еще не придумал. Сама мысль, что он скоро встретится с демоном пугала настолько, что похолодели и ослабли ноги.

— Я еще не попадаю кинжалом в цель, — выдавил он. — Мне надо потренироваться.

— Зато я попадаю, — девушка дала каждому по кинжалу и быстро зашагала в сторону темного объекта.

Мужчины, понуриив головы, пошли за ней. Даже Бонапарт стих, чувствуя напряжение хозяина. Чем ближе они подходили, тем больше Гриша сомневался, что впереди был демон.

— Это крыша с трубой! — радостно воскликнул он и с облегчением выдохнул.

— Рог торчит, а не труба, — возразила Назифа.

— Какой рог, если он прячется от солнца под крыльями?

— Ну вылез во сне. У тебя тоже кое-что торчит во сне, — с издевкой сказала она, но пройдя еще несколько шагов поняла, что юноша был прав.

Перед ними стояла хижина. Было трудно сказать из чего она сделана: торчали ветки, камни, пучки травы, кости животных. Все это было скреплено кирпично-красной глиной. На крыше из пальмовых веток торчала перекошенная труба.

Вдруг Гриша вцепился в руку Уру и зашептал:

— А если это жилище демона? Не нашел гнезда и слепил себе дом.

Тот замер и сильнее сжал рукоять кинжала, но Назифа кивнула на очистки, валяющиеся у стены хижины, и сказал:

— Здесь живет человек. Надеюсь, не людоед.

В это самое время дверь со скрипом открылась и показался сгорбленный старичок в лохмотьях и с длинной редкой бороденкой. Он держал в руках глубокую миску с грязной водой и бормотал себе под нос.

— Так-так, вроде все нашел, — он пошарил рукой в воде, затем взмахнул миской и окатил Ура коричневой жижей с головы до ног.

— Э-э-й! — воскликнул тот. — Ты что делаешь?!

Старик уронил миску, вытянул руки перед собой и попятился, испуганно приговаривая:

— Кто здесь? Вы кто? Что вам надо? Я больной человек, оставьте меня в покое!

Назифа подошла вплотную и заглянула в его немигающие глаза.

— Он слеп.

— Девушка? — заинтересовался старик и сразу же перестал вертеться и пятиться. — Ты что, заблудилась?

— Нас трое. Мы охотники на демонов. А ты кто такой и что здесь делаешь?

— Охотники? — переспросил он и с облегчением выдохнул. — Хорошо, а то я уже подумал... Я — Хорус. Когда-то тоже был охотником и участвовал в «Битве Светлых». А теперь живу здесь.

Ур стянул с себя мокрую накидку и постелил на горячий песок.

— Что ты вылил на меня? Воняет хуже тухлой рыбы.

— Воняет? А мне нравится, — пожал он плечами. — Это я отмачивал червей, чтобы избавиться от земли в их проходе.

— Это земля с прохода червей? — Ур брезгливо сморщился и начал плевать. — Ты мне в рот попал. Тьфу.

— Но я не знал, что вы здесь — виновато сказал Хорус. — Был слишком занят своими мыслями и не учуял вас. А вот сейчас, — он втянул носом воздух. — Да, вас трое и конь. Девушка хоть и пахнет не очень...

— Что?! Не очень? Ты хочешь сказать, что от меня смердит?! — Назифа чуть не схватила опешившего старика за горло, но вовремя вмешался Гриша.

— Прав он. С тех пор, как ты распухла, от тебя пахнет...

Он задумался, подбирая слово помягче, но тут Хорус пришел ему на помощь:

— Мускусом и чем-то сладким. Вроде подгнившего мяса.

Назифа отпрянула, подняла руку и понюхала подмышку.

— Вы врете! От меня вообще не пахнет.

Чтобы не распалить еще сильнее девушку, Гриша перевел тему разговора:

— Почему ты здесь живешь, а не идешь к людям?

— Я бежал, как и все, от Пустынного демона. Тогда еще немного видел одним глазом. А

теперь боюсь потеряться, поэтому не ухожу далеко от дома.

— Но что же ты ешь? Кругом один песок! А вода? Как можно выжить без воды? — спросил Ур.

Он стоял в одной набедренной повязке и краснел от смешков Назифы, которые она не могла сдерживать, глядя на него.

— У меня все есть. Пойдемте, покажу.

Старик принялся и безошибочно зашагал к приоткрытой двери, сделанной из сухих стеблей тростника. Гриша хотел попридержать дверь, но тот проворно заскочил в дом и поманил рукой:

— Заходите. Вы теперь мои гости.

Небольшая хижина снаружи оказалась огромной внутри. В двух шагах от порога была земляная лестница, которая вела вниз, в круглую подземную комнату. Уличный свет освещал лишь небольшую часть помещения у лестницы. Остальное пространство было озарено мягким желто-зеленым светом, который исходил от двух вытянутых бутылок с узкими горлышками.

Гриша ахнул и подбежал к бутылкам. Внутри кружились небольшими стайками жучки со светящимися спинками.

— Кто это такие? — он прильнул к стеклу и, словно ребенок, восторженно разглядывал необычных насекомых.

— Мигалы, — ответил Ур. — Я их в детстве тоже ловил. Но сейчас если одного встретишь, уже большая радость. Хорус, откуда тебе столько?

— У меня было всего три. Они сами расплодились. Наверное, им нравится то, чем я их кормлю.

— И чем же ты их кормишь?

— Жеванными червями.

Назифа издала звук, будто ее сейчас стошнит и подошла к воткнутой в земляную стену сололке, по которой тонкой струйкой стекала вода в большой кувшин.

— Откуда здесь вода?

— Подземная речка.

— А если она зальет твой дом?

— Не, не зальет, — махнул рукой старик. — Река далеко отсюда. Я перекопал шагов сорок и выложил соломинками путь для воды сюда.

То, что им показалось трубой, был воздуховод из коры сгнившего дерева. Ур с интересом изучил мебель из сухих стеблей, небольшую грядку с овощем под названием орага и похлопал хозяина по плечу:

— Ты умный человек. Я бы не смог так тщательно все продумать.

Хорусу была приятна похвала и он смущенно улыбнулся. Затем подошел к столу и начал по-хозяйски хлопотать.

— Присаживайтесь, отдохните. Попейте воды. На обед у меня черви и хрустящая орага. С удовольствием поделюсь.

Друзья отказались от угощения, но вдоволь напились свежей чистой воды и достали свой провиант из мешка. Ур оторвал и положил на ладонь Хоруса кусок лепешки с приправами. Тот откусил и принялся смаковать:

— М-м-м, я не ел лепешек с тех пор, как покинул Эль-Кар. Думаю, с червями будет вкуснее.

Он сгреб из тарелки червей и закинул в рот. Гриша отвернулся, чтобы не испортить себе аппетит, Назифа равнодушно пожала плечами, а Ур собрал в тарелку ползающих по столу червей, которые пытались сбежать. Кусок вяленного чуть подсоленного мяса вызвал новую волну восторженным эмоций у пожилого человека:

— Как же соскучился по обычной еде! Мне кажется, что я не ел ничего вкуснее этого мяса.

На десерт были орехи и сушеные сливы, которые Хорус тоже оценил по достоинству.

— Пойдем с нами в Эль-Кар, — предложил Гриша. — Пока поживешь у наместника. А когда мы прогоним демона, то можешь поселиться в своем доме. А почему ты ушел в пустыню, а не к другим людям?

— Я хотел убить его, — тихо ответил он.

— Кого? Демона? — усмехнулась Назифа.

— Да, демона, — кивнул Хорус без тени улыбки. — А что такого? Я участвовал в «Битве Светлых» и был хорошим воином. Однажды я выкурил из норы остророга и убил его. Один, — с гордостью добавил он.

— Остророга? — удивился Ур. — Убил один? Врешь!

— Нет!!! — оскорбленный Хорус вскочил на ноги и показал трясущейся рукой куда-то за Назифу. — Там...там, открой.

Гриша заметил под лестницей выемку, в которой стоял деревянный ящик, покрытый черной краской. Он осторожно вытащил его и откинул крышку.

— Это палец. Его палец, — пояснил старик.

Изумленный юноша вытащил кость, длиной в две его ладони с острым когтем на конце.

— У меня и голова сохранилась. Только она дома в Эль-Каре, на чердаке. Если хотите, то я вам покажу.

Ур забрал кость у Гриши и присвистнул:

— Теперь верю. Огромный был зверь.

— Еще какой! — подтвердил Хорус и вновь опустился на стул. — Его голову мы впятером тащили до города. А на чердак пришлось веревками затаскивать.

— Во время «Битвы Светлых» ты встречал Пустынного? — спросил Гриша и убрал ящик на место.

— Нет, — замотал тот головой. — Мы были разделены на отряды по пятьдесят человек. Наш отряд зачищал Эль-Кар и окраины. Тогда демона здесь не было. Видимо, другие плохо выполнили свое задание и не всех убили.

— Это что, арбалет?! — воскликнул Гриша и снял со стены оружие из красного дерева с металлическими вставками и кожаными завязками.

— Да, — старик улыбнулся. — Моя гордость. С ним я ни разу не промахнулся. Этот арбалет сделал мне один мастер незадолго до похода на монстров. А его жена нарисовала знаки-обереги.

— Отдай его мне! — взмолился юноша, приложил арбалет к плечу и прицелился. — Тебе он уже не пригодится. Отдай, а?

Хорус с сомнением покачал головой, но подумав, нехотя кивнул:

— Хорошо, бери. Жалко, конечно, с ним расставаться, но тебе нужнее. Там и стрелы есть.

— Спасибо тебе, дружище! Это самый дорогой подарок!

Гриша снял с палки, воткнутой в мягкую земляную стену, кожаный ремень со стрелами

и вытащил одну. Некогда гладкое деревянное древко потрескалось, а металлическое острие потемнело и местами заржавело. Арбалет сохранился хорошо и блестел маслом, а вот стрелы старик не уберег.

Тем временем, Назифа убрала остатки еды в мешок, повесила его за спину и вышла на улицу. Ур последовал за ней, чтобы проверить высохла ли накидка, а Гриша подсел к старику.

— Пойдешь с нами в Эль-Кар?

— А как же я здесь все оставлю?

— Жизнь и здоровье важнее. Эта хижина может стать хорошим местом отдыха для тех, кто решит пойти в Варавию.

Юноша рассказал о высохшем болоте, которое теперь не надо обходить стороной. И про черных слизняков, с которыми лучше не встречаться.

— Хорошо. Я послушаю тебя. Видно, что ты умный человек и хочешь мне добра. Только знаешь, что я хочу сказать? — прошептал он и загадочно улыбнулся.

— Нет.

— Я выследил демона и знаю, где он живет.

***

Гриша вдоволь напоил Бонапарта водой, и друзья пустились в путь. Всю дорогу до Эль-Кара они рассказывали Хорусу о своих приключениях. Тот ужасался, смеялся, недоверчиво мотал головой, но постоянно просил продолжения.

— Хорошо, что ты не пошел на Пустынного демона с копьем. Вот тогда ты бы и попрощался с жизнью, — нравоучительно сказал Ур.

Его одежда высохла, но на ней остались коричневые разводы, которые невозможно было оттереть.

— Да-а-а, ребята. Вы намного отважнее и безрассуднее, чем были мы. И откуда вся это дрянь к нам лезет? Боюсь, скоро снова надо будет собирать отряды, — покачал головой Хорус. Он сидел на Бонапарте и плавно покачивался в седле.

— Ты сказал, что знаешь, где живет демон, — напомнил Гриша.

— Знаю и даже могу дойти.

— Ну так объясни нам, — попросила Назифа.

Старик замолчал. Было видно, что он что-то обдумывает и высчитывает. Как всегда, паузу не выдержала Назифа и сухо процедила:

— Надо было оставить его дома. Пусть бы сидел в своем склепе и ждал, когда помрет своим червям на съеденье.

Гриша шикнул на нее, но Хорус, казалось, не слышал ничего. Он водил рукой, что-то подсчитывал, загибая пальцы, и наконец еле слышно промолвил:

— Я не могу показать, но могу объяснить по запаху.

— Как это? — не понял Гриша.

— Когда я выхожу из дома, то иду по левую руку пока в нос не ударит затхлый запах болота, затем поворачиваю немного направо и иду на запах тины от речушки, но не дохожу до нее. Когда ветер приносит влажный запах воды, то я поворачиваю резко направо и иду, пока не запахнет чем-то приятным. Это запах луговых цветов, примятой травы и фруктов. Чем сильнее запах, тем ближе я к демону.

— Пустынный пахнет цветами? — хохотнула Назифа. — Значит, я пахну гнилым мясом,

а демон — цветочками и фруктами? Старик, ты сошел с ума!

Гриша промолчал, но что-то было в его словах. Когда он схватил демона за шею, то в нос ударил запах, который перенес его на много лет назад. Вот он лежит на кровати под пуховым одеялом и ждет маму. Окна покрыты толстым слоем инея, на улице темно. В комнате пахнет золой и сухарями, которые добрая повариха оставила в выемке печи для Гриши. Он слышит, как скрипят половицы, и входит мама с книгой в руках. Аромат, сотканный из маминых духов, теплой печки, хлеба и пухового одеяла. Да, именно так пахло от демона.

«Похоже у меня неполадки с головой. Лишь бы не свихнуться совсем, а то наворочу делов», — подумал он и помассировал указательными пальцами виски.

— Хорус, откуда ты знаешь, что так пахнет демон, а не чей-то сад? — спросил Ур.

— Я тогда левым глазом немного видел... Он такой большой и черный!

— А почему же он тебя не схватил? Побрезговал? — Назифа все еще злилась.

— Он спал. У него гнездо прямо на песке.

Гриша повернулся к Уру и сказал:

— Когда придем в Эль-Кар, нарисуй карту по рассказу Хоруса. Надо хотя бы примерно знать, где находится демон.

Ур кивнул и радостно воскликнул:

— Обелиск! Я вижу обелиск с Главной площади! Мы скоро будем дома.

Друзья с облегчением выдохнули и ускорили шаг. Вскоре город развернулся перед ними. Речушка, вдоль которой Гриша и Назифа пришли в Эль-Кар, стала шире и глубже. Фруктовые деревья приободрились и дали новые зеленые листочки. Трава стала гуще и выше.

— Дожди прошли, — Ур подбежал к реке, сбросил сандалии и с удовольствием зашел в прохладную воду. — Как же хорошо дома! Больше никуда из родного города не уйду.

— Так ты же хотел путешествовать и карту рисовать? — напомнил Гриша.

— Успею. Жизнь длинная.

Юноша подвел слепого старика к воде и, пока он умывался, вполголоса спросил:

— Как думаешь, почему демон пахнет цветами?

— Не знаю, — пожал плечами Хорус. — Может, дело не в нем, а во мне? Скупаю по земле, по садам и клумбам. Раньше я занимался земледелием, сажал овощи, фруктовые и ореховые деревья, потом стал воином. Если честно, то не хотел, пришлось. Настало время, когда тварей стало так много, что они стали хозяевами земли. Мы постоянно боялись, что нас схватят под водой, или нападут из травы, или набросятся с неба. Мы устали бояться и вышли на охоту.

— Не знаю почему, но мне кажется будто Пустынный отличается от других.

— Почему?

Гриша решил, что Хорус его не засмеет и рассказал о своих догадках:

— В его гнезде не было ни косточки, ни клочка шерсти, ни куска ткани, ни пуговицы. Ничего. Куда он подевал столько людей и животных? Сам он, конечно, страшный. Эти жуткие рога, красные глаза, когти на птичьих лапах. Но когда я его схватил за шею, то успокоился.

— Хочешь узнать, сколько раз я ходил к демону?

— Ну да.

— Много. Через день. Я выходил на улицу и ждал, когда солнце начнет припекать.

Потом шел к нему. Подходил и просто стоял. Бывало, он шевелился во сне или тяжело вздыхал. А я просто стоял возле него и представлял, что я дома, стою на крыльце и смотрю на свой сад.

— Может, он так приманивает, чтобы мы слетались к нему, как мухи на навоз?

— Не знаю... Не знаю.

Глава 21 Игра в «кошки-мышки» или «Выходи подлый трус»

Пока шли до дома наместника не встретили ни одного человека. Казалось, что город окончательно вымер.

— А если и Табита уже нет. Что будем делать? — спросил Ур.

— Переночуем где-нибудь. А завтра пойдем на охоту, — ответил Гриша.

Друзья подошли к воротам, и Гриша громко постучал. Дверь скрипнула и показалось озабоченное лицо наместника Табита. Он прищурился, охнул и выбежал им навстречу.

— Вернулись...вернулись. Вы вернулись!

Взволнованный Табит отпер ворота и бросился обнимать друзей, будто был их отцом.

— Кто это с вами? — он приложил руку ко лбу, пытаясь рассмотреть всадника.

— Ты не узнал меня, Табит? Это же я — Хорус, — улыбнулся старик и начал спускаться с коня. Гриша подбежал, чтобы помочь.

— Хорус, — еле слышно выдохнул наместник, всматриваясь в его лицо. — Это ты, Хорус?

— Конечно, я. Ты что, тоже ослеп? — усмехнулся старик и распахнул объятия. — Обними меня, друг.

У Табита опустились уголки губ и на глазах навернулись слезы. Он обнял Хоруса, еле сдерживая слезы:

— А я тебя похоронил. В мыслях похоронил. Где ты был все это время?

— Ты нас сначала в дом пусти, дай попить, поесть, а потом спрашивай.

— Заходите-заходите, друзья. Как хорошо, что вы вернулись!

***

Гриша завел Бонапарта в амбар, который находился в соседнем дворе, налил ему воды в таз, нарвал травы и веток с сада. Тем временем, Табит выдал друзьям чистое белье и накрыл на стол. Первой в купальню пошла Назифа, а мужчины расселись вокруг стола и начали оживленно обсуждать приключения троицы. Гриша и Ур спорили и поправляли друг друга, иногда даже поднимали крик.

— Нет! Монстр с оазиса был после людоедов, — распалился Гриша. — Ты уже старый, поэтому память плохая.

— Я старый?! Да мне всего-ничего, а вот ты слишком труслив, поэтому половину пути забыл.

— Ты меня трусом назвал? Да я тебя за это, — он сжал кулаки, вскочил на ноги, но Табит остановил его и с нажимом сказал:

— Не надо спорить. Совсем не важно, кто за кем был, ведь вы всех победили. Если честно, то я потерял надежду и думал, что вы уже не вернетесь. А вы здесь! И привели моего лучшего друга Хоруса. Мне еще не доводилось встречаться с такими сильными и отважными людьми, как вы.

Гриша вмиг остыл, опустился на стул и продолжил трапезу. Вскоре начало темнеть и Табит запер окна и двери.

— Наместник, скажи, пропал еще кто-нибудь, пока нас не было? — спросил Ур.

Мужчина кивнул и горестно вздохнул.

— Еще двое. Демон сорвал дверь с петель. Чувствую, скоро до меня доберется. Пару дней назад опять ходил по моей крыше и царапал на том же самом месте. А утром я нашел еще два осколка от черепицы. Скоро он провалится мне на голову.

В это время вернулась Назифа с мокрыми волнистыми волосами и в одежде Табита. Слегка опьяненный Гриша залюбовался: широкая одежда скрывала мускулистое тело, поэтому она стала выглядеть намного женственнее и притягательнее. Ему нестерпимо захотелось впиться в ее пухлые губы и не отпускать, пока не получил полную разрядку. Она опустила рядом с Гришей, взяла жареную куриную голень и начала есть. Юноша налил ей ароматного пива и тихо сказал:

— Ты очень красивая. Когда все закончится, пойдешь со мной прогуляться под луной?

— У нас нет луны, но под звездами прогуляюсь, — подмигнула она.

Он улыбнулся и подумал о том, что сможет жить и здесь. Друзья у него есть, скоро будут деньги и девушки — красивые.

Позже, когда все поели и помылись, Табит начал стричь волосы другу, которые сбились в колтуны, а Гриша предложил составить план нападения на демона:

— Что еще за план? — усмехнулась Назифа. — Найдем, прогоним и домой.

Юноша раздраженно выдохнул. Самоуверенность девушки часто восхищала, но иногда раздражала.

— Ты забыла, что промазала и демона убил я?

— Промазала?! — воскликнула она. — Если бы я промазала, то твое мертвое полусгнившее тело растащили бы птицы. Демон сел в гнездо, потому что я в него попала!

— Да если бы не я, то он бы вас всех съел! Кто проткнул его саблей? Ты или Ур? Я! И второй раз попадать в такую заварушку, я не хочу. Поэтому у нас будет план, который мы досконально продумаем и будем ему следовать. Поняла?

Глаза Назифы метали молнии, губы были плотно сжаты, а напряженное тело говорило о том, что еще чуть-чуть и она набросится. Гриша не хотел ей уступать, поэтому сдвинул брови и не сводил взгляда.

Наконец, она откинулась на спинку стула и еле слышно сказала:

— Не пойду я с тобой под звездами гулять.

— Пф-ф-ф! Я и сам не хочу.

Он демонстративно отвернулся к притихшим мужчинам и попросил, чтобы они предложили свои варианты охоты на Пустынного. Хорус провел рукой по коротко стриженной голове, удовлетворенно крякнул и обратился к Грише:

— Ты говорил, что хорошо стреляешь?

— Да.

— Вот и стреляй. Застрели демона.

— Обычной стрелой его не проткнешь, — помотал головой Гриша. — Только лавовым лезвием.

— Ну так сделайте из кинжалов острие для стрел. Кузница в городе есть.

Юноша и библиотекарь переглянулись. Предложение старика им обоим понравилось, но вмешалась Назифа-язва.

— Ага, разбежались! Кинжалы мне самой понадобятся.

— Ну дай нам хотя бы три, — попросил библиотекарь.

Он развалился на жесткой софе и пил напиток из широкой чаши. Девушка смерила Ура недобрый взглядом, немного подумала и кивнула:

— Хорошо, но только один.

— Нет, от одного толку мало. Дай хотя бы два. Все-таки общее дело делаем, — продолжил торговаться раскрасневшийся от напитка Ур.

Назифа хмыкнула и покосилась на пояс с кинжалами, висящий на спинке стула. В своих мечтах она представляла, как прикрепит их к стене в виде солнца, и будет всем рассказывать о своих приключениях. Никто в ее семье не был там, где была она. Никто из ее братьев не принес столько гордости отцу, сколько принесет она. Никто не обеспечит семье безбедную жизнь, кроме нее.

— Хорошо, — тяжело вздохнула девушка и повернулась к старику. — Только с условием, что арбалет и стрелы вы мне подарите и никогда не попросите обратно.

— Я согласен, — кивнул Хорус. — Но теперь арбалет принадлежит Грише и ему решать.

Назифа мрачно уставилась на юношу, но тот специально тянул время, делая вид, что обдумывает ее предложение. Она в этот раз проявила себя с хорошей стороны, и не выказала ни раздражения, ни злости.

— Ладно. Но только стрелы! Арбалет мой и его я отдавать не намерен.

Они ударили друг друга по рукам, скрепив тем самым договоренность. Ура совсем развезло, поэтому он что-то одобрительно пробурчал и вскоре заснул, громко всхрапывая. Вскоре Табит предложил ложиться спать и все поднялись на второй этаж, но не успели они лечь, как что-то гулко ударилось о крышу.

— Демон, — тихо сказал Табит. — Сейчас опять будет царапать мою крышу.

Как бы в подтверждение его слов раздался скрежет и лязгающие звуки. Демон орудовал когтями на том же самом месте, где и в прошлый раз. Хорус испуганно вцепился в руку Табита и замер, глядя вверх своими незрячими мутными глазами. Назифа исчезла за дверью и вскоре вернулась с ремнем, в котором блестели кинжалы. С первого этажа доносился храп Ура.

Табит подвел Хоруса к кровати. Старик медленно опустился и провел рукой по подушке. Затем понюхал покрывало и с наслаждением растянулся на мягком матрасе:

— Я привык спать на земле, но все это время мечтал о кровати и подушке. Как же хорошо здесь! Спасибо, дружище, за гостеприимство! У тебя все такое же доброе сердце, как и раньше. Служба наместником тебя не испортила, чему я очень рад. Мне страшно подумать о том, что мои новые друзья прошли бы мимо и не заглянули ко мне. Я бы продолжал питаться червями пока не умер от старости, болезни или скуки.

Наместник присел на краешек кровати и пожал высохшую старческую руку:

— И я рад, что ты здесь. Людей почти не осталось. Бывают дни, когда мне не с кем даже парой слов перекинуться.

— Почему же ты не уедешь к своей семье? Помнится, они хотели перебраться в Кабарган.

— Да, они в Кабаргане. Я — наместник Эль-Кара. Люди доверили мне этот чудесный, некогда очень счастливый город, поэтому я не могу предать их и бежать. Я буду здесь до конца.

Вдруг скрежет прекратился, а демон оттолкнулся от крыши с такой силой, что внизу звякнула посуда, и улетел, шелестя крыльями. Гриша все это время в напряжении прислушивающийся к звукам сверху, с облегчением выдохнул:

— Бр-р-р, не думал я, что когда-нибудь будут мурашки не от холода, а от страха. Табит,

а кузнец у вас остался?

— Нет, уехал пару лет назад. С тех пор кузница стоит заколоченная.

— А как же мы без кузнеца? — всплеснул он руками и вспомнил Филю. Не зря отец держал его при себе, такого искусного мастера с руками бы оторвали, если бы Степан Мефодьевич захотел его продать.

«И что я не научился кузнечному ремеслу? Надо было поменьше на перине валяться и за барышнями бегать. Эх, правильно батюшка говорил: хочешь быть хорошим помещиком должен знать работу каждого крепостного, от гончара до пса».

Он лег на кровать у окна и почти уснул, но тут тяжелый удар по крыше сотряс дом.

— Что такое?

В дверях показался Табит со свечой в руке и осветил комнату. Назифа сидела на кровати, а Хорус вцепился в покрывало и насторожено прислушивался. Одному Уру было все равно, он продолжал храпеть и невнятно бормотать. Глухой удар повторился с такой силой, что затрещали стены и с потолка посыпалась белая крошка.

— Что он делает? — Гриша встал с кровати и подошел к Табиту. Тот был блее скатерти и встревоженно смотрел наверх.

— Я не знаю... Надеюсь, крыша выдержит.

Следующий удар был такой же сильный, как и предыдущий. По стене пробежала трещина, а на улице под окно звонко посыпалась черепица.

— Это он, — подал голос Хорус, втянул носом воздух и улыбнулся. — Я его чую.

Назифа резво вскочила на ноги, вытащила из пояса два кинжала и, сердито сдвинув брови, сказала старику:

— Без тебя понятно, что это демон. Если так радуешься его приходу, то может, мы тебя выдворим за дверь, пусть полакомится?

Хорус промолчал, но улыбка сползла с его лица. Назифа взобралась на стол и прислушалась. Тишина.

Прошла минута, другая, но ничего не происходило. Гриша выглянул в щель между ставнями, но в темноте ничего не увидел. Только далекие сверкающие звезды безучастно смотрели на землю.

— Нельзя больше тянуть, — тихо сказал он и повернулся к притихшим друзьям. — С утра сделаем стрелы и пойдем на охоту. Надо его остановить.

***

Ночь прошла сумбурно. Назифа слонялась по дому, объясняя это тем, что нагуливает сон, который трусливо сбежал. Хорус ворочался в кровати и кряхтел.

— А что вы хотите? Отвык от мягкого ложа, — оправдывался он.

Гриша уснул только под утро. Поэтому, когда кто-то грубо потряс его за плечо, первым желанием было с размаху зарядить в глаз. Но он вовремя себя остановил, увидев бодрую Назифу.

— Вставай, лежебока! Пойдем на улицу. Ты удивишься, — загадочно добавила она и вышла из комнаты.

— И что я там не видел? — пробурчал Гриша, но любопытство взяло вверх и он, шаркая голыми пятками, последовал за ней.

Ур, Хорус и Табит стояли под окном спальни и что-то обсуждали.

— Что случилось? — спросил юноша, зевая во весь рот.

Он подошел поближе и увидел каменную дорожку, сплошь усеянную осколками черепицы. В нескольких шагах от дома к высокому каменному забору была прислонена верхушкаobeliska.

— Так вот чем он долбил крышу! Это сколько же силищи нужно, чтобы сломать камень?

— То-то и оно, — кивнул Ур. — И как я все проспал?

— Не огорчайся, главное еще впереди, — улыбнулся Хорус. Он держался за Табита и вдыхал аромат только что сорванного белого цветка.

— Ты о чем?

— Об охоте на демона, конечно же.

— Я не пойду, — замотал головой библиотекарь.

Гриша перестал зевать, подошел поближе, стараясь не наступить на осколки, и озадаченно спросил:

— Как это не пойдешь?

— А что мне там делать? — искренне удивился он.

— Как что? — юноша начал судорожно придумывать, для чего им мог понадобиться Ур, но в голову ничего не пришло. — Но мы же команда. Вдруг ты нам понадобишься? Ты умный.

— Ну не знаю, — протянул библиотекарь, но тут вмешалась Назифа.

— Если ты не пойдешь с нами, значит не заслуживаешь денег. Гриша мне обещал свою долю, поэтому все монеты заберу я. Уяснил?

Ур опешил от такого напора, но тут же закивал:

— Хорошо, пойду. Золото мне тоже пригодится.

Гриша с благодарностью посмотрел на девушку, та подмигнула и исчезла в доме. Он сам не знал почему, но ему очень хотелось, чтобы они были втроем. Будто именно их единство служило ключом к победам.

***

После завтрака троица и Табит вышли за ворота и зашагали по мощенной булыжником улице. Хорус остался дома, чтобы не быть обузой. Большая белая кузница с маленькими окошками под крышей и широкими воротами стояло на отшибе на небольшом пригорке. Гриша и Ур с трудом выдрали доски, которыми были заколочены ворота и потянули их на себя. Заржавевшие петли жалобно заскрипели, а в лучах утреннего солнца за клубилась пыль. Табит первым зашел в помещение, остальные последовали за ним. Когда глаза привыкли к полутьме, Гриша увидел закопченную каменную печь с открытым нутром — горн. Возле него стоял железный куб, служивший наковальней. На стенах висел различный инструмент, от щипцов и молотов до непонятных механических агрегатов. Напротив горна располагался деревянный стеллаж с различными литейными формами.

— Смотрите! — воскликнул Табит и показал каменный прямоугольник, в котором были выемки для отливки наконечников стрел. — Вот это нам и надо.

— Для начала надо растопить печь, — бодро сказал Гриша.

— Только чем топить? — Ур развел руками. — Дров здесь нет.

— Есть, — возразил Табит. — Вон там, в углу.

Гриша и Ур нашли в дальнем углу толстые брусочки, сложенные столбиками. Они принесли их к печи, а наместник аккуратно сложил дрова в горн и поджег с помощью

розовых камней. Огонь медленно пополз по сухой древесине, облизывая любопытным пламенем.

Юноша нашел на полках толстостенную посуду и клещи с длинной ручкой.

— Назифа, положил сюда свои кинжалы, — велел он, слоняющейся без дела девушке.

Та бросила на него неприязненный взгляд, но, тяжело вздохнув, вытащила из пояса два кинжала и положила в посуду.

— Мы договаривались на три, — с нажимом сказал Ур.

Девушка положила третий кинжал и выбежала на улицу. Было видно, как ей не хочется прощаться с ними, но решение она свое не поменяла. Когда бруски перестали гореть и превратились в ярко-красные угли, Гриша с помощью щипцов аккуратно положил посуду с кинжалами в горн. А Ур кочергой подвинул угли до самого края посуды.

— Надеюсь, мы все правильно делаем, — тихо сказал юноша. — Времени на ошибки нет. Ур, что там в книгах написано, как металл растопить?

— Я не знаю. Бытовые дела меня мало интересовали. Если честно, то я даже не знаю, как сделать тесто для лепешек, — смущенно ответил он.

— Эх ты, — махнул рукой Гриша.

Мужчины стояли и, словно замороженные смотрели на лезвия. Пришло минут десять, но ничего не происходило. Лезвия не таяли.

— Ничего не получится, — обреченно сказал юноша. — Вот если бы мой «Священный огонь» не пропал...

Между тем в дверях появилась Назифа. Она увидела пасмурных мужчин, кинжалы в жаропрочной посуде и хмыкнула:

— Вы, дурни, не можете без меня даже наконечники сделать. У вас угли только по краям, а дно пустое. Ур, неси еще брусков! А ты, Гриша, найди крышку к этой кастрюле, — она притворно тяжело вздохнула и добавила. — Все приходится делать самой.

Еще через полчаса Табит с помощью кочерги приподнял крышку, и все увидели переливающийся разными цветами жидкий металл и наполовину растопленные кинжалы. Гриша подцепил щипцами рукоятки, вынул и положил на наковальню:

— Можешь забрать, — кивнул он девушке.

Та недовольно сморщилась.

— Зачем они мне? Лучше быстрее заливай в форму, — она вышла на улицу, посмотрела на небо и с грустью добавила. — Боюсь, сегодня не успеем добраться до демона. Уже полдень.

Глава 22 Засада! Надо было слушать старших...

Общими усилиями они залили металл в формы и остудили в чане с водой. Всего получилось двенадцать остриев для стрел. Гриша и Ур заострили их с помощью большого точильного камня и выстроили в ряд на полке с формами. Наконечники блестели и переливались даже в полутьме кузницы. Юноша очень боялся, что просто испортит кинжалы, обработанные лавовым металлом, но теперь с гордостью любовался на наконечники.

— Бонапарт?! — воскликнул он. — Я забыл его покормить и напоить.

Гриша убрал наконечники в карман, а Ур и Табит снова заколотили дверь кузницы оторванными досками.

— Я схожу домой за картой, — сказал Ур и показал на улочку, сворачивающую налево. — Надо хотя бы примерно определить, где живет демон, чтобы было легче его найти.

Библиотекарь исчез за поворотом, а остальные направились к дому Табита. На площади возле сломанного надвое обелиска стояли Хорус и Бонапарт.

— Я его накормил, — похвастался старик. — Хороший конь. Послушный.

— Как ты его нашел? — удивился Гриша и погладил коня по морде. Тот фыркнул и склонил голову.

— По запаху, конечно же. Он пахнет сеном, теплом и навозом.

— Теплом? А как пахнет тепло? — удивилась Назифа.

— А ты понюхай коня. Тогда поймешь.

Но у Назифы сразу же пропало желание узнать, как пахнет тепло, и она, фыркнув, зашла в раскрытые ворота. Гриша завел Бонапарта во двор Табита и привязал его под навес, чтобы спрятать от палящего солнца. Вскоре явился Ур и принес несколько свитков с картами:

— Все, что нашел. Какие-то более подробные: больше речушек, деревень и островков зелени. А какие-то более точные по масштабу. Та карта, которую я брал с собой в дорогу была лучше всех. Жаль, что не уберегли, — он покосился на Гришу, но тот сделал вид, что не расслышал.

После обеда Табит и Назифа принялись убирать со стола, Гриша сел с куском дерева стругать древка для наконечников стрел, а Ур раскрыл подробную карту и положил на стол кисточку и бутылек с чернилами.

— Я готов. Что делать?

— Для начала нам надо определить, где мы нашли Хоруса, — сказал Гриша.

Ур почесал подбородок, разглядывая карту, затем взял кисточку, обмакнул в чернила и поставил точку:

— Примерно вот здесь.

— Хорус, ты говорил, что выходишь из дома и идешь налево. Можешь сказать сколько шагов ты идешь? — обратился юноша к притихшему старику.

— М-м-м, — он ухватился за гладко выбритый подбородок. — Никогда не считал шаги. Я же говорил, что иду на запах.

— Но мы-то на запах не сможем пойти, — терпеливо продолжал Гриша. — Ты хотя бы примерно подсчитай.

Хорус кивнул, уставился мутными глазами в стену перед собой и начал загибать

пальцы. Между тем, Назифа взяла кинжалы и начала метала их в одну и ту же зарубку на деревянной двери.

— Шагов сто, не меньше, — после долгого молчания сказал Хорус.

— Ты строго по прямой идешь налево или под уклоном? — уточнил Ур.

Старик снова задумался. Тем временем, Гриша выстругал двенадцать дровков необходимой длины, подогнал их под наконечники и вышел на улицу с арбалетом. Солнце перебежало небо и повисло над домами, оповещая все живое, что скоро наступит ночь.

«Какие же здесь короткие дни, — с досадой подумал он. — Или мне так кажется? А может, мне вообще все это снится? Может, лежу я с разmozженной головой дома в постели и вижу сны?»

Он подошел к Бонапарту и обнял его за шею. Единственное, что напоминало ему дом — это конь. Самый настоящий, каких много в отцовской конюшне. Гриша был согласен с Хорусом, Бонапарт пахнет теплом. Теплом его дома, теплом добрых воспоминаний, теплом о прошлой жизни. Или настоящей? А вдруг жизнь в этом мире и есть самая настоящая и он никогда не вернется домой? Эти мысли так пугали, что он предпочитал не задавать себе вопросов, ответы на которые ему могут не понравиться. Если бы выдался хоть один спокойный день, то Гриша обязательно впал бы в уныние.

— Ну что, надо пробовать.

Юноша зарядил арбалет, прицелился в ствол дерева, растущего у забора, и выстрелил. Щелчок, свист, хруст. В стволе образовалось отверстие диаметром в наконечник. Гриша подбежал к каменному забору и увидел точно такую же дыру.

— Ничего себе, — ошеломленно проговорил он и выбежал на улицу. Он прошелся по площади, внимательно глядя под ноги, но так и не нашел стрелу. — Неужели дальше полетела?

Он посмотрел на другую сторону площади. Ворота, за которыми виднелся высокий величественный дом с колоннами и барельефами, были наглухо заколочен досками. На белой стене забора зияло небольшое отверстие.

— Ух ты, здорово! — Гриша любовно погладил арбалет. — Тебя-то мне и не хватало.

Он повесил арбалет за спину, вернулся к Бонапарту и вывел его со двора.

— Хей-хей-хей! Гони!!

Юноша прищпорил коня пятками и тот, словно тоже соскучившись по раздолью, рысью побежал по узким улочкам, цокая копытами. Через пять минут они выехали из города и мчались во весь опор навстречу безбрежному песчаному морю с застывшими волнами-барханами. Раскаленный ветер бил в лицо и сушил глаза, солнце нагревало голову, но все это было не важно, он вновь чувствовал верного друга рядом и свободу. Прямо, как дома.

— Э-ге-гей! Давай-давай, мальчик! Гони! Нас не догоня-а-ат!

***

— Ты где был? — напустилась на него Назифа, — Мы обыскались. Скоро закат!

Гриша виновато пожал плечами:

— Мы с Бонапартом решили пробежаться.

— Ты рядом бежал? — съехидничала девушка, но в разговор вмешался Ур.

— Иди посмотри, что у нас получилось.

Он показал очерченный на карте круг недалеко от города.

— Судя по всему, демон где-то в этом районе. Я специально обвел побольше, потому

что Хорус может ошибаться с расстоянием и направлением, ну и я, конечно, тоже.

— Так это совсем рядом! — воскликнул юноша. — Намного ближе, чем хижина Хоруса.

— Да, думаю за час доберемся.

Тут старик откашлялся и пожурил крючковатым пальцем:

— Вам надо пройти моим путем.

— Зачем? Так мы много времени потеряем, — возмутился Гриша.

— Я уже говорил остальным, но тебе повторю еще раз. Я никогда не ходил дальше демона, потому что чуял лупера. Его вонь так забивала мне нос, что я не мог вздохнуть.

— Что за лупер? — недоуменно уставился юноша на Ура.

— Забыл уже? — всплеснул руками Ур. — Когда ты наелся змеехвоста и лежал, как бревно, на нас напал лупер. Назифа прикончила его кистенем.

Юноше было обидно за бревно, но он не стал с ним ругаться. Ту ночь он помнил смутно, словно не только тело отдыхало, но и голова.

— Если Назифа его в темноте прикончила, то при дневном свете тем более, — он подмигнул девушке. Девушка не сдержалась и позволила себе улыбнуться.

«Все-таки есть в ней что-то женственное. Правда, оно очень глубоко запрятано».

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, все сели за стол и Гриша рассказал о силе арбалета.

— Не-ет, — замотал головой Хорус. — Мой арбалет на это не способен. Дело в стреле.

Гриша с ним согласился и любовно погладил мерцающие на столе стрелы. Ур вытер рукавом жирные губы и повернулся к Табиту:

— Я видел у тебя подвал с крепкой дверью. Не знаю, что произойдет в эту ночь, но лучше спрятаться поглубже.

Наместник кивнул:

— Ты прав. Если демон продолжит бить по крыше обелиском, то уже сегодня доберется до нас.

Наскоро перекусив, Гриша, Ур и Табит скрутили матрасы с кроватей, отнесли их в глубокий темный подвал и постелили на утрамбованный земляной пол. Назифа собрала еду со стола, прихватила кувшин с водой и спустилась за ними. Табит зажег три толстые желтые свечи и расставил их на деревянные полки, на которых стояли закупоренные кувшины, корзины с овощами и фруктами и несколько головок сыра.

— М-м-м, — Хорус принюхался и улыбнулся. — Как вкусно здесь пахнет землей. Будто я сейчас в своей хижине. Признаюсь, я по ней скучаю.

— Не надо скучать. Мой дом — это твой дом. Я бы очень хотел, чтобы ты остался жить со мной, — Табит легонько сжал руку друга.

Хорус хотел что-то ответить, но не успел. Сильный удар сотряс дом.

— Начинается, — обреченно выдохнул Гриша и на всякий случай проверил, крепко ли заперта дверь в подвал.

Удар повторился и вместе с ним послышался треск.

— Надеюсь, твой дом не рухнет на наши головы, наместник, — тихо сказала Назифа. Обеспокоенный Табит лишь пожал плечами. От следующего удара со хрустом проломилась крыша и обелиск провалился на верхний этаж.

— Господи сохрани! — вырвалось у Гриши, и он начал неистово креститься.

Ур отполз к дальнему углу и прижался к стене. Табит и Хорус замерли, напряженно прислушиваясь. Одна Назифа сохраняла видимое спокойствие. Она вытащила кинжал,

подошла к двери и прильнула к ней ухом. Сверху послышалось шуршание и небольшой толчок.

— Пустынный в доме, — прошептала она и все невольно вздрогнули.

— Он нас найдет! Он нас найдет! Он нас на..

Истерический припадок Ура прервал Гриша от души влепив подзатыльник:

— А ну, цыц! Ведешь себя, как сопливая девчонка.

Тяжелые шаги на втором этаже слышались даже в подвале. Гриша мысленно прочел все молитвы, которые знал, но страх не покидал его. Между тем, Пустынный начал двигать и переворачивать мебель. От шума и грохота запрыгали кувшины и заколыхались огоньки свечей. Гриша вскочил на ноги, озираясь. На него зашикала Назифа и еле слышно спросила:

— Ты что ищешь?

— Арбалет! Никто не догадался принести сюда мой арбалет?

— Арбалет — твой, ты и должен о нем думать, — она вновь прильнула ухом к двери. — Как-то тихо там. Интересно, что он делает?

— Книжки читает, — горько усмехнулся Ур. Ему стало лучше, и он уже не трясся от страха, но все так же сидел в углу. Демон снова прошелся по второму этажу, затем оттолкнулся и с птичьим криком вылетел из дома.

— Как думаете, он еще вернется? — спросила девушка, но ей никто не ответил. Каждый молился про себя, чтобы этого не случилось.

Еще целый час они прислушивались, но тишину в доме ничего не нарушало.

— Ложитесь спать, друзья. Я подежурю, — сказал Табит. — У вас завтра тяжелый день.

***

Утром они вышли из подвала и первым делом поднялись на второй этаж, чтобы посмотреть, что натворил демон. Вся мебель была разворочена, из пола торчал тот самый кусок обелиска, а на потолке зияла большая дыра, сквозь которую было видно посветлевшее небо.

— Все-таки он глуповат, — подал голос Гриша. — Даже не додумался спуститься на первый этаж.

— Скажи «спасибо» ему за это, — фыркнула Назифа. — Ты оставил стрелы на столе, а арбалет на софе. Он мог легко их разломать или унести с собой.

— Вообще-то я занимался матрасами, чтобы не замерзла твоя упругая попка на земляном полу.

— Моя попка — не твоя забота! И вообще...

В разговор вмешался Ур:

— Хватит препираться! Не хватало, чтобы вы поссорились перед походом. Сегодня очень важный день. Он принесет нам почет... или смерть.

Гриша и Назифа разошлись в разные стороны и начали расставлять раскиданную мебель. Тем временем Табит приготовил завтрак и пригласил к столу.

— Бонапарта возьмем с собой? — спросил Гриша, набивая рот хлебом с медом.

— Не стоит, — отозвался Хорус. — Троиш не унесет и может помешать, испугавшись.

— Тогда позаботьтесь о нем, — юноша тяжело вздохнул. — Если я не вернусь, то отдайте в хорошие руки... Или оставьте себе. Только не надо напрягать его работой. Бонапарт — не тяжеловоз. Слишком тонкие ноги, как раз для быстрого бега.

— Можешь не беспокоиться, — заверил Табит. — Конь в хороших руках... Сегодня

должны приехать продавцы с Кабаргана. Я куплю все самое вкусное и буду ждать вас. Обязательно возвращайтесь.

После завтрака друзья попрощались с наместником и Хорусом и пустились в путь.

— Надеюсь, ты стрелы не забыл? — спросила Назифа. Она укоротила штаны и рубашку Табита и стала похожа на себя прежнюю в топе и юбочке. Мускулатура перекатывалась под смуглой кожей, а туго сплетенные косички, словно змеи, покачивались в такт ее легкому шагу.

— Не забыл. Они в кармане.

— Не колют? — хихикнула она.

— Иногда, — признался он и невольно поморщился от укола в бедро.

Внезапно Ур остановился и несмело спросил:

— Может пойдём, как велел Хорус, от его хижины? Лупер медлительный, но тоже опасный. Никогда не знаешь, что ожидать от этих тварей.

— Если боишься, то останься дома. Мы никому не скажем, — бросила через плечо Назифа. — Думаю, ты нам не пригодишься.

Однако Гриша положил руку на плечо приунывшего библиотекаря и твердо сказал:

— Не слушай ее, ты нам очень нужен. Без тебя мы не справимся. А насчет пути, я согласен с Назифой. Не хочется столько времени зря терять.

Тот кивнул и ускорил шаг. Как только они вышли из города, библиотекарь вытащил из заплечного мешка карту и показал Грише:

— Отсюда надо идти по прямой. Если сразу не найдем, то вернемся обратно, только возьмем немного налево. Жаль, у нас нет такого нюха, как у Хоруса.

— Зато у нас есть глаза, — отозвалась девушка. Она была в некотором отдалении, но, как оказалось, прекрасно слышала, о чем они говорят. — Глаза лучше носа. Ветер может дуть в другую сторону, и ты не учуешь опасности.

Они перешли речку и зашагали прочь от города и растительности, навстречу безжалостной пустыне и не менее безжалостному монстру.

Как и предполагал Ур, спустя час пути они не нашли ни лупера, ни Пустынного демона. Зато увидели вдалеке узкую речушку с низкой травой на берегу.

— Хорус говорил про реку. От нее надо взять налево, — Ур весь взмок и тяжело дышал. Темп ходьбы, который задала Назифа, ему совсем не подходил, но он ни слова не сказал, чтобы она шла помедленнее. Не хватало еще, чтобы она назвала его обузой.

Они попили воды из бурдюка, который нес Гриша, и пустились в обратный путь. Юноша вспомнил встречу с Екатериной Андреевной в кабинете музыки. Она стояла у окна и смотрела на заснеженный двор. В кабинете было темно, и только уличный фонарь освещал ее премилое личико и гибкий стан. Она слышала, как он зашел, но не повернулась. Гриша улыбнулся, встал к ней вплотную и легонько подул в русые волнистые волосы. Екатерина Андреевна знала, что ему нравятся ее волосы, поэтому распустила тугой пучок заблаговременно. Это был намек на то, что она его ждала.

— Ах, Григорий, вы меня напугали! — притворно воскликнула она. — Что вы здесь делаете? Ведь уроки уже закончились.

«В игры играете, любезная? Ну ладно», — усмехнулся он и сказал:

— Простите, Екатерина Андреевна, за беспокойство, но в этом кабинете я забыл свою фуражку. Юнкер не может ходить по улице без головного убора. Как же я буду отдавать честь с пустой головой?

— Какой вы смешной, — улыбнулась она. — Ваша фуражка на месте.

Гриша снял фуражку с головы и бросил в сторону парт. Она растворилась в темноте и с глухим стуком упала на пол:

— Помогите мне ее найти. Пожалуйста.

Она скромно опустила глазки и медленно пошла к широким длинным крепко сколоченным партам. Гриша последовал за ней, на ходу снимая шинель.

В реальность его вернул голос Ура:

— Расскажи нам о своей жизни, Назифа. Мы уже столько времени вместе, но почти ничего не знаем о тебе.

Девушка задумалась, почесывая левую грудь. Она считала, что жила скучной и однообразной жизнью, пока не решила идти на охоту на демона. Как-то вечером, когда она убирала посуду после ужина на террасе, к ним во двор забежал один из друзей старшего брата. Он был очень взбудоражен и чуть не снес калитку:

— Гор вернулся!

— С головой демона, как и обещал? — воскликнул старший брат.

— Не-ет, струсил! Хотя он, конечно же, начал юлить и выкручиваться, но я-то понял! Он струсил и вернулся домой. Если честно, я тоже передумал идти в Эль-Кар. Да и мать не отпускает, ревет.

Назифа подошла к мужчинам и несмело спросила:

— Что же говорит Гор? Почему ты решил, что он струсил?

— Говорит, что наместника обокрали и ему нечем платить за смерть демона. А бесплатно он не готов охотиться.

— Почему это не может быть правдой? — равнодушно спросила девушка и смахнула крошки с передника.

— Пф-ф-ф, — прыснул он. — Гор хвастался, что принесет голову демона и повесит над своей дверью, чтобы все знали, кому обязаны жизнью! Он бы ни за что не упустил возможность заполучить рогатую голову. Большого хвастуна и гордеца, чем он, во всем Кабаргане не найти. А он вернулся с пустыми руками и рассказывает небылицы. Ясно же — струсил!

Вдруг отец выглянул из окна и сурово сказал:

— Правильно, нечего там делать. И о чем только наместник Эль-Кара думает, посылая охотников? Если бы у нас появился Пустынный демон, то я бы первый встал и пошел собирать отряд, как было при «Битве Светлых». Нельзя в одиночку ходить на такого опасного врага! Даже трое или пятеро — мало. Не меньше пятидесяти, чтобы окружить и вдарить со всех сторон.

— Но я же собирался заработать золота! Сто монет нам на много лет хватит безбедно жить. Ты что, не отпускаешь меня? — закричал старший брат.

— Конечно, нет! — отец нахмурил кустистые брови и ударил увесистым кулаком по подоконнику. — Ты должен заботиться о семье, а не бегать по пустыне в поисках своей смерти. Чтоб я больше об этом не слышал!

Назифа схватила посуду и скрылась на кухне:

«Одного мать не отпустила, второго — отец, — подумала она и тихонько захихикала. — Не хотела бы я иметь такого трусливого мужа, как они. Сама пойду в Эль-Кар. Зря, что ли, столько лет упражнялась в метании ножей и в беге? Пришло время испытать свои силы».

— Назифа, — окликнул Ур. — Что с тобой? Почему ты молчишь?

Девушка вздрогнула, будто пробудилась ото сна и тяжело вздохнула:

— Моя жизнь совсем не интересна. Кроме охоты и домашних дел, я больше ничем не занималась.

— А я думал, что ты в каменоломне работала, — улыбнулся Гриша и подмигнул возмущенной девушке.

— Почему это?

— У тебя такие сильные руки! — признался он и покосился на выступающую мускулатуру.

— Отец занимался только братьями и не обращал внимания на меня. Чтобы быть ближе к нему я стала делать то же, что и братья. А они постоянно соревновались в силе и без конца тренировались.

— Бедная девочка, — Ур сочувственно посмотрел на нее и погладил по плечу. — Как же тебе не хватало матери.

— Да, не хватало, — кивнула она и строго добавила. — Но если ты еще раз меня тронешь, то будешь лечить сломанную руку.

Вдруг Гриша остановился, огляделся и прошептал:

— Я его чую.

— Кого? Демона? — встревожился Ур.

— Нет. Лупера.

Назифа принялась и кивнула.

— Да, похоже это он. А я думала, это Ур воздух испортил, — захохотала она.

Библиотекарь от возмущения не мог вымолвить ни словечка. Он хватал ртом воздух, силясь что-то сказать:

— Ты...как не стыдно...Я бы никогда!

Но Гриша резко зажал ему рот рукой и показал вперед.

— Смотрите, там что-то торчит из песка. Видите?

Назифа проследила за направлением его пальца и отрицательно замотала головой:

— Нет там ничего.

— Есть, — он отпустил Ура, снял арбалет с плеча и зарядил стрелу. — Что-то темное торчит из песка. Не уверен, что это лупер, но все-таки надо быть настороже.

Он прицелился и начал медленно приближаться к темному пятну в желтом песочном море.

— Фу-у-у! — Гриша зажал нос рукой. — От такого запаха должны вороныдохнуть.

Вдруг сзади послышалось шуршание. Гриша резко обернулся и увидел, как из-под песка показалась мохнатая когтистая лапа. Сзади тоже зашуршало и то, что привлекло внимание Гриши оказалось макушкой уродливой головы.

— Их двое! — закричал он, отступая назад и держа луперов на прицеле.

— Отсюда тоже лезут! — закричал Ур и метнулся к Грише. — И вон там! И там!

Назифа тоже подбежала к ним, сжимая в обеих руках по кинжалу. Со всех сторон слышалось шуршание и из-под песка полезли твари. Сначала юноша насчитал двенадцать луперов, затем двадцать пять. На сорока остановился и понял, что нет смысла дальше считать, если стрел всего одиннадцать.

Глава 23 Что это было?!

— Что будем делать? — испуганно запричитала Назифа. — Мы не сможем всех убить.

Пепельного цвета мерзкие создания с длинными зубастыми мордами, огромными животами и короткими ногами, пыхтя и чавкая, окружали их. От резкого противного запаха перехватывало дыхание, а от вида вязкой зеленой слюны, капающей из раскрытых пастей, хотелось блевать. Гриша судорожно обдумывал их положение, но не нашел ничего лучше, чем крикнуть:

— Бежим!

Чтобы сделать проем в живой изгороди, он выстрелил в ближайшего лупера. Стрела пролетела сквозь него, задела следующего и исчезла вдаль. Вдруг по руке сильно ударили и арбалет отлетел в сторону. Матерый монстр стоял рядом и пыхтел, изучая Гришу желтыми глазами с продольными черными зрачками. Юноша в ужасе замер, а лупер распахнул огромную пасть и ринулся на него. В последний момент Гриша отпрыгнул в сторону и мерзкие зубы клацнули у самого его уха. Еще один лупер протянул когтистую лапу и хотел схватить за ногу, но Гриша ловко увернулся, схватил арбалет и побежал сквозь нестройный ряд медлительных тварей.

— За мной! Не отставайте! — он уворачивался, подпрыгивал и бил прикладом арбалета по противным мордам. Назифа бежала следом, а Ур порядком отстал.

— Аааа! — истошно заверещал библиотекарь. — Помогите!

Юноша и наемница на бегу обернулись и в ужасе остановились. Один из монстров схватил когтистой лапой Ура за ногу, а остальные, обливаясь слюной, приближались к нему. Не сговариваясь, Гриша и Назифа бросились на выручку. Девушка орудовала острыми кинжалами, как опытный мясник, а Гриша убрал арбалет за спину и, по-молодецки, бил кулаком по противным мордам. Правда, череп монстров был настолько крепкий, что казалось, будто он колотил по стене. Кожа на костяшках пальцев полопалась и стерлась от жесткой щетины. На морде каждого побитого лупера краснела кровь Гриши. Ур тоже отбивался и брыкался, чтобы вырваться из смертельной хватки, но тварь не желала упускать свой обед. Вскоре на помощь подоспел Гриша и ударом ноги в шею, откинул лупера назад. Ур почувствовал свободу, отполз из гущи драки и закричал:

— Ребята, отступайте!

Гриша и Назифа вырвались из плотного круга визжащих искалеченных тварей и, схватив Ура под руки, побежали по плотному песку.

— Я могу идти. Отпустите меня! — взмолился Ур, когда друзья оттащили его на несколько десятков шагов от своры.

— Что же ты молчишь? — возмутилась Назифа, тяжело дыша.

— Я не молчу, вы мне даже слова не дали сказать! Схватили и потащили, будто я безвольная кукла.

— Ладно тебе. Не бухчи, — Гриша плюхнулся на землю и вытер пот, стекающий по солба. — Выбрались, Слава Богу. Засаду устроили, сволочи! Теперь понятно, как они охотятся на таких коротких ножках. Окружают и хватают. А вонища, — он сморщил нос. — Хорус с его острым нюхом задохнулся бы.

Тем временем Ур развязал мешок, достал лечебные порошки, которые прихватил из дома, и посыпал три глубокие царапины на левой ноге.

— И как ты умудрился им попасться? — пробурчала Назифа и показала такие же царапины на своих руках.

Ур виновато пожал плечами и обработал ее раны. Затем они наскоро перекусили и снова продолжили путь.

— Мы хоть правильно идем? — спросил Гриша, приложил руку ко лбу и огляделся.

Пустыня здесь была не безжизненна, высокие дюны покрывали пучки жесткой травы, под ногами то и дело пробегала ящерка или жук с темно-зелеными крыльями.

Ур посмотрел на солнце, затем на карту и неуверенно ответил:

— Вроде правильно. Если солнце там, а мы идем отсюда, то где-то здесь и должен жить демон.

— Должен, — передразнила его Назифа. — Учти, если мы его не найдем при дневном свете, то он нас ночью найдет при свете звезд. И в этом будешь виноват ты!

— Ур старается, — твердо сказал Гриша. — Почему ты стала такой злой? Тебе вечно что-то не нравится. Может, ты хочешь домой, к папочке?

Назифа угрожающе двинулась на него, буравя взглядом, но Гриша даже не шелохнулся.

— Хочу домой, к папочке, — сквозь зубы процедила она. — Не ты ли постоянно ныл, что хочешь домой? Но ты не можешь, а я могу. Я могу сейчас же развернуться и пойти к своей семье, но не делаю этого. Золото, конечно, хорошо, но жизнь дороже. Жизнь всех людей. Если мы его не остановим, то через несколько лет, не останется никого.

К ним подскочил Ур и взволнованно прошептал:

— Не время спорить. Лучше посмотрите вон туда.

Вдалеке виднелась высокая, поросшая травой дюна, на самой ее вершине стояло дерево. Гриша пожал плечами:

— Ничего не вижу. Только дуб... или пальму. Отсюда не разобрать.

— Это не дерево!

— Как это — нет? Внизу ствол, наверху густая листва.

Назифа ахнула и прижала рукой рот:

— Ур прав. Это демон!

— Вы решили надо мной подшутить? У меня все в порядке с глазами. Вон ствол, а дальше...

Но тут и до него дошло. То, что юноша принял за ствол — были ноги, а голова и руки были спрятаны под крыльями, которые издали казались кроной дерева.

***

Через полчаса друзья осторожно подошли к подножью высокой дюны и с замиранием сердца уставились на великана. Этот Пустынный был намного больше того, который жил в горах Груфу. Огромные кожистые крылья трепетали от глубокого дыхания, мускулистые ноги с острыми изогнутыми когтями были толщиной со ствол средней пальмы.

— Здравствуй, дружок. А вот и мы. Заждался небось, — шепотом сказал Гриша, зарядил арбалет и прицелился. Напряженная Назифа сжимала в руках по кинжалу, а Ур стоял где-то сзади и прикрывался своим мешком, как щитом.

— Не кажется ли вам, что все слишком легко? — тихо спросила девушка. — Пустынный, как будто нас дожидается.

В ответ на ее слова демон распахнул крылья и с резким птичьим криком взмыл вверх.

— Стреляй!!!

Гриша прицелился, но не успел нажать на курок. Демон ринулся вниз и полетел зигзагом почти у самой земли, удаляясь все дальше и дальше с каждым взмахом гигантских крыльев. Юноша выпустил стрелу наугад, в надежде попасть, но она пролетела мимо и воткнулась в холм, заросший травой.

— Это не его дом. Здесь нет гнезда, — Ур уже успел взобраться на дюну и теперь внимательно осматривал все вокруг. — И трава почти не примята.

— Что же нам теперь делать? — спросила девушка. — Если до темна не найдем, то он найдет нас и...

— Ничего не будет, — прервал ее Гриша. — Помнишь грозу на пути в горы? Я тогда видел глаза демона. Они светились, как свечи в ночи. Пустынному от нас не скрыться, если только он не будет с закрытыми глазами на нас нападать.

Назифа с облегчением выдохнула и убрала кинжал.

— Ты прав. Ему от нас не уйти... Но еды и воды хватит только на два дня. Не хотелось бы возвращаться в Эль-Кар без победы.

— Значит, надо поменьше болтать и побольше двигаться, — он повесил арбалет за спину и побежал в сторону удаляющейся темной точки на горизонте.

Назифа и Ур пустились следом. Земля здесь была плотная, скрепленная корнями травы, поэтому бежать было гораздо легче. Гриша не сводил взгляда с летящего впереди демона, но мысли были о другом. Запах. От него опять пахло домом: шерстяными носками из овечьей шерсти, яблочным пирогом и свежими березовыми полешками.

«Не понимаю... А может, он так приманивает жертву, как росянка на болоте? Или это со мной что-то творится».

— Эй, Ур! — он повернулся к раскрасневшемуся библиотекаря в мокрой от пота белой накидке. — Чем, по-твоему, пахнет демон?

— Мне-то откуда знать. Я его не нюхал, — он остановился и оперся о колени. — Давайте отдохнем, а то ноги уже не идут. Упаду и не встану.

— Нельзя! Если мы его потеряем из виду, то можем больше и не найти.

— Ну тогда бегите без меня. А я больше не могу. Это вам, молодым, хорошо, а я вдвое вас старше.

Гриша с грустью посмотрел на темную точку, исчезающую вдаль, и плюхнулся на землю.

— Уговорил. Ему-то что? Только крыльями маши, а нам бежать по этим холмам. Лишь бы в другой город не полетел, а так можно и в Эль-Каре выследить, когда на охоту вернется.

— Ага и охотиться он будет на Табита с Хорусом. Хороший ты друг, — съязвила девушка и растянулась на верхушке очередной дюны, там, где не росла колючая трава.

Солнце стояло в зените и раскаляло землю и воздух. Друзья немного отдохнули, попили воды и зашагали в ту сторону, куда улетел демон. Разговаривать не хотелось. Все чувствовали, что осталась последняя битва и они освободятся, но никак не ожидали, что придется бегать за убийцей.

— Ур, кто-нибудь видел, как демон убивает?

Библиотекарь замотал головой и уверенным голосом ответил:

— Нет, он хватал добычу и просто исчезал в ночи.

— А кровь? Хотя бы каплю крови находили?

— Не знаю, но я ничего не нашел, когда вернулся домой, — он горестно вздохнул. — И хорошо, иначе сошел бы с ума... Надеюсь, он не сильно издевался над моей семьей. Если бы

я был дома, то этого бы не случилось... Это я убил своих детей.

— Не печалься, Ур, — Назифа похлопала его по плечу. — Зато ты нашел способ избавиться от демона. Если бы не ты, то нас с Гришей уже бы не было.

Ур похлопал носом, вытер мокрые глаза и с благодарностью посмотрел на девушку. Гриша остановился, как вкопанный, и прищурился.

— Вы только посмотрите! Он в кошки-мышки решил с нами поиграть?

Вдалеке виднелась вытянутая черная фигура, неподвижно стоящая на вершине дюны.

— Я зайду слева, а ты пробирайся прямо, — велела Назифа. — Только так, чтобы демон тебя не заметил. Нельзя его упускать. Если он думает, что умнее нас, то сильно ошибается!

Она пригнулась и, перебежками от песчаного бархана до травянистой дюны, начала обходить Пустынного слева. Гриша велел Уру дожидаться их и не подходить близко к демону, а сам зарядил арбалет и, не спуская взгляда с черного изваяния, пошел прямо на него.

— Спи, моя радость, усни, — прошептал юноша. — Все хорошо, скоро ты будешь дома. Устал, небось, на чужбине. И я устал. Давай уже покончим с этим и вернемся к родным и любимым. Есть у тебя семья? А может, тот из Груфу был твоим сыном? Если так, то прости. Но вы сами не оставляете нам выбора. Нельзя на чужой земле распоряжаться и людей похищать.

Тем временем Назифа добралась до демона, выскочила из-за дюны и метнула кинжал. То, что произошло в следующее мгновение Гриша осознал чуть позже. Демон еле заметно дернул крылом отчего кинжал поменял направление полета и вонзился в землю у ног ошеломленной девушки. Она тут же достала следующий кинжал, то Гриша криком остановил ее:

— Стой! Я стреляю.

Щелчок и стрела, рассекая воздух, с тихим свистом полетела в Пустынного. Тот был начеку и, взмахнув крыльями, устремился ввысь. Однако стрела оказалась проворнее и воткнулась в его бедро.

— Аа-ра-ра-ра-рар! — закричал демон и вместо того, чтобы улететь, развернулся и полетел на Назифу. Она такого не ожидала, поэтому замерла, не в силах пошевелиться.

— Беги! Назифа, беги!!! — закричал Ур и ринулся к ней, размахивая мешком, чтобы отвлечь демона от девушки.

Когда Пустынный был совсем близко и почти дотянулся до нее своими когтистыми руками, она просто упала на землю. Пустынный пролетел над ней и обиженно крикнул. Тем временем, Гриша снова зарядил арбалет и нажал на спусковой крючок. Стрела рванула во врага, но тот вильнул, и она полетела дальше.

— Вот паскуда! Но ничего-ничего, сейчас ты у меня получишь щец! — он судорожно вставлял следующую стрелу, с ужасом глядя на то, как демон развернулся и вновь полетел к девушке.

Урок не прошел даром. На этот раз он опустился так низко, что почти касался земли. Девушка метнула второй кинжал, который попал по длинному острому рогу и отлетел в сторону.

— Беги!!! — неистово закричал Ур.

Назифа развернулась и побежала прочь от демона, но он был намного быстрее. В два взмаха догнал и почти дотянулся до ее шеи, но тут его крыло насквозь прошила стрела. Гриша радостно вскрикнул и снова зарядил арбалет. Демон закричал диким гортанным голосом и взмыл вверх.

— Так тебе, шельма!

Пустынный поднимался все выше и выше.

— Стреляй! — закричала Назифа и устало опустилась на землю. — Не дай ему уйти.

Гриша хотел прицелиться, но солнце слепило глаза и темное пятно в небе размывалось.

Ур сел рядом с трясущейся девушкой, развязал бурдюк и дал ей попить.

— Далеко не улетит. Я ему крыло прострелил и в ногу ранил, — Гриша приставил руку ко лбу и начал наблюдать за демоном, который в голубой выси кружил над ними, как коршун над цыплятами. — У меня осталось шесть стрел. Надо стрелять наверняка.

Он порыскал по округе, нашел кинжалы и вернул их Назифе. Она уже успокоилась и потиралашибленный при падении копчик.

— Спасибо вам, — тихо сказала она. — Вы спасли меня.

Ур махнул рукой, вытащил из мешка две лепешки и одну протянул девушке. Гриша сел на корточки рядом с друзьями, поднял голову вверх и уставился на парящего демона.

— Может, попробовать выстрелить? Вдруг попаду.

— Не надо, — строго сказал библиотекарь и вытряхнул мелкие камешки с сандалий. — Сам же говорил, что надо стрелять наверняка. И чем ему так Назифа понравилась? На меня он даже не взглянул.

Гриша перевел задумчивый взгляд с демона на девушку и расплылся в улыбке. Назифа вздрогнула, насупила брови и замотала головой:

— Даже не думай!

Ур вопросительно уставился на них, не понимая, что происходит.

— Ну пожалуйста, — юноша молитвенно сложил руки. — Я не промахнусь. Обещаю.

— Я не хочу, — призналась она и затравленно посмотрела вверх. — К тому же я поняла, о чем вы говорили с Хорусом... Его запах. Когда эта черная лоснящаяся туша пролетала надо мной вдруг запахло похлебкой. Густой мясной похлебкой, которую мама готовила на наши дни рождения. Мы съедали мясо и овощи, а потом макали хлеб в ароматный соус. Имениннику разрешалось вылизывать посуду... Мне вдруг захотелось протянуть руки и ухватиться за него. Я боюсь не его, а того, что могу сдать без боя.

Гриша погладил ее по плечу и кивнул:

— Не переживай, мы все равно его достанем.

Друзья подняли головы вверх и посмотрели на Пустынного демона, издевательски высоко парящего над ними.

***

— И что теперь? — спросила Назифа.

— Покричи или попляши. Можешь песню спеть.

— Мне это не нравится! Назифа, немедленно спускайся оттуда! — возмущенно крикнул Ур и повернулся к Грише. — Мне не нравится, что ты используешь Назифу, как приманку. А вдруг ты промажешь?

— Успокойся, Ур, — усмехнулась она. — Я сама согласилась. Если честно, то это лучшее, что мы могли придумать.

Она стояла на вершине дюны и махала рукой демону. Прошло не менее часа с тех пор, как он поднялся в небо, но все также кружил над ними. Гриша зарядил арбалет и выжидательно смотрел на черное пятно.

— Ну давай же, милоч, спускайся, — тихо сказал он. — Ты только посмотри какой

лакомый кусочек тебя дожидается. Молодая, красивая, стройная. То, что нужно сильному волевому демону средних лет.

Ур подошел сзади и прислушался, а юноша продолжал:

— Это тебе не стариков с толстяками таскать. Про коров и быков я уж и молчу. Если будет мало, то здесь еще один больно умный мужичок под ногами крутится. Хватит тебе на один зубок.

— Эй! Ты что несешь? Я-то тут причем?

Гриша весело рассмеялся и похлопал Ура по плечу:

— Расслабься. Он нас не слышит.

— А вдруг слышит? Откуда ты можешь знать. Может, у демона слух еще лучше, чем у Хоруса нюх?

— Да он по-нашему и не понимает небось. А ты уже...

Он не договорил. Демон сложил крылья и стремительно летел к земле. Назифа испугано посмотрела на Гришу, выхватила кинжал из пояса и спрыгнула с дюны.

Пустынный закрутился, как буравчик, будто намеревался ввинтиться в землю. Гриша выстрелил на опережение, стрела ударилась об него и отлетела в сторону. Вдруг демон распахнул крылья и мягко, словно перо, начал спускаться. Назифа резким движением бросила кинжал. Лезвие сверкнуло на солнце и пролетело между птичьими ногами. Гриша тем временем успел зарядить арбалет и выстрелил. Душераздирающий вопль разнесся над пустыней и в плече демона появилось отверстие, сквозь которое светило солнце.

— Давай еще! — закричала девушка, ее глаза светились азартом. — Добей его!

Юноша снова зарядил арбалет, но прицелиться не успел. Демон вытянул руки и полетел на него.

— Бежим!

Друзья стремглав бросились врассыпную. Однако демон полетел за Гришей, уставившись на него огненно-красными глазами.

«Ой-ё-ёй! Только не это, — Гриша петлял между дюнами, постоянно меняя направление, чтобы не попасться в страшные когтистые руки. — Где же Назифа? Кто-нибудь спасите меня!».

Глава 24 Не трогайте меня языком!

Юноша хотел повернуться и выстрелить, но демон был так близко, что Гриша чувствовал его тяжелое дыхание за спиной. Вдруг Пустынный поднялся над ним и с такой силой замахал крыльями, что ветер засвистел в ушах и закружилось облако песчаной пыли.

Между тем демон завертелся над Гришей, поднимая пыль со всех сторон. Вскоре юноша уже не мог разобрать, в какой стороне находится демон и остановился. Песок лез в глаза и рот, мешал дышать и видеть.

— Ур, ты где?! На-зи-фа! Отзовитесь! — закричал он, но его голос тонул в неистовом вихре.

Тут прямо перед ним вспыхнули красные огоньки, крепкие руки схватили его за плечи и прижали к чешуйчатой коже груди.

— Не-е-е-ет! Помогите! — заверещал Гриша, извиваясь всем телом в железной хватке.

Внезапно черная прохладная кожа начала светлеть, и голова Гриши провалилась в пустоту. Он открыл глаза и увидел необыкновенно красивое место. Вокруг, насколько хватало глаз, все было зеленым зелено. Густую растительность разбавляли островки цветов и плодовых деревьев. Маленькие аккуратные домики стройными рядами стояли на очищенной площадке. Серые тропинки от дворов с низкими заборчиками соединялись друг с другом и вливались в широкую дорогу. Но больше всего поразили люди. Чистенькие, причесанные, в красивых нарядах, они беспрестанно улыбались друг другу и кланялись при встрече.

— Это сюда он всех людей переместил? — прошептал Гриша и услышал мычание коров. Рыжие, черные, пятнистые, они жевали сочную траву на поляне и здесь же их доили несколько женщин. Чуть поодаль, на соседнем лугу, с блеянием носились овцы.

— Что это за место? — юноше нестерпимо захотелось быть одним из них. Таким же спокойным, умиротворенным и улыбающимся. Он знал, что стоит только протянуть руку и... Но тут его грубо дернули за ноги и видение пропало, а внизу пискнул придавленный Ур.

Реальность будто застыла и превратилась в густой кисель. Гриша услышал крик Ура, затем над ними пролетел кинжал, сверкнув перламутровым лезвием, и воткнулся в грудь демона. Из последних сил Гриша прицелился и нажал на курок. Стрела продырявила лоб между рогами. Вопль боли, разочарования и обиды утонул в яркой белой вспышке, и демон исчез. Юноша медленно закрыл глаза и отключился.

— Дай ему попить, — услышал он голос будто издалека.

— Нельзя, захлебнется.

— Хотя бы губы смочи, а то иссохлись.

— Вот проснется и сам попьет, — он узнал голос Ура

— Тогда не лей понапрасну на лоб, а то пить нечего будет, — буркнула Назифа.

Он хотел еще полежать и незаметно подслушать их разговор, но нос защекотала травинка, и Гриша чихнул.

— О! Проснулся наконец! — обрадовалась Назифа и похлопала его по щеке. — Вставай. Хватит валяться.

Гриша приоткрыл глаза и огляделся. Он лежал на земле, под головой у него был мешок Ура, а сапоги аккуратно стояли сбоку.

— Что случилось?

— Мы победили демона! — радостная Назифа хлопала в ладоши. — До сих пор его

птичий крик в ушах стоит.

Юноша обернулся, затем посмотрел на небо и с облегчением выдохнул:

— Фу-ух! Слава Богу, справились! Правда, сил нет, будто камни таскал.

Ур протянул ему бурдюк. Гриша сделал несколько больших глотков и снова опустился на землю.

— Представляю, как обрадуется отец, когда я заявлюсь домой с золотом. Четыреста монет!!! — восхищенно произнесла она, а затем ворчливо добавила. — Хотя, если бы кое-кто не спал, а дежурил, денег было бы больше.

— Если бы кое-кто не появился на твоём пути, то ты бы домой вообще не вернулась, — заступился Ур. — Давайте собираться в обратный путь. Наши друзья, наверное, места себе не находят.

Гриша схватил библиотекаря за руку, посмотрел на Назифу и хрипло сказал:

— Мне нужно вам кое-что сказать. Не знаю, сон это был или явь, но... Демон показал мне, что происходит с людьми, которых он крадет.

— И что же? — тихо спросил Ур, напряженно всматриваясь в его лицо

— Они в другом мире. В прекрасном мире. Я увидел чистый город с красивыми домами, зелеными лужайками и ровными дорогами. Люди там все очень счастливы, белозубые улыбки не сходят с их лиц. Отовсюду слышится детский смех... А может, я свихнулся?

— Когда демон прижал тебя к себе, ты вспыхнул ярким белым светом, — еле слышно сказал Ур. — Я понял, что происходит что-то странное, схватил тебя за ноги и дернул со всей силы. Ты выскочил из его объятий и упал прямо на меня. До сих пор рука болит.

Наступила тишина. Гриша снова и снова возвращался к видению, гадая, показалось ему или нет? Ур смотрел на голубое небо и улыбался. Он очень живо представил себе тот чудесный мир, в который попали его жена и дети. И только Назифа хмурила брови, бросая недоверчивый взгляд на юношу.

— Ты думаешь, что мы зря демона отправили восвояси? — наконец выдала она, уперев руки в бока. — Может, нам не надо было вмешиваться в его дела и пусть бы дальше воровал детей, а?

Гриша сначала опешил от ее проницательности, ведь именно эта мысль поселилась в его голове и не давала покоя. Но признаваться он не хотел, поэтому потер переносицу и устало ответил:

— Я не знаю... Я ничего не знаю.

Радость от победы над врагом улетучилась, уступив место тихой печали. То, к чему они стремились с первого дня похода, не принесло им столько радости, на которое они рассчитывали. Наоборот, появились горькие сомнения и вопрос: правильно ли мы поступили?

Солнце клонилось к закату. Друзья решили не задерживаться и побрели в сторону Эль-Кара. Ур выпросил у Гриши сапоги в обмен на свои сандалии. Юноша согласился, хотя за последние дни так их стоптал, что они заваливались набок. Назифа заметила, как Ур держится за ушибленную руку, на которую упал Гриша, подошла к нему и, невзирая на возражения, оторвала кусок ткани с подола и подвесила руку к шее.

— Спасибо. Так гораздо легче, — признался он.

— Знаю. Проверено на себе. Особенно левая рука частенько болела после упражнений.

Вскоре показались верхушки городскихobelisks.

— Почти пришли, — кивнул юноша и вдруг остановился, как вкопанный.

— Ты чего? — испугался Ур.

— А если, это демон меня сюда переместил и обратно только он мог меня отправить?

Похоже, теперь я никогда не попаду домой.

Назифа дернула плечом и с безразличным видом сказала:

— Ну и хорошо. Будешь жить с нами. Будем друг другу в гости ездить. Мы с Уром тебе невесту подберем.

— Зачем подбирать? — удивился Ур. — А ты чем не невеста?

Щеки Назифы вспыхнули, и она ускорила шаг. Гриша не обратил на это внимания и лишь горестно вздохнул. Он-то надеялся, что после смерти демона сразу же очутится дома. В нем теплилась надежда, что судьба его забросила на эту чужую землю для того, чтобы он помог местным жителям одолеть врага. Но теперь эта надежда в нем таяла, уступая место отчаянию. Ему так захотелось закричать, но он сдержался, крепко стиснув зубы.

«Здесь тоже можно жить, — пытался он убедить себя. — Хочется, конечно, в Вольгино к бабушке, но это пройдет. Построю дом, заведу семью, посажу сад. Буду на Бонапарте по пустыне разъезжать и обязательно заведу гончих».

Через полчаса друзья подошли к реке. Солнце почти скрылось, поэтому надо было торопиться, чтобы не заплутать в темноте. Облака заволокли все небо, а это значит, что даже слабый свет звезд им не поможет.

— Надо найти брод, чтобы не раздеваться, — сказал Ур. — В прошлый раз мы прошли ниже по течению. Там везде мелко, а тут глубоко, выше головы будет.

— Как называется эта речка? — спросил Гриша и потрогал воду рукой. — Прохладная.

— Серебрянка, — ответил Ур. — С ключа течет, поэтому вода такая вкусная и чистая.

Тихий плеск привлек внимание Гриши.

«Рыба плещется. Надо будет на рыбалку сюда прийти. Интересно, у них удочки есть или только сетями ловят?»

Он хотел задать эти вопросы библиотекарю, который шел впереди по высокой траве и искал, где помельче.

— Эй, Ур! А удочки...

Юноша не успел договорить. Плеск повторился рядом с ним, и из воды показалась плоская голова с длинной зубастой мордой и маленькими глазками.

— Крокодил, — испуганно выдохнул он и попятился.

Назифа плескалась в воде, весело вскрикивая, а Ур с арбалетом на плече успел уйти на несколько десятков шагов. Гриша развернулся, но не успел сделать и шага, как из пасти чудовища молниеносно метнулся ярко-красный раздвоенный язык, схватил его за ногу и резко дернул.

— А! — ахнул Гриша и упал со всего размаху на землю. От сильного удара перехватило дыхание, он не мог ни крикнуть, ни вздохнуть. Существо, которое лишь отдаленно напоминало крокодила, вылезло на берег и потянуло Гришу в свою огромную пасть. Юноша посмотрел на Назифу, стоящую к нему спиной и напевающую песню, на Ура, который удалялся все дальше, и понял, что рассчитывать может только на себя. В кармане остались стрелы, которые часто кололи, и он не раз порывался положить их в мешок, но что-то каждый раз останавливало. Он засунул руку в карман и сжал их. Тварь дернула его еще раз и, когда ноги по колена исчезли в жадной глотке, Гриша приподнялся и вогнал стрелы в нос недокрокодила.

Чудище завизжало и ослабило хватку, истекая темно-красной кровью. Гриша отполз от

него и вскочил на ноги. На вопль боли прибежали испуганные Назифа и Ур.

— Что случилось? Кто это? — девушка кинулась к Грише, которые тяжело дышал и продолжал сжимать стрелы побелевшими пальцами.

— Я не знаю. Вылезло из воды и схватило меня за ноги.

— Такой мерзкий, — брезгливо поморщилась она. — Голова крокодила, а тело жабы. Ур, что это за тварь?

Библиотекарь обливался потом и часто дышал. Бегать в сапогах он не умел, поэтому они постоянно выскальзывали из его голых ног и приходилось останавливаться, чтобы снова натянуть.

— В первый раз вижу. Что-то тварей становится все больше и больше. Пять лет назад их почти не было, а теперь на каждом шагу.

Чудовище уже не вопило, а тихонько поскуливало, растянувшись на берегу. У Гриши на ноге кровоточил длинный порез об острый зуб твари. Ур посыпал рану порошком, а Назифа снова оторвала от подола Ура полоску ткани и перевязала ногу Гриши.

— Ур, ты нашел брод? Скоро совсем стемнеет, — встревожилась девушка.

— Нет, но я нашел мост. Здесь недалеко, — указал он пальцем на густые заросли берегового куста.

Мост, состоящий из двух досок, был в воде, поэтому его покрывал толстый слой скользкой тины. Первым пошел Ур. На середине реки доски так сильно прогнулись, что он почти зачерпнул голенищем воду.

— Иди мелкими шажками. Не бойся! — подбадривала Назифа. — Если упадешь, то я тебя спасу... Может быть... А может и не спасу!

Ур благополучно добрался до противоположного берега и замахал рукой. Следующей пошла Назифа. Она сняла сандалии, но когда очутилась на тине, то пожалела об этом. Ноги тут же разъехались, и она нырнула в прохладную воду. Ур испуганно вскрикнул, но девушка сразу же вынырнула и поплыла к берегу.

Пришел черед Гриши. Плавать он умел, поэтому вода его не пугала, но после встречи с чудищем появился страх, что в реке их много и стоит только ступить на мост, как длинный ярко-красный язык высунется из воды, схватит за ноги и утянет на дно. Он вытащил стрелы из кармана, подошел к перекинутым через реку доскам и замер. Прошла минута, другая. Друзья на другом берегу начали роптать, подгоняя его, но Гриша никак не мог решиться. Усталость, страх, боль и отчаяние настолько измотали его, что даже небольшое препятствие порождало панический ужас и мрачные мысли.

— Если ты сейчас же не перейдешь на этот берег, я схвачу тебя за ухо и приволоку силой! — грозно крикнула Назифа и показала увесистый кулак.

— Боком повернись и маленькими шажочками, — посоветовал Ур. — Главное, не торопись! А то упадешь. Доски сильно прогибаются, но прочные. Не бойся!

«А я и не боюсь... Может, самую малость».

Юноша глубоко вздохнул, крепко сжал стрелы и в три прыжка перескочил мост. Друзья с облегчением выдохнули и быстро зашагали в город. Когда они подошли к воротам Табита, уже наступила кромешная тьма. Они нашли дом только по полоске света из-за плотных ставен.

— Наместник, открывай! — закричала Назифа и забарабанила по двери.

Из-за двери послышался скрип засовов и из небольшой щелочки послышался голос Табита:

— Кто там?

— Свои! Мы вернулись с победой! — Назифа радостно засмеялась.

Табит открыл дверь, спотыкаясь бросился к воротам и распахнул их.

— Вернулись, — выдохнул он. — Живые и здоровые.

— Не совсем здоровые, — поправил Гриша и показал на ногу в мокрой кровавой повязке.

Наместник в голос зарыдал и бросился друзей обнимать, приговаривая:

— Вернулись...живые...вернулись.

В дверях появился обеспокоенный Хорус, но когда услышал, что происходит, расплылся в улыбке:

— Наконец-то! А мы вас уже заждались. Я уверял, что вы к ужину вернетесь. Немного опоздали, но ничего, главное — справились.

Троица весь вечер наперебой рассказывала о луперах, спрятавшихся в песке, и о демоне, который сначала приманивал их, а затем хотел поймать.

— Ничего не понимаю, — признался Табит. — Если демон видит днем, то почему охотился ночью?

— Как почему? — опешил Ур. — Днем бы он точно никого не поймал. Он же огромный! Его издали было бы видно, а ночью он прятался в темноте. Хотя его могли выдать красные глаза, но кто смотрит в темноте наверх? Все только глядят под ноги, чтобы не споткнуться или не подвернуть ногу. Гриша, опиши еще раз то, что ты видел, — попросил он и улыбнулся. — Мне приятно знать, что с моей семьей все хорошо и они счастливы.

Юноша откинулся на софе, поставил больную ногу на стул и кивнул:

— Хорошо. Но это уже третий раз. Мог бы уже и запомнить.

— Хочу услышать от тебя, — смущенно проговорил он. — А я пока закрою глаза и представлю себе то, что видел ты. Только начни с самого начала и как можно поподробнее.

Гриша откашлялся и, уставившись на нервный огонь свечи, заговорил:

— Демон поднял такой ветер, что пыль и песок полетели мне в лицо. Я зажмурился и закрыл рукой нос. Вдруг Пустынный схватил меня за плечи и прижал меня к себе. Сначала я чувствовал только его сильные руки, больно сжимающие меня, но потом перестал ощущать тело и в панике открыл глаза. Передо мной лежала земля, будто сижу на облаке и смотрю вниз. Вдали виднелись холмы, поросшие темно-зеленым лесом, луга и вспаханные земли. Прямо подо мной раскинулся город. Одинаковые низкие дома с серыми крышами стояли ровными рядами. Все у них было одинаковое: кусок земли перед домом, ширина и длина дорожки и даже печные трубы. Люди неспешно прохаживались, дети бегали и играли. И улыбки. Белоснежные улыбки на их лицах...Никогда не видел таких белых зубов. Может, зубной порошок какой-то особенный? Короче, не знаю...На чем я закончил? — он задумчиво приложил палец к подбородку. — Вспомнил! Я был уверен, надо только протянуть руку и окажусь с ними. В их мире, в их мечте. Но тут любезный друг Ур дергает меня за ноги и все. Конец мечте и счастью.

— Ну я же не знал! — возмутился библиотекарь. — Я тебя спасал!

— Расслабься, — подмигнул Гриша. — Я пошутил. Спасибо тебе за помощь. Ты настоящий друг. Не зря я чувствовал, что ты обязательно должен быть с нами.

Ур успокоился, вновь закрыл глаза и махнул рукой:

— Продолжай.

— Всё.

— Нет не всё! О людях больше расскажи. О том, какие они красивые и счастливые. Кстати, может ты заметил шатенку с меня ростом, но немного поплотнее? У нее слегка сдернутый кверху нос и красивые глаза. Она любила платья с вышитым поясом.

— Нет, не заметил.

— А маленькую девочку с длинными ресницами и алыми лентами в кудряшках? — с волнением в голосе спросил он.

— Нет.

— А мальчика похожего на меня, но с...

— Ур, нет! — твердо сказал Гриша. — Я не всматривался в лица... Только в зубы. Белоснежные зубы.

Глава 25 Сомнения

Гриша и Табит стояли на улице. Воздух стал прохладнее и ароматнее, пахло распустившимися цветами на плодовых деревьях. Дверь была открыта, поэтому света хватало, чтобы увидеть кусок обелиска, прислоненного к каменному забору.

— Как думаешь, сможем убраться? — спросил наместник.

— Конечно, — махнул рукой Гриша. — Вытащить со двора поможет Бонапарт... А вы его не забыли покормить?

— Покормили и напоили, не беспокойся. Лучше скажи, что собираешься делать? Куда идти?

Гриша опустил на стул, связанный из крепких стеблей, и тяжело вздохнул:

— Надеялся, что как только демон исчезнет, я сразу же вернусь домой. Но этого, как видишь, не произошло. К тому же, не могу избавиться от мысли, что это он — Пустынный, меня сюда приволок. Как думаешь, есть ли на вашей земле еще демоны?

— Я не знаю, — честно признался Табит. — Мы привыкли жить и пользоваться тем, что имеем, и редко бываем в других городах. Лично я дальше Кабаргана нигде не был. Если бы вы не пошли за лавовым металлом, то мы бы еще долго не узнали, о том, что демон поселился в Груфу, что Варавию заносит песком и что болото высохло. Ты хочешь найти еще одного Пустынного демона и попросить перенести тебя домой?

Юноша не ответил. Он хотел домой, но не знал, как вернуться. Обида и разочарование давили тяжелым камнем.

— Пойду лягу. Может, хоть в этот раз выплыву.

Едва Гриша разделся и лег на кровать, как сразу же уснул. Приснился ему отец. Будто стоит Степан Мефодьевич на крыльце и выжидающе смотрит вдаль, на дорогу.

— Где же Гришка? — печально сказал он.

— В кабак пошел, наверное, — слышался ехидный голосок и рядом с ним появилась мачеха Елизавета. — Где же ему еще быть? Совсем о нас с тобой не думает, только бы пошляться да нажраться, как боров.

— Ну! — прикрикнул на нее генерал-поручик и грозно сдвинул седые кустистые брови. — Думай, что говоришь. Он — сын мой. Сынок... Кровинушка, где же ты?

— Тут я, батюшка, — весело крикнул Гриша и ударил его по плечу, но рука провалилась насквозь, а Степан Мефодьевич продолжал грустно вздыхать и глядеть на дорогу.

— Ты что это, не видишь меня? — испугался Гриша и что было мочи закричал ему в ухо. — Ба-тю-шка!!!

Вдруг его кто-то затряс.

— Ты чего кричишь? — увидел он обеспокоенное лицо Ура. — Кошмар приснился?

— Фух, — юноша сел и вытер рукавом пот со лба. — Да уж, кошмар.

Он огляделся. Сквозь щели в ставнях светило солнце, кровать Назифы была пуста, а внизу слышались голоса.

— Уже все встали?

— Даже позавтракать успели, а ты все спишь. Назифа хотела тебя разбудить, но Табит не разрешил. Пусть, говорит, выспится вдоволь, а то осунулся весь. Вставай, — Ур пошел к дверям. — У нас гости.

— Кто?

Однако библиотекарь уже вышел за дверь и спускался по скрипучим лесенкам. Гриша нехотя встал, открыл ставни, с наслаждением вытянулся, но чуть не выпал из окна, подскочив от резкого пыхтящего звука, доносившегося с улицы. Из-за ворот виднелись три мохнатые шеи с маленькими головами и большими волосатыми губами.

— Верблюды?!

Он вмиг оделся, умылся и, чуть прихрамывая, спустился на первый этаж. Кроме Хоруса и Табита за столом сидели трое мужчин. У одного из них, бородатого, было очень знакомое лицо. Назифа стояла у окна, а Ур полулежал на софе.

— А вот и еще один наш герой, — улыбнулся Табит и поздоровался кивком головы.

Бородатый встал, широко улыбнулся и протянул большую мозолистую руку:

— Поздравляю! Я знал, что вы и здешнего Пустынного убьете.

— Стражник на воротах в Груфу, — догадался юноша и крепко пожал протянутую руку. — Вы по делу или в гости?

— По делу, — вмиг посуровел он и предложил продолжить разговор за столом.

Гриша сел, подвинул себе кружку, доверху наполненную ароматным напитком, засунул в рот кусок лепешки и вопросительно уставился на бородача.

— Мы нашли...

— Кладбище? Трупы? Кости? — перебил его Гриша. — Много? Можно опознать?

Бородач озадачено посмотрел на него и замотал головой.

— Н-нет. Ничего такого... Мы нашли черную дыру.

— Что еще за дыра?

— Сами не знаем. По распоряжению наместника Озаза, двое суток рыскали в горах в поиске пропавших, но не нашли ни людей, ни костей. Зато наткнулись на мелких мерзких тварей, которые только и делали, что пытались нас сожрать. Я взобрался на скалу на краю гряды, как раз там начинается Великая пустыня, и увидел черное пятно. Мы сразу же поскакали туда и нашли дыру в земле. Черную дыру. Даже солнце не освещало ее. Когда я начал подходить, прямо из черноты показалась голова лупера. Мы его прикончили, но не прошло и пары минут, как вылетела стайка верлоков.

Гриша перестал жевать и задумчиво смотрел перед собой.

— Они нашли то место, откуда лезут к нам твари, — подсказал Ур.

— Я понял, — скосился на него юноша. — Но что делать с этой дырой? Может засыпать?

Бородач пожал плечами.

— Сейчас там стоит охрана. Ребята по очереди дежурят круглые сутки. Озаз хочет построить высокую стену.

— А вы зачем здесь? Строителей собираете?

— Собираем, но не строителей. Пришло время «Битве Светлых» вновь сплотиться и очистить землю от мерзких тварей и чудовищ. Признаюсь, пока мы ехали сюда, то чуть два раза не погибли. Но нас так просто не возьмешь, отбились. Пойдешь в мой отряд?

Гриша повернул голову и встретился с напряженным взглядом Назифы. Он не мог понять, то ли она хочет, чтобы он вступил в отряд, то ли наоборот, боится этого. Ур поправил задравшийся подол новой накидки и тихо сказал:

— Я точно пойду. Только лечебных порошков побольше сделаю.

— Я бы тоже пошел, — подал голос Хорус. — Но Табит не отпускает.

— Навоевался ты уже, — хмыкнул наместник. — Как-нибудь в этот раз без тебя

справятся...В Эль-Каре мужчин нет, одни старики остались. Ребята, вам надо ехать в Кабарган. Там найдутся смельчаки.

Гриша почесал переносицу и кивнул:

— И я пойду. Что мне здесь делать? Может, не выполнил я еще свое дело, поэтому и домой не попал. А ты, Назифа, что думаешь?

Девушка отвернулась к окну и тихо ответила:

— Мне домой надо, а там видно будет.

— Ну вот все вместе и поедете в Кабарган, — хлопнул в ладоши Табит. — Но завтра, а сегодня отдыхайте.

***

Весь день прошел в разговорах. Бородач, которого звали Милн, в мельчайших подробностях расспрашивал о схватке с Пустынными демонами. Затем полдня ходил за Назифой и упрашивал подарить хотя бы один кинжал.

— Нет, — твердо отвечала она. — Может, я сама пойду. Посмотрим, что скажет отец.

Она помогла снять повязку с ноги Гриши. Рана затянулась и не болела, лечебные порошки отлично справились со своим делом. Чуть позже, Гриша, Табит и гости с Груфу навестили оружейную. Юноша выбрал себе ятаган и прихватил несколько стрел. Правда, древки не подходили под арбалет Хоруса, поэтому остаток дня он провел, стругая новые.

Библиотекарь сразу после завтрака поскакал домой готовить порошки, а по пути заглянул к оставшимся жителям и вкратце рассказал о победе над Пустынным демоном. Радостные жители друг за другом приходили в дом наместника, чтобы поблагодарить Гришу и Назифу. Те, смущались и краснели от низких поклонов и тщетных попыток жителей расцеловать им руки. К ужину Ур вернулся в дом Табита, и тот пригласил троицу в комнату на втором этаже. На деревянном столе лежали три мешка из плотной ткани.

— Друзья, это награда за вашу смелость. В городской казне почти не осталось золота, поэтому мне помогли оставшиеся горожане. Никто не отказался поучаствовать и дал столько, сколько мог. Мы с вами договаривались по двести монет каждому, но здесь только по шестьдесят, — виновато сказал Табит и торопливо добавил. — Не волнуйтесь, мы обязательно выплатим всю сумму, но чуть позже. Когда вернутся люди и город начнет оживать.

Гриша взял один мешок, взвесил в руках и протянул Назифе:

— Я обещал тебе отдать. Держи.

Девушка отпрянула и замотала головой:

— Ты мне ничего не должен. Тебе самому понадобятся деньги.

Гриша запустил руку в мешок, вытащил несколько монет, спрятал их в карман:

— Надеюсь, в отряде меня будут кормить, а больше мне ничего не надо. Я виноват в том, что нас ограбили. К тому же обещал, что отдам тебе свою долю... Держи, а то обижусь.

Назифа нехотя забрала монеты и тихо сказала:

— Спасибо.

Ур раскрыл свой мешок, полюбовался блеском золота и отошел от стола:

— Наместник, раздай мое золото семьям с детьми. А я с Гришей уйду в поход. Не знаю, когда вернусь и вернусь ли вообще, но теперь моя душа спокойна. Я знаю, что с моей семьей все хорошо и они в лучшем мире.

Он с благодарностью посмотрел на Гришу, но тот отвел взгляд. Будто чего-то стыдился.

— Хорошо, дружище Ур, я раздам твои деньги нуждающимся семьям и обязательно расскажу им о тебе. О том, какой ты храбрый, добрый и щедрый.

Наместник спустился на первый этаж, и друзья остались одни. Назифа спрятала оба мешка под подушку и легла на кровать, Ур сел за стол и начал подсчитывать сколько порошков ему понадобится в поход, а Гриша подошел к окну. Все молчали. Завтра они поедут в Кабарган, а что будет дальше, никто из них не знал. Тоскливое чувство надвигающейся разлуки накрыло их.

— Гриша, — еле слышно позвала Назифа. — Помнишь, ты предлагал прогуляться под звездами? Я согласна. Давай погуляем сегодня?

Юноша повернулся к ней и с улыбкой ответил:

— Конечно, погуляем. Надеюсь, небо будет ясное и не придется брать с собой факел.

Вскоре наместник позвал их к ужину. Бородач Милн заразительно смеялся, рассказывая о том, как в первый раз увидел троицу:

— Ни за что бы не подумал, что они — охотники на демонов. Один маленький и сутулый, второй молодой и белый, а третья вообще — женщина!

Назифа с такой силой воткнула вилку в кусок мяса, что Милн все понял и притих, старательно отводя взгляд от взбешенной девушки. Хорус встал из-за стола и сказал, что хочет пойти на улицу и подышать воздухом перед сном. Приводить его вызвался Гриша.

— Как же хорошо, что вы не прошли мимо, — в очередной раз сказал Хорус. — Мне здесь так хорошо, что я готов хоть завтра умереть.

— Не надо умирать. Живи долго и смотри, как будет меняться мир в лучшую сторону.

— Смотри? — расхохотался старик. — Ну ты и шутник!

Гриша тяжело вздохнул и поднял взгляд на черное небо с миллионами сверкающих огней.

— Не хочешь поделиться со мной своей горестью?

— О чем ты? — не понял юноша.

— Я слышу и чувствую, что твоя душа не на месте. Знаю, ты хотел попасть домой, но может, тебя еще что-то волнует? Я отличный слушатель для тех, кто хочет быть услышанным.

Гриша обернулся, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает, и сказал вполголоса:

— Я не всю правду рассказал о том, что видел, когда меня схватил Пустынный.

Хорус кивнул, чтобы тот продолжал.

— Они притворялись.

— Кто?

— Люди. Это притворные улыбки, они ничего не значат. Их белоснежные зубы и растянутые губы, как маска. На самом деле, им не весело. Они играют в счастье, будто хотят сказать: «Ай-да все к нам! У нас хорошо и весело», но это не так. Демон заманивает людей в тот чудесный мир. В мир — мечту, но лишает их главного — души. Эти люди оторваны от корней, от своей земли, от того святого, что вкладывали в них поколения предков. Они, как бабочки-однодневки, без прошлого и без будущего.

Хорус задумался и принялся чесать заросшую щеку.

— Так ты больше не жалеешь, что избавил город от демона?

— Нет, не жалею... Только еще сильнее захотел домой. Я здесь чужой.

В дверях появилась темная фигура и на улицу вышла Назифа.

— Пойдем гулять? — несмело спросила она.

— Да, пойдем. Только воды Бонапарту дам, — бодро сказал Гриша, наклонился к Хорусу и прошептал. — Спасибо за то, что выслушал. Ты мне очень помог.

Старик кивнул, а юноша вышел за ворота и побежал к соседнему дому, в амбаре которого они поселили Бонапарта.

— Боня, это я, — подал он голос и отпер широкую деревянную дверь. — Как ты, дружок?

Конь подошел и опустил голову на его плечо.

— Соскучился? И я. У моего батюшки кобылка есть, Звездочка. Вы бы с ней отлично смотрелись: ты — черный, она — белая. Прямо, как мы с Назифой, только наоборот: я — белый, а она — смуглая. Я и раньше слышал о неграх, но никогда их не видел. Интересно, а какого цвета у нее... Ладно, не будем об этом.

Вдруг конь дико заржал и встал на дыбы.

— Ты чего? — изумленно произнес Гриша, но не успел отскочить и получил копытом по лбу. Последнее, что он видел, это яркие вспышки звезд, которые почему-то стали гораздо ближе.

***

— Ку-ку...ку-ку...ку-ку...

— Кто кукушкой заделался? Вот встану и летать отправлю, — недовольно пробурчал Гриша и открыл глаза.

Прямо перед ним повис яркий белый лик луны. Вдали горели желтые огоньки в окнах домов родной деревеньки.

— Не может быть, — прошептал он и прижал руку ко рту. — Вернулся.

Спину грела теплая печная труба, одного сапога не было, а по двору неспешно шел Василий с охапкой дров.

— Сплю я или нет? Не пойму...Эй, Вася!

Василий остановился, задрал голову и хрипло спросил:

— Чего изволите, Григорий Степанович?

— Долго я на крыше сижу?

— Долгонько. Батюшка с Елизаветой Николаевной за стол уже сели. Ужинают. Вы бы спустились и тоже поросся отведали. Повариха хвасталась новым...как его, — задумался он. — А-а-а, руцептом. И щец вкусный, я пробовал. А пирог с потрошками просто объедение. Сам не пробовал, но пахнет вкусно.

У Гриши от волнения вспыхнули щеки и затрепетало сердце.

«Я дома! Или опять сон?»

Он встал и начал медленно сползать с крыши. Тем временем, Василий скрылся в доме и двор опустел.

— Та-ак, где-то здесь должен быть выступ.

Вдруг снизу раздался щелчок. Гриша обернулся и замер, в ужасе глядя на огромную темную фигуру.

— Пустынный, — еле слышно прошептал он. — В этот раз ты меня не получишь!

Он повернулся к крыше веранды, но следующий шаг пришелся как раз на острый выступ.

— А-а-а-а! — закричал он и кубарем полетел вниз.

Однако вместо жесткого приземления, его мягко поймали и бережно опустили на землю. Гриша медленно повернул голову и увидел над собой широкоплечего кузнеца.

— Филя? Ты?

— Я, барин, — зычным голосом ответил тот. — Осторожнее надо по крышам-то лазить. Не ровен час, упадете и шею сломаете.

— Не каркай!

«Приснилось мне, что ли? Может, не было никакого демона, ни Ура, ни Назифы?»

Он зашагал к крыльцу, но кузнец окликнул его и показал на сапог в его руке:

— Стоптали совсем. Отдайте второй, для дела надо.

Юноша опустился на ступеньку крыльца, стянул сапог и внимательно осмотрел его: каблук был сбит набок, весь в пыли, внутри полно песка. Он опустил голову вниз, посмотрел на ногу и замер. На белой коже выделялась розовая полоска заживающей раны.

— Ба-тю-шка!!! — закричал он и бросился в дом. — Я вернулся!

***

От том, что с ним было, Гриша никому не рассказал. С одной стороны, боялся, что на смех подымут, а с другой, сам не верил в произошедшее. Каждый вечер перед сном он вспоминал свои приключения и верных друзей. Назифа и Ур прочно заняли место в его сердце, и он очень по ним скучал. Взбалмошная, дерзкая, неприступная, но храбрая и честная Назифа часто снилась ему в эротических снах, хотя между ними так ничего и не случилось. Если не считать того поцелуя в купальне Табита.

Начитанность и тяга к знаниям Ура передалась и ему. Часто, вместо гулянок и карточных игр, он заходил в отцовскую библиотеку, брал том потолще и проводил с ним весь вечер, пытаясь читать вдумчиво.

Отношения с бабушкой улучшились. Гриша понял, как сильно он любит отца, и как много делает для него Степан Мефодьевич. С мачехой Елизаветой он сначала пытался общаться по-дружески и даже начал делать комплименты, но ее сучья натура все равно вылезала и портила ему нервы. Поэтому Гриша решил просто ее не замечать.

— А звезды там совсем другие, — еле слышно сказал юноша. Он лежал на крыше веранды и смотрел на ночное небо.

Конец первой книги